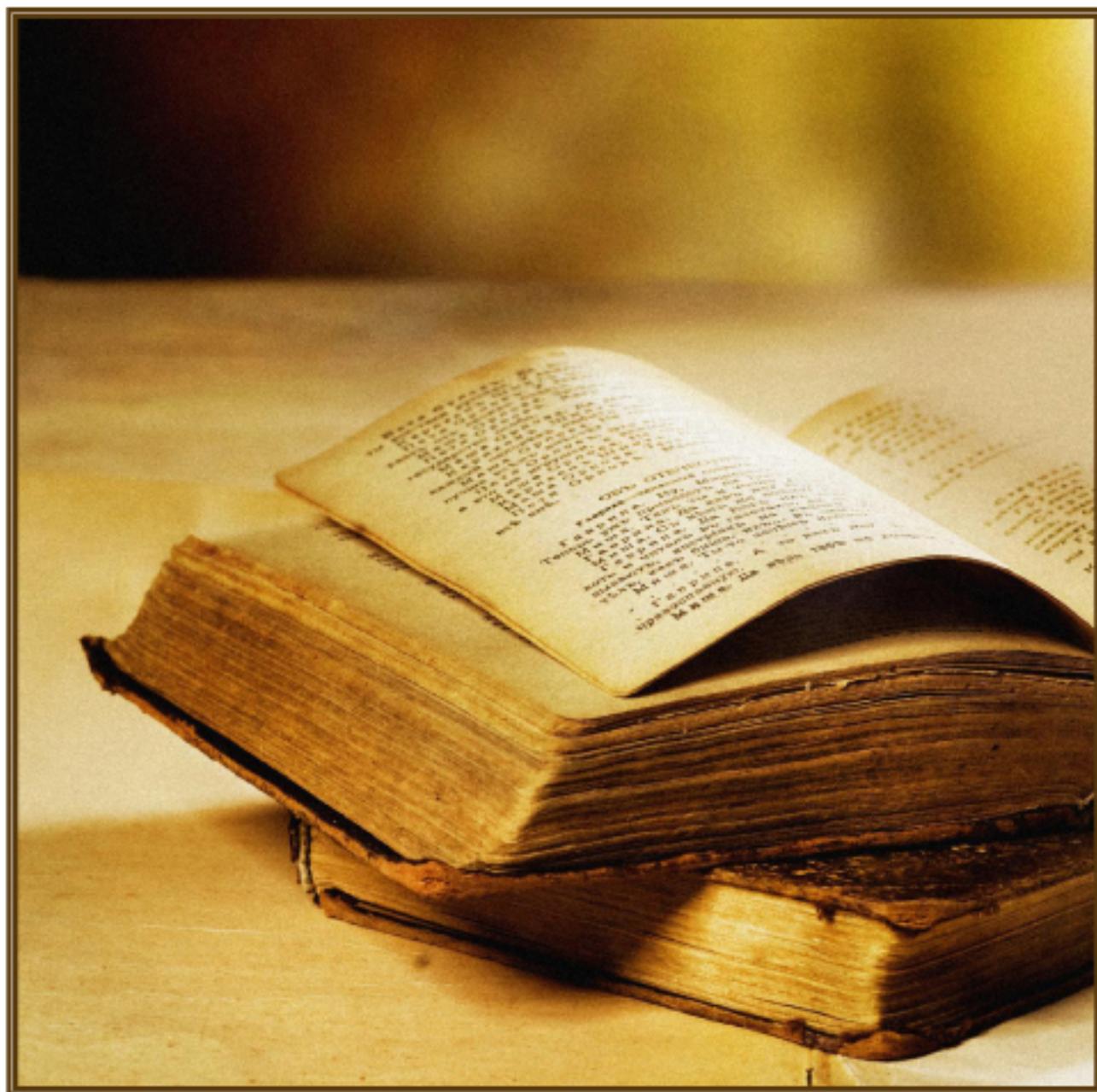

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
International Scientific Analytical Project

№ 3 Liberal* | January 2014

Expert group:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey)

Language is a purely evolutionary phenomenon. Sometimes people think otherwise and endow language with attributes of conservative invariance. Undoubtedly, at separate rather local stages of historical process, main qualities of oral and written language show stability. However language forms and means of communication are constantly improved in a long evolutionary projection.

Developing as system of fixing, accumulation, interpretation and information transfer language does not only reflect features of public processes evolution, but also stimulates their intensification. To some extent language acts as a unique social phenomenon equally referable to past, present and future, and also equally accompanying and determining the social progress.

Thus, speech mechanisms of human communications have been the most perfect, reliable and flexible tools ensuring vital activity of the society since the moment of their origination.

The importance and significance of Philology within the structure of human knowledge can't be overestimated. As the self-sufficient sphere of analytical research Philology has enormous scientific and cultural value. Along with this, linguistic semantic constructions do not only form the subject and method of human intelligence functioning, but also fill sectoral arrays of scientific data providing their semantic interdisciplinary interaction.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
January 29, 2014

GISAP: Philological Sciences №3 Liberal (January, 2014)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2014 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

«*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal («Professional») involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world».

CONTENTS

S. Ayazbekova, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan
LANGUAGE AND WRITING AS MEANS OF PRESERVATION AND TRANSFER OF CULTURAL VALUES IN TIME AND SPACE (BY THE EXAMPLE OF TURKIC LANGUAGE AND ORHON-YENISEI SCRIPT).....3

L. Yekshembeyeva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
CONCERNING THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT «THE GREAT SILK WAY».....6

A. Zalevskaya, Tver State University, Russia
DYNAMICS OF MEANING OF THE «LIVE WORD» IN SCIENCE AND IN COMMON KNOWLEDGE..... 10

O. Ikonnikova, South Federal University, Russia
NOMINALS IN BELLA COOLA.....14

V. Lee, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
UPDATING OF THE PROPOSITIONAL CONTENT OF THE WORD (TO THE PROBLEM OF ONTOLOGY OF THE VERBAL CULTURE CONCEPT).....16

V. Lee, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
LANGUAGE MEANS AND WAYS OF EXPRESSION OF THE EVENT
MEANING IN THE ART TEXT (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE).....20

L. Doncheva, National Sports Academy “Vassil Levski”, Bulgaria
INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE SECOND LANGUAGE ACQUISITION BY SPORTS STUDENTS..... 23

Y. Redkva, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine
HISTORICAL OIKONYMS OF THE RUTHENIAN VOIVODESHIP AT PAN-SLAVIC BACKGROUND.....26

Y. Redkva, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine
HISTORICAL TOPONYMY OF WESTERN UKRAINE IN CORRESPONDENCE OF POLISH GOVERNMENTAL PAPERS..... 31

L. Mirzoyeva, Suleyman Demirel University, Kazakhstan
INTERACTION OF THE AXIOLOGICAL AND FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTIC OF LEXICAL UNITS: DYNAMICS OF MEANS OF EXPRESSION OF THE ASSESSMENT.....36

L. Mirzoyeva, Suleyman Demirel University, Kazakhstan
TO THE PROBLEM OF CULTURAL IMPLICATIONS IN TRANSLATION: THE CONCEPT OF «DUTY/DEBT» IN RUSSIAN AND ENGLISH..... 39

E. Mincu, Nicolae Testemitanu State University of Medicine and Pharmacy, Moldova
AFFIXOIDS IN NEOLOGIZATION OF MEDICAL LANGUAGE.....42

D. Hamze, Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Bulgaria
PHILOSOPHIC-AESTHETIC AND LINGUISTIC-PRAGMATIC RESOURCES OF THE GROTESQUE (ON THE MATERIAL OF WORKS OF W. GOMBROWICZ).....46

D. Hamze, Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Bulgaria
ASPECTS OF CASE (ON THE MATERIAL OF POLISH LANGUAGE).....53

I. Pykhtina, Orenburg State University, Russia
TO THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF SPATIAL IMAGES AND MODELS IN FICTION.....63

L. Shutova, Luhansk National University named after Taras Shevchenko, Ukraine
UKRAINIAN ON THE WAY TO GENDER TOLERANCE.....67

CONTENTS

Аязбекова С.Ш., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан
ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВА СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА И ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ).....3

Екшембева Л.В., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан
О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»..... 6

Залевская А.А., Тверской государственный университет, Россия
ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ «ЖИВОГО СЛОВА» В НАУКЕ И В ОБЫДЕННОМ ЗНАНИИ.....10

Конникова О.Н., South Federal University, Russia
NOMINALS IN BELLA COOLA.....14

Ли В.С., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА (К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ПОНЯТИЯ
СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ).....16

Ли В.С., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ).....20

Doncheva L.K., National Sports Academy "Vassil Levski", Bulgaria
INTERACTIVE TEACHING METHODS IN SECOND LANGUAGE ACQUISITION WITH SPORTS STUDENTS.....23

Redkva Y.P., Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine
HISTORICAL OIKONYMS OF THE RUSKE WOYWODSTWO AT PAN-SLAVIC BACKGROUND.....26

Redkva Y.P., Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine
HISTORICAL TOPONYMY OF WESTERN UKRAINE IN THE CORRESPONDENCE OF POLISH GOVERNMENTAL
PAPERS.....31

Мирзоева Л.Ю., Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКЦИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ДИНАМИКА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ.....36

Мирзоева Л.Ю., Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан
К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ИМПЛИКАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ: КОНЦЕПТ «ДОЛГ» В РУССКОМ
И В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 39

Минку Е., Государственный Университет Медицины и Фармакологии им. Николая Тестемияну, Молдова
АФФИКСИДЫ В НЕОЛОГИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ЯЗЫКА.....42

Хамзе Д.Г., Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского, Болгария
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ГРОТЕСКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В. ГОМБРОВИЧА).....46

Хамзе Д.Г., Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария
АСПЕКТЫ ПАДЕЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА).....53

Пыхтина Ю.Г., Оренбургский государственный университет, Россия
К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ И МОДЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ.....63

Шутова Л.И., Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина
УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....67

LANGUAGE AND WRITING AS MEANS
OF PRESERVATION AND TRANSFER OF
CULTURAL VALUES IN TIME AND SPACE
(BY THE EXAMPLE OF TURKIC LANGUAGE
AND ORHON-YENISEI SCRIPT)

S. Ayazbekova, Doctor of Philosophy, Candidate of Arts,
Full Professor,
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University,
Kazakhstan

Comparative-historical, theoretical and cultural issues of language and writing in valuable and civilization aspects are analyzed on the example of development, dissemination, loss and reconstruction of the Turkic Runic script.

Keywords: culture language, writing, cross-cultural communication, cultural value, typology of cultures, Turkic Runic script, Turkic civilization.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Тюркский язык и руническое письмо во времени и пространстве.

Когда прототюрки и тюрки руническим алфавитом высекали на скале, камне или металле свои послания потомкам, нанося их на бумагу, кожу, дерево или расписывали золотые, серебряные и бронзовые предметы (в том числе - монеты, браслеты, перстни, зеркала и блюда), а также с его помощью делали «зарубки на память» на предметах хозяйственного быта, они, вероятно, и не предполагали, что их потомки, не потеряв тюркской основы своих многочисленных языков, с величайшим трудом откроют смысл зафиксированного. Не предполагали они и того, что в этом им помогут носители других языков и культур Евразии, технологии иных цивилизаций.

Распространившись с V-IV вв. до н.э. и до VI-X вв. на значительной части степной Евразии, там, где проживали тюрки – на берегах Енисея, Байкала, Лены, Дуная, Волги, на Алтае, в Восточном Туркестане, Средней Азии, Кавказе, Монголии, древняя алфавитная письменность тюрков существовала и среди других племен и народов, в т.ч. шумерских и ассирийских. К сожалению, как культурная ценность эта письменность не были сохранены в процессе межпоколенной и межкультурной коммуникации, что во многом было связано с распространением или отдельным использованием тюркоязычными народами сначала манихейского, согдийского, санскритского, древнеиндийского, тибетского,

уйгурского и арабского, а затем – латинского и русского кириллического алфавитов [1].

Такие достаточно быстрые переходы от одного к другому алфавиту и письменности, возможно, были определены тем, что тюркский мир, находясь в центре Евразии и Великого Шелкового пути, в зоне масштабного взаимодействия народов и культур, на различных этапах своего развития способствовал, с одной стороны, установлению контактов Европы с Азией и, с другой стороны, их разъединению, направленного на формирование множественной локальной цивилизационной идентичности Евразии. Поэтому владение несколькими языками, свободные переходы от одного алфавита к другому, одновременное составление текстов на нескольких языках, - все это диктовалось государственными, экономическими, религиозными и культурными контактами практически со всеми цивилизациями Евразии того времени. В результате этого собственная тюркская руническая письменность перестала использоваться, а впоследствии была утеряна и забыта. И только тогда, когда в XVII- XVIII вв. возник исследовательский интерес к Востоку, один за другим эти памятники были обнаружены европейскими и русскими археологами.

Так случилось и с «руническими» письменами, высеченными на камнях Енисея, так было и с памятниками в честь Бильге-кагана (735 г.), его младшего брата Кюльтегина (732 г.), и с

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ КАК
СРЕДСТВА СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ
ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА И ОРХОНО-
ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Аязбекова С.Ш., д-р филос. наук, канд. искусствоведения, проф.
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан

На примере развития, распространения, утери и воссоздания тюркской рунической письменности анализируются сравнительно-исторические, общетеоретические и культурологические вопросы языка и письменности в ценностном и цивилизационном аспектах.

Ключевые слова: язык культуры, письменность, межкультурная коммуникация, культурная ценность, типология культур, тюркское руническое письмо, тюркская цивилизация.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Онгинским памятником (начало VIII в.), которые были найдены в Монголии в бассейне р. Орхон. Так было и со многими другими культурными ценностями, зафиксировавшими тексты с рунической письменностью, которые до сих пор открываются миру.

Второе рождение этих памятников стало возможным благодаря дешифровке орхоно-енисейского рунического алфавита датским языковедом В.Томсеным 25 ноября 1893 г., позволившей впервые осуществить прочтение этих надписей русским исследователем-востоковедом В.В.Радловым.

Процессу дешифровки рунических надписей во многом способствовали двуязычные и трехязычные надписи на других языках Евразии, сделанные одновременно с их созданием. Так, орхоно-енисейские обелиски имели не только рунические надписи, но и китайские; тюркская руническая и согдийская надписи выбиты на Сэврэйской стеле-памятнике уйгурской династии (762 г.). Тюркские рунические, китайские и согдийские надписи имеются на древнеуйгурском памятнике из Кара-баласагуна на Орхоне (795 г.).

Исследовательский интерес к тюркскому руническому письму охватывает все большее время и пространство: начиная с XI в. с самого тюркского мира («Собрание тюркских наречий» кашгарского тюркского ученого Махмуд ал-Кашгари), распространяясь с XVIII в. на Париж («Школа живых восточных языков») и Россию («Русские летописи»), в XIX-XXI вв.

охватывает многие страны евразийского континента. Важным является и то, что изучение тюркской рунической письменности в самих тюркоязычных странах, проведение международных конференций, форумов и симпозиумов способствует осознанию и стремлению к восстановлению некогда порушенной идентичности.

Следует заметить, что к настоящему времени многие тексты, написанные древнетюркским руническим письмом, переведены на современные европейские, славянские, арабские, тюркские и другие языки. Важным способом сохранения тюркской рунической письменности является и масштабная оцифровка таких текстов, перевод их в электронный формат.

Парадоксально, но сегодня тюркское руническое письмо широко используется в художественном творчестве (графике, живописи, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве, оформлении исторических районов городов, банеров, книг, спектаклей на древнетюркскую тематику); оно открывается с экранов телевизоров, с разнообразных интернет-сайтов и видеосюжетов. Особое предпочтение древнетюркской письменности высказывают представители высокой моды, когда те или иные руны становятся стилистическим и композиционным стержнем современных нарядов или украшений.

Пример создания, функционирования, распространения, утери, обнаружения, дешифровки, переводов, изучения и, наконец, воссоздания древнетюркской письменности позволяет сделать некоторые обобщения относительно сохранения и передачи культурных ценностей в историческом времени и пространстве различных цивилизаций.

Язык и письменность как историческая и культурная ценность. История развития тюркского языка и письменности, так же, как и их содержание, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что они, как и другие памятники рунической письменности, представляют собой огромнейшую историческую и культурную ценность. Во многом это связано с устаревшим восприятием тюркского мира, поскольку научные изыскания, связанные с тюркской пись-

менностью, к сожалению, не получили должного распространения. Конечно, в исторической оценке тюркского мира свою роль сыграла общераспространенная концепция графа де Габина, согласно которой только нордический человек был поставлен на цивилизационный пьедестал. Сказываются и устойчивые стереотипы деления народов на «исторические» и «неисторические». Поэтому на протяжении последних веков цивилизационное развитие человечества зачастую связывалось с Европой и оседлыми письменными культурами, а важными составляющими самого понятия «цивилизация» все же выступали государство, письменность, материальные основания и связанные с ними экономические отношения.

Что касается тюркского мира, то, он был совершенно иным. Имея в своей основе доминирование кочевого способа жизнедеятельности, он воспринимался многими исследователями как некий хаотичный набор племен, не имеющий ни истории, ни государственности, ни культуры. Незнание письменных источников, а, возможно, и память о военной экспансии тюрков-номадов, страх и ужас, которые вызывали они, - все это, вероятно, способствовало тому, что на подсознательном генетическом уровне произошло некое отторжение, и тюркский мир был редуцирован как мир дикости и варварства.

В этом контексте тюркские языки, также как и созданная тюркским этносом самобытная руническая письменность, являются той культурной ценностью, которая раскрывает все многообразие языков и культур, свидетельствуя о народе, оставившем свой собственный значительный след в истории человечества.

Письменность как признак цивилизационного развития. В последние два столетия историография активно была пополнена новым методом – цивилизационным. Отныне цивилизационные принципы развития дополнили принципы формационного членения истории. На стыке истории, философии, культурологии, экономики, филологии и других наук возникла новая наука – цивилиография, исследования которой возникли в результате использования междисциплинарного подхода. Мировые и локальные цивили-

зации, их признаки, развертывание во времени и пространстве, классификация и типология – все это стало предметом пристального изучения.

Что касается тюркской цивилизации, то ей не нашлось места ни в одном цивилизационном классификаторе. А между тем, исследователи, определяя признаки цивилизации, к одному из главнейшему из них относят письменность. В этой связи, наличие у древних тюрков своей собственной письменности, способной сохранять культурные ценности, свидетельствует о существовании тюркской цивилизации. Кроме данного цивилизационного признака – наличия письменности, существуют и другие, подтверждающие наличие цивилизации, такие как единство территории и общность условий проживания, общность этногенеза, наличие системы государств, единство политического строя, культуры и менталитета, исконное языковое родство, календарь, религия (тенгрианство), развитая система экономических отношений [2].

Синтез устного и письменного типов культуры в тюркской цивилизации. Рассмотрение способов распространения и использования письменности у тюрков приводит к некоторым размышлениям относительно развертывания типов культур во времени и пространстве.

Ю.М.Лотман, анализируя библейские тексты, делает вывод о том, что «бесписьменная и письменная культуры предстают как две сменяющие друг друга стадии – высшая и низшая» [3, с. 11]. В отличие от европейской культуры, в которой два этих типа сменили друг друга в эволюционной последовательности, в тюркской цивилизации эти типы существовали в одновременности, свидетельствуя о различиях в процессах передачи информации и культурных ценностей в оседлых (городских) и кочевых (степных) социальных структурах. Тем самым, тюркская цивилизация смогла обеспечить синхронный синтез письменного и устного способов организации языковой трансляции, что позволило ей избежать тех потерь, которые неизменно сопровождают процесс перехода от устной к письменной культуре.

Сохранение и репрезентация культурных ценностей в языках и

текстах культуры. Пример переводов тюркского языка из одной письменности в другую (из рунической в манихейскую, согдийскую, санскритскую, древнеиндийскую, тибетскую, арабскую, латинскую и кириллическую алфавитную системы), переводов рунических текстов на другие языки - естественные (немецкий, русский и др.), вторичные (языки искусств и пр.) и искусственные (цифровой), ставит вопрос и о семантической модификации культурных ценностей в процессе их ретрансляции в различных языковых системах и текстах.

Если исходить из того, что язык культуры – это совокупность культурных объектов, каждый из которых имеет внутреннюю структуру, правила образования, осмысления и употребления ее элементов в целях коммуникации и трансляции культурных ценностей [4], то, исходя из дифференциации языка в соотнесенности к областям действительности, человеческой деятельности, языковому сообществу, знаковой представленности, ориентации на трансляционные коммуникации, становится очевидным, что каждый язык имеет свои знаки, отличные от других языков, в которых заключены определенные смыслы, отражающие ту или иную культуру и присущие только ей особенности картины мира. Из этого следует, что перевод ценности с одного языка культуры в другой, становясь жизненно необходимым способом ее сохранения и дальнейшего развития, неизбежно приводит к утере первоначальных смыслов.

«Культурная ценность» как исторический феномен. Использование различных типов письменности при функционировании единого тюркского языка, активная межкультурная коммуникация как следствие широкой кооперации на всем евразийском континенте, утрата и воссоздание письменности - анализ этих факторов развития языка и письменности способствует рассмотрению понятия «культурная ценность» как исторического феномена.

Пример распространения, утраты и воссоздания рунической письменности – лишь частный случай из жизни многих культурных ценностей, выраженных в разнообразных языках и текстах культуры. Истории культуры

известно, как духовные и материальные объекты культуры, будучи изначально ценностями, обладающими своей уникальностью и имеющими определенный смысл, в процессе своего разветвления во времени и пребывания в определенном пространстве, теряли свои ценностные свойства, превращаясь в ценностно-нейтральные феномены (термин Г.Риккерта). Именно этот процесс нейтрализации смыслов и социальных потребностей и обуславливал их забвение. Возникновение же новых потребностей, зачастую связанных с усилением интереса к истории, поиском и сохранением культурного наследия, подчас приводит к обратному переходу феноменов от ценностно-нейтральных к ценностным. Данный переход становится возможным не только тогда, когда появляется исторический смысл восстановления артефактов культуры, но и тогда, когда раскрываются утерянные смыслы самого феномена культуры.

Из сказанного можно сделать следующие **выводы.**

1. Единственным средством сохранения и воссоздания смыслов является язык, с его кодифицирующими свойствами.

2. Сохранение и воссоздание культурных ценностей возможно не только в рамках репрезентации этой ценности в изначальной языковой системе, но и в иных языках культуры, что и создает возможности бесконечного ее тиражирования во времени и пространстве.

3. При дешифровке и воссоздании культурных ценностей средствами других языков культуры происходит утеря первоначальной семантики, что может иметь достаточно большую амплитуду.

4. Воссозданию первоначальной семантики в современных условиях способствуют переводы в разные языковые культурные системы, которые в своей совокупности и позволяют подойти к раскрытию смыслов.

5. Культурная ценность, найденная, сохраненная, воссозданная и растиражированная при помощи различных языков культуры (и в особой мере - цифрового языка) перестает быть культурной ценностью народа, создавшего эти ценности, а становится общечеловеческой ценностью.

Таким образом, обобщая сказанное,

можно заметить, что использование разнообразных языков культуры в процессе воссоздания и тиражирования, анализ текстов с применением компаративистского метода исследования, - все это становится самым эффективным средством не только сохранения культурных ценностей, но и формирования предпосылок для их дальнейшей актуализации во времени и пространстве.

References:

1. Аманжолов А. С. Древняя алфавитная письменность тюркского мир // Простор. – Алматы, 2013, № 2. - С. 169-182; Он же.– История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2002; Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Издательство Академии наук Киргизской ССР, 1959. 220 с.; Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб, 2003; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. - СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005. - 346 с.; Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Ленинград, 1951; Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. - СПб., 1892-1899. Вып. 1-4; Сулейменов О.О. Азия. – Алма-Ата, 1975. – 303 с.; Он же. – Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. - Алматы, 2002. – С. 30; Щербак А. М. Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. — СПб.: Наука, 2001. — 152 с. и др.

2. Аязбекова С.Ш. “Тюркская цивилизация” в системе цивилизационных классификаторов // «VIA EVRASIA» - София, 2012. - № 1.

3. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры. - М., 1987. - С. 3-11.

4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994; Багдасарьян Н.Г. Язык культуры // Социально-политический журнал, 1994, № 1-2; Делёз Ж. Логика смысла. – М., 1995; Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации. – М., 1967 и др.

CONCERNING THE TRANSFORMATION OF
THE CONCEPT «THE GREAT SILK WAY»

L. Yekshembeyeva, Professor, Doctor of Philology,
Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The concept «The Great Silk Way», used by travel agencies of Kazakhstan as information basis of an advertizing product, is considered in the article. Results of the contextual analysis of use of the concept name have allowed to reveal the main content of transformational processes of its cultural component: from the assessment of the historical and cultural role of the artifact in the development of human civilization to the assessment of reality modern objects in the area of valuable component of the cultural concept, and then to emergence of quasi-assessment in the process of naming on condition of using of the concept name or its foreign-language analog.

Keywords: concept, cultural component, advertizing text, estimation, quasi-assessment, naming.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Великий шелковый путь как культурный артефакт истории стал концептом в языках и культуре народов, населяющих территорию вдоль всех его направлений. Вербальное выражение концепта в китайском, уйгурском, таджикском, казахском, киргизском, персидском, арабском, хинди, монгольском языках приведено в словарной статье свободной энциклопедии Википедии. [1] Для вербализации имени концепта в поликультурном социуме Казахстана используются языковые средства: Великий шелковый путь, Жібек Жолы, Zhibek Zholy, Silk Road, Silk Tour, Silk Way.

Наиболее активно эксплуатируется концепт Великий шелковый путь туристическими компаниями Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Отдельные компании используют сочетания Великий шелковый путь, The Silk Road, Silk Tour, как функционально-семантические доминанты в своем названии. Это туристические компании Казахстана: «Silk Road Adventures Tourist Company» [2], «Silk Tour Казахстан» [3], «Silk Tour - Шелковый путь Караганда» [4]; Узбекистана: «ABC Silk Road Tourism Ltd» [5], «Novotours Silk Road» [6]; Кыргызстана: «Ассоциация Туризма Шелкового Пути - The Silk Road Tourism Association». [7] И все туристические компании этих стран предлагают туры по Великому шелковому пути. Ставки делаются, во-первых, на эксплуатацию ассоциативных связей стимула *Великий шелковый путь* в концептуальной инди-

видуальной системе потенциальных туристов, а во-вторых, на удовлетворение их информационных, эстетических и функциональных потребностей посредством рекламных текстов. Концепт *Великий шелковый путь*, обозначающий исторический артефакт, стал межкультурным концептом. И именно это позволяет туристическими компаниями Казахстана активно использовать его с целью привлечения клиентов.

Цель настоящей статьи определить основное содержание трансформационных процессов культурного компонента концепта *«Великий шелковый путь»* в современных контекстах его функционирования.

Анализ словарных статей и контекстный анализ сочетания «Великий шелковый путь» в рекламных текстах казахстанских туристических компаний, предлагающих туры, в контекстах, найденных в Национальном корпусе русского языка [8], а также в названиях организаций и проектов, найденных через поисковики Интернета, позволили определить основное содержание исследуемого концепта, а также выявить тенденции в трансформации его содержания.

Как известно, в формировании концепта важную роль играет семантическая составляющая понятия, а точнее, структура лексического значения имени концепта.

В толковых словарях [9, 10] словарные статьи включают объективную, исторически достоверную ин-

О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА
«ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

Екшембеева Л.В., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматривается концепт «Великий шелковый путь», который используют туристические компании Казахстана в качестве информационной основы рекламного продукта. Результаты контекстного анализа использования имени концепта позволили выявить основное содержание трансформационных процессов его культурной компоненты: от оценки исторической и культурной роли артефакта в развитии человеческой цивилизации, к оценке современных объектов действительности в ареале ценностной компоненты культурного концепта, и затем к появлению квазиоценочности в процессе нейминга при использовании имени концепта или его иноязычного аналога.

Ключевые слова: концепт, культурная компонента, рекламный текст, оценочность, квазиоценочность, нейминг.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

формацию. Кваликативная характеристика исторического артефакта «Великий шелковый путь», по данным словарей, представлена: а) определением понятия через отнесенность к родовому – дорога; б) описанием свойств – караванная; имеет два основных направления - северное и южное, существовала в древности и средние века; в) указанием на функцию – обеспечение торговых отношений между Китаем и странами Средней и Передней Азии.

В Историческом словаре [11] Великий шелковый путь определяется в системе следующих категорий: сущностная характеристика - огромное историко-культурное пространство со множеством маршрутов (от берегов Восточного Средиземноморья до Китая); время функционирования - рождение Великого шелкового пути соотносится с последним десятилетием II в. до н.э., концом определен XVII в. н.э.; протяженность пути определяется временем его преодоления - более года; основные предметы торговли - китайский шелк, драгоценные камни, жемчуг, экзотические украшения, дорогая фаянсовая и фарфоровая посуда, перец, пряности, ладан, мирра.

В геоэкономическом словаре В.А. Дергачева [12] преимущественно дается оценка значимости артефакта с позиций истории. Великий шелковый путь определяется как величайшая мировая торговая коммуникация на Евразийском континенте; крупнейший материальный памятник откры-

тости цивилизации к внешнему миру и международным экономическим отношениям; гарант мира на рубежах евразийских цивилизаций; коммуникационный каркас, соединявший цивилизации, трансконтинентальная трасса.

Уже в толковании понятия в словарных статьях намечилось две тенденции. Первая тенденция - сообщение общей объективной информации через систему параметров, характеризующих настоящий артефакт истории, – традиционна. Вторая тенденция – оценка его значимости с позиций истории – зафиксирована только в словаре В.А. Дергачева.

Анализ рекламных текстов туристических компаний, эксплуатирующих исследуемый концепт, позволил выявить усиление оценочности в семантике исследуемого концепта. Оценка артефакта с позиций истории как сменная составляющая понятия *Великий шелковый путь* доминирует, но уже фиксируется тенденция экстраполировать эту оценку на современные артефакты. Так, на портале OrehCA.com указано, что содержанием рекламного продукта в сфере туризма являются достопримечательности, традиции, история и культура Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, которые «презентуются на портале через преломление в ареале Великого Шелкового пути.» [13] Фактически идет речь об экстраполяции семы оценочности в семантике имени концепта на современные артефакты и рекламные продукты, пространственно с ним соотношенные.

Нами проанализированы рекламные тексты сайтов турагентства Национальной компании «Шелковый Путь – Казахстан» [14], «Комитета индустрии туризма Республики Казахстан – туризм и отдых в Казахстане» [15], компаний «Silk Road Adventures» [16] и «Ak-Madi Travel» [17], которые предлагают путешествия по странам и городам исторического артефакта – Великого шелкового пути.

Исследование рекламных текстов показало, что информационной основой рекламного продукта является понятие *Великий шелковый путь*. Рекламный продукт приобретает силу воздействия на реципиента, благо-

даря тому, что он включается в процесс мышления как концепт культуры. «Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах. ... Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы.» [18, 90]

Именно поэтому в качестве информационно-основы рекламного продукта и основного средства рекламы на сайтах туристических компаний Казахстана выступает концепт Великий шелковый путь.

Благодаря концептуализации и категоризации понятия Великий шелковый путь, включения его в концептуальную систему реципиента в системе определенных «квантов» знаний, формируется механизм воздействия на воспринимающего информацию. При этом сила рекламного эффекта, на наш взгляд, коррелирует со степенью сформированности концепта в индивидуальной концептуальной системе реципиента.

Целью концептуального анализа текстового материала указанных сайтов стало исследование контекстного употребления понятия *Великий шелковый путь*.

В контекстах, связанных с наименованием рекламного продукта – Великий шелковый путь, – помимо традиционного наименования артефакта, используются сочетания *великий караванный путь, торговая магистраль, торговый путь, дорога торговли, караванная торговля*. Атрибутами этих понятий становятся: *маршрут, трасса, тюркский караванный ход, казахстанский участок, тропы торговых караванов; города Шелкового*

пути, цепь караван-сараяв, конечные пункты Шелкового пути; караваны, верблюжьи караваны; товарообмен между государствами. Для выражения места расположения (вдоль Шелкового пути) и способа транспортировки товаров (по Шелковому пути) используются косвенные падежи.

Динамика становления и развития Великого Шелкового пути отражена в семантической сочетаемости данного понятия с глаголами: *возник, шел, проходил, сформировался, функционировал, просуществовал, достиг расцвета*.

Метафоричность сочетаний – *место пересечения великих торговых путей, мировых цивилизаций и культур; мост между двумя полюсами одного мира – Западом и Востоком; проводник культур, наук, технологий и религий, артерия*, соединяющая разные цивилизации – обеспечивает эффект оценочности средствами номинации через указание на функциональные роли артефакта: *соединения и транзитирования*.

В сочетаниях имени рассматриваемого концепта с глаголами в роли объекта оценочность значения *транзитирования* усиливается уже по другой шкале ценностей, культурной: *по Шелковому пути распространялись культурные растения, религиозные идеи, искусство, музыка*. Семантика оценочности понятия усиливается в субъектных глагольных сочетаниях: *оставался вечным и неизменным; приобрел вторую жизнь, второе дыхание; объединил различные мировоззренческие системы; демонстрировал веротерпимость, стремление к активному обмену инновациями*.

Фрейм исследуемого концепта по материалам сайтов представляется в системе следующих положений:

1) Великий Шелковый путь – это дорога, обеспечивающая развитие торговли между странами Востока и Запада. Возникнув в древности, она существовала несколько веков, состояла из разных участков, опорными точками которых были караван-сарай и города.

2) Предметами торговли были драгоценные камни и шелка, пряности и красители, изделия из металла и др.

3) Основным средством передви-

жения и транспортировки товаров являлись караваны верблюдов.

4) Великий Шелковый путь являлся средством соединения, транспортировки и распространения, что и обеспечило интеграцию цивилизаций и культур Запада и Востока.

5) Результатом этой интеграции стало качественное преобразование мира: получили распространение прогрессивные технологии производства; стали развиваться институты посольств и почтовой связи; культурные и языковые контакты обогащали культуры и развивали языки.

6) Великий Шелковый путь – это феномен в мировой истории, что позволяет использовать его как критерий оценки явлений и артефактов современности.

Как видим, три последние компонента фрейма носят ярко выраженный оценочный характер. Благодаря объективной и оценочной информации, концепт «Великий Шелковый путь», сформированный в рекламных статьях туристических агентств, позволяет манипулировать сознанием потенциального клиента, становясь средством рекламы.

С целью выяснения содержания концепта в реально функционирующих текстах (не рекламных), мы проанализировали контексты с сочетанием *Великий шелковый путь* из Национального корпуса русского языка. Поиск в основном корпусе обнаружил 11 контекстов, в газетном корпусе – 23. [8]

Основная масса текстов Корпуса представлена художественными и публицистическими текстами. В исследованных контекстах семантика оценочности доминирует.

Эта семантика проявляется, во-первых, по отношению к самому Великому шелковому пути в сочетаниях с глаголами и глагольными формами: *познакомил, связал, соединил, способствовал интеграции*:

Великий шелковый путь познакомил два мира — Восток и Запад, став первой в истории человечества трансконтинентальной дорогой. [НКРЯ, Елена Володина, Наталья Солдатова. К газетям шёлкового пути // «Наука и жизнь», 2009]; *Великий шелковый путь ..., который в Сред-*

ние века связывал Европу с Индией и Китаем [НКРЯ, Рефераты // «Наука и жизнь», 2006]; *... Великий Шелковый Путь, соединявший цивилизации Европы и Азии.* [НКРЯ, Вниманию инвесторов (2003) // «Жизнь национальностей», 2003.06.18]; *Этой интеграции способствовали и торгово-экономические связи по Великому шелковому пути, и особенности исламской системы образования, и совершение хаджа в Мекку как часть религиозного долга.* [НКРЯ, Андрей Казанцев. «Большая игра» в Центральной Азии: вчера, сегодня, завтра // «Неприкосновенный запас», 2009]

Во-вторых, в ракурсе отнесенности к Шелковому пути и его маршрутам дается оценка той или иной современной территории. Сочетания исследуемого понятия в качестве субъекта с глаголами *проходил, повторял, начинался, пролегал* используются не для описания маршрута Великого Шелкового пути, а для усиления привлекательности мест, через которые он проходил:

Наша задача - превратить Сирию в мощный транспортный узел, связывающий Европу с Азией, возродить былую славу страны, по которой пролегал Великий шелковый путь. [[НКРЯ, Медведко Сергей. Наш тепловоз на запасном пути // Труд-7, 2003.02.18.]; *... через эти места проходил Великий шелковый путь* [НКРЯ, Елена Володина, Наталья Солдатова. К газетям шёлкового пути // «Наука и жизнь», 2009]; *По территории Ингушетии проходил Великий Шелковый Путь, соединявший цивилизации Европы и Азии.* [НКРЯ, Вниманию инвесторов (2003) // «Жизнь национальностей», 2003.06.18]; *Сучжоу — родина шелка; на заре цивилизации отсюда начинался Великий шелковый путь — из Китая во все страны мира, по руслу рек и каналов...* [НКРЯ, Глеб Горышин. Глядя в окно поезда, идущего из Шанхая в Пекин (1993) // «Вокруг света», 1992]; *На новом уровне повторял Великий шелковый путь* [НКРЯ, Валерий Лебедев. Крах маленькой империи (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.30]; *Специальность «художник-стилист» выпускники университета получили,*

проведя глубокие научные исследования культуры и истории стран, по которым проходил «Великий шелковый путь». [НКРЯ, Юлия Кантор. «Шелковый путь» ведет в музей. Кунсткамера будет первым в России музеем-вузом (2001) // «Известия», 2001.07.13] и др.

Раскрытие семантики оценочности современных артефактов через их соотнесенность с маршрутами исторического артефакта служат и сочетания: *его следы, северная ветвь, бывший узел, заволжские степи, караван-сарай города Бухары*:

... Столяров делал вывод о существовании затопленных городов на направлении северной ветви Великого шелкового пути, обрубленной в четырнадцатом столетии Тамерланом. [НКРЯ, Александр Иличевский. Перс (2009)]; *... в заволжские степи, к занесенным песком караванным дорогам Великого Шелкового пути...* [НКРЯ, Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)]; *На международных трассах эта автомобильная дорога, в точности повторяющая древний Великий шелковый путь по территории Северной Осетии, пока не обозначена.* [НКРЯ, Янченков Владимир. Ворота в большой мир// Труд-7, 2001.10.20.] и др.

В исследуемых материалах зафиксирована также тенденция использования концепта *Великий шелковый путь* как имени собственного для названия экспедиции, научного проекта, ярмарки, фестиваля:

2 мая Монголия – Старт экспедиции «Великий шелковый путь 2009». [НКРЯ, Календарь событий 28апреля – 30 мая // РИА Новости, 2009.04.27]; *В ответ услышал: «Наверное, что-то схожее с международным фестивалем “Великий шелковый путь”, в котором задействованы народы Восточной и Средней Азии».* [НКРЯ, Дайджест. 4-17 апреля 2005 года // РИА Новости, 2005.04.19].

На наш взгляд, мы имеем дело с трансформацией семантики оценочности исторического артефакта в квазиоценочность современных артефактов и объектов через процедуры номинации именем концепта.

Тенденция использования концеп-

та *Великий шелковый путь* в процессах нейминга подтверждается также следующими фактами, выявленными нами с помощью поисковика «Googl»:

- сочетания *Великий шелковый путь*, *Silk Road*, вербализующие исследуемый концепт, использованы в названии рекламных агентств: «*Great Silk Road agency*» [19], «*Великий шелковый путь*» [20];

- историческая и культурная ценность концепта привлекает разработчиков компьютерных игр: *The Silk Road* [21], *The silk road онлайн* [22]; маджонг «*Великий шелковый путь*» [23]; *Великий шелковый путь* [24];

- на сайте «ВКонтакте» существует открытая группа «*Великий Шелковый Путь - Great Silk Roads*» [25];

- именем концепта называют фотоальбомы и музыкальные альбомы, видео проекты, фильмы, содержание которых соотносено с артефактом в той или иной степени. [26]

Проект Министерства индустрии и новых технологий Республики Казахстан, разработанный с целью строительства нового города-спутника с использованием инновационных технологий носит название «*Zhibek Zholy*» («*The Great Silk Road*»). Новый город, по задумке разработчиков, должен стать символ возрождения Великого шелкового пути. [27]

Только в городе Алматы именем концепта (Жібек Жолы) названы улица, станция метро, магазин тканей, кинотеатр; сочетание *Silk Way* использовано для названия супермаркета и кинотеатра. В городе Бишкек есть отель «*Силк Роуд Лодж*»; в Ташкенте – питомник для кошек «*SILK ROAD*».

Семантика квазиоценочности, благодаря позитивным ассоциациям с именем концепта, становится инструментом для привлечения клиентов.

Таким образом, оценочность как составляющая фрейма концепта *Великий шелковый путь* трансформировалась: от оценки исторической и культурной роли артефакта в развитии человеческой цивилизации, к оценке современных объектов действительности в ареале ценностной компоненты культурного концепта, и далее к появлению квазиоценоч-

ности в процедурах нейминга с использованием имени концепта или его иноязычного аналога. А это свидетельствует о динамике развития концепта. Благодаря приращению нового знания, концепт расширяет своё информационное пространство, усиливая тем самым его аксеологическую составляющую в новых сферах функционирования.

References:

1. Википедия / <http://ru.wikipedia.org/wiki/>;
2. www.silkroadadventures.net;
3. http://www.silktour.kz;
4. http://karaganda.vibirai.ru;
5. http://abc-tourism.uz/ru;
6. <http://novotours.uz>
7. <http://www.srtoa.centralasia.kg/ru/about.html>
8. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>
9. Краткий исторический словарь, 2000 г. <http://interpretive.ru/dictionary/401/word/velikii-shelkovyi-put>
10. БСЭ / http://slovari.yandex.ru;
11. Исторический словарь // <http://www.slovarus.ru/?di=269703>;
12. Дергачев В.А. Геоэкономический словарь-справочник. — Одесса. 2004. — 177с. <http://www.politike.ru/>

dictionary/973/word/velikii-shelkovyi-put

13. OrexCA.com - Unites Emerging Destinations // http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/silk_road.shtml;

14. <http://welcometokazakhstan.com/ru/tours/silkway>;

15. <http://visitkazakhstan.kz/ru/>;

16. <http://www.silkroadadventures.net/ru/>;

17. <http://ak-madi.kz/> ;

18. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М. 1996. – 244с.

19. http://great-silk.ps1.su;

20. <http://tourfair.uz>;

21. <http://igry-na-2.ru/the-silk-road.html>;

22. <http://www.game-game.com.ua/53042/>;

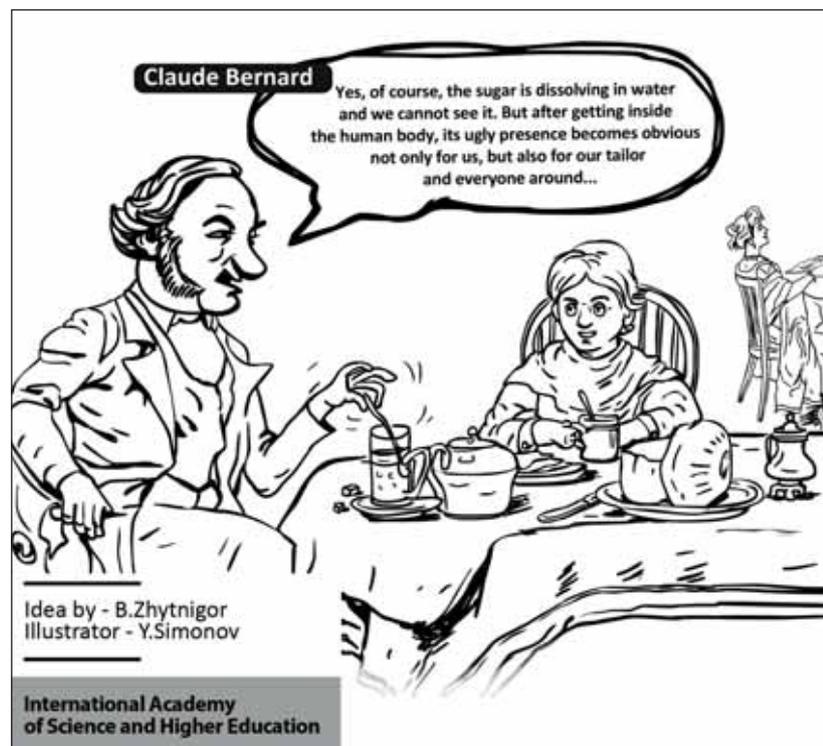
23. <http://online-mahjong.narod.ru/silkroad-mahjong.html>;

24. <http://stoboi.ru/2igroka/silkroad.htm>; <http://igryman.net/view-1126.html>;

25. <http://vk.com>;

26. http://pix.com.ua/ru/landscapes/asia/great_silk_road; http://kitaroworld.narod.ru/silk_road.html; <http://uzkinocom.ru/category/the-silk-road>, <http://nitki2.net/video/14780-kladoiskateli.velikijj-shelkovyjj-put-the-silk.html>;

27. <http://baseinvest.kz/project/view/3487>.

DYNAMICS OF MEANING OF THE «LIVE WORD» IN SCIENCE AND IN COMMON KNOWLEDGE

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Dynamics of word meanings in scientific terminology and common knowledge is traced. Transition to the “live knowledge” paradigm requires a new methodology and will result in a new understanding of what’s there beyond the word.

Keywords: word meaning, live word, word meaning dynamics, experiment, evaluative-emotional feelings, common knowledge.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ «ЖИВОГО СЛОВА» В НАУКЕ И В ОБЫДЕННОМ ЗНАНИИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Прослеживается динамика значения двух научных терминов и некоторых общеупотребительных слов с использованием материалов эксперимента с носителями русского языка. Обосновываются роль методологии научного поиска и важность перехода на новую парадигму исследования слова как «живого знания».

Ключевые слова: значение слова, живое слово, динамика значения слова, эксперимент, эмоционально-оценочное переживание, обыденное знание.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Вводные замечания

В задачи предлагаемого доклада входит демонстрация того, как значение слова – в том числе научного термина – подвергается частичному или полному переосмыслению. В науке это может сигнализировать о необходимости перехода на новую парадигму, способную обеспечить исходную «систему координат», которая отвечала бы потребностям развития теории в соответствии с вызовами сегодняшнего дня.

Вопросы динамики значения научного термина

Для примера возьмём термин «методология», с которым сталкивается любой учёный независимо от своей специальности. Долгие годы российские языковеды ориентировались на то, что МЕТОДОЛОГИЯ это «... учение о принципах исследования в науке о языке» [5: 299. Здесь и далее курсив мой. – А.З.], т.е. однозначно имелась в виду определённая «система исходных координат», базовых положений, следование которым направляет научный поиск, включая формулирование рабочей гипотезы и выбор исследовательских процедур для её проверки. Интересно, что ныне некоторые словари вообще не содержат дефиниции этого термина, включая лишь слово МЕТОД «(от греч. *methodos* – ‘путь, исследование, прослеживание’) – способ достижения определённой цели, совокупность приёмов или операций практического или теоретического освоения действительности» [9: 266]. В

других словарях имеет место определение понятия МЕТОДОЛОГИЯ как учения «о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека» [7: 628], иногда с уточнением и добавлением: МЕТОДОЛОГИЯ – «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [6: 277–278]. Ни один из известных мне словарей не отражает того, что ныне молодое поколение исследователей языковых явлений во многом ориентируется на доступную через сеть Интернет англоязычную научную литературу, в которой слово *methodology* нередко используется для обозначения набора используемых процедур (т.е. указывается, что некий приём или набор приёмов подходит для выявления искомым фактов или отношений), тем самым понятие методологии как системы исходных научных принципов расшатывается, а это создаёт представление о первичной важности не методологии, а *технологии* исследовательской работы. Основания для имеющей место подмены понятий см. в авторитетном американском словаре: «**METHODOLOGY:** 1. **a.** A body of *practices, procedures and rules* used by those who work in a discipline or engage in an inquiry; a set of *working methods*. **b.** The study or theoretical analysis of such working methods» [11: 1136]. Итак, фактически речь идёт о двух трактовках термина МЕТОДОЛОГИЯ, и хотя в реальном исследовании «методология как система исходных принципов» и «методология как технология» взаимодополнитель-

ны, следует признать, что в данном случае создавшаяся омонимия разнонаправленных по своей сути терминов может иметь печальные последствия для развития науки о языке. Выражаю надежду на то, что разграничение приведённых трактовок будет способствовать сохранению роли фундаментальных исследований методологической направленности в традициях подлинно научного языковедения.

Вторым примером может служить термин «концепт», первоначально синонимичный термину «понятие» как калька с английского *concept*. Происшедшее за последние годы переосмысление сути этого термина привело к пандемии исследований концептов при весьма смутном понимании того, что так именуется. Не имея возможности обсуждать здесь различные трактовки этого термина, как и имеющийся опыт моделирования структуры концепта (см. об этом: [1]), ограничусь выводами по результатам моих наблюдений за последние годы. Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций и/или текстов анализируются объём и содержание понятия, лексико-семантические варианты слова, наборы семантических единиц разных наименований и уровней и т.д., т.е. рассматривается слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании-переживании. То, что концепт как «сгусток культуры», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и т.д. именно переживается человеком, наглядно

показал Ю.С. Степанов [8]. Отсюда следует, что изучение концептов требует непосредственного обращения к носителю языка как одного из психических процессов, функционирующего не изолированно, а при взаимодействии с другими психическими процессами (восприятием, памятью, мышлением, воображением и т.д.). Это означает, что необходим интегративный подход с позиций ряда наук о человеке, включая когнитивную лингвистику, психологию познавательных процессов, нейронауки и т.д. Таким образом мы снова сталкиваемся с методологической проблемой: нужна соответствующая система исходных постулатов, определяющая базовые принципы интегративного подхода, которые в свою очередь направят выбор технологии научного поиска для проверки хорошо сформулированной рабочей гипотезы относительно специфики строения и/или функционирования того, что именно может пониматься под концептом как достоянием человека – представителя вида, члена социума (носителя той или иной культуры) и личности, включённой в постоянные взаимодействия с естественной и социальной средой. Следует особо подчеркнуть, что при различных трактовках концепта этот термин включается в разные категориальные поля с вытекающими отсюда следствиями и ожиданиями, т.е. снова имеет место своеобразная омонимия терминов.

Вопросы динамики значения живого слова у носителей обыденного знания

Проверка рабочей гипотезы, согласно которой в критические периоды жизни общества создаются условия для выявления особенностей развития значения слова и вхождения в обиход новых (в том числе – заимствованных) слов, проводилась в двухэтапном эксперименте с носителями русского языка, проживающими в разных регионах России (гг. Киров, Курск, Тверь, Уфа, Улан-Удэ) и за её пределами – в Республике Казахстан (Алматы, Шымкент) и в Украине (Киев). Набор заданий, названный мною психолингвистическим портретированием лексики, включал свободный и направленный ассоциативные эксперименты, субъек-

тивное шкалирование и два варианта дефинирования. Полученные от 1200 испытуемых материалы анализировались при сопоставлении результатов двух «срезов»: 1993 и 2010–2011 гг. (см. подробно: [2]). Исследовались 60 слов, которые в разведывательном эксперименте были названы наибольшим количеством испытуемых (далее – Ии.) в качестве слов, вошедших в русский язык за предшествующие годы, изменивших значение или вызывающих иные эмоционально-оценочные переживания.

Прежде всего следует отметить, что не все слова правильно идентифицировались носителями русского языка; то и дело обнаруживались весьма приблизительные или вообще неверные представления относительно того, что именно должно пониматься под тем или иным словом. Стратегии поведения Ии. различались – от отказа от выполнения задания (были оставлены пустые строки или сделаны записи типа: *не знаю, ничего в голову не приходит* и т.п.) до попыток найти какую-то структурную или семантическую опору для идентификации значения предложенного в эксперименте слова.

В качестве опор при неверной идентификации слов могут выступать близкие по форме слова. Так, слово БРОКЕР некоторыми Ии. было подменено словом «бройлер»: об этом свидетельствуют ассоциативно связанные с ним слова типа: *цыплята, курица, ферма*; слово БОЕВИК опознано как «броневик»: *военная машина для боевых действий*; некоторые Ии. перепутали слова МЕНТАЛИТЕТ и «суверенитет», определив значение первого из них как *независимость*; слово НАМЕСТНИК вызвало большие трудности, что проявилось в записанных Ии. словосочетаниях типа «НАМЕСТНИК престола» («наследник») и «НАМЕСТНИК статский» («советник»). Создается впечатление, что для носителей русского языка это слово не вполне понятно, о чем можно судить по записям типа: *НАМЕСТНИК поместья, крестьян, крестьянский, усадьбы, дачного хозяйства, деревенский, фермы* и т.п.

Обратим внимание на то, что подмены одних слов другими касаются как заимствованных, так и исконно

русских слов. Наибольшее количество отказов от дефиниции получено на заимствованные слова: ЛЕГИТИМНОСТЬ, МАРКЕТИНГ, МЕНТАЛИТЕТ, НУВОРИШ. Характер попыток Ии. догадаться о значении трудного слова разнообразен: *НУВОРИШ – богач, очень богатый, без понятия, черт его знает, восточный начальник, член какой-то религиозной секты, язык или нация, диссидент, несущий в себе черты чего-то нового* и т.п.; *БРОКЕР – посредник, маклер, коммивояжер, спекулянт, дилер, продавец* и т.д.

Некоторые примеры прослеженных сдвигов в значении того или иного слова приводятся ниже по итогам вертикального анализа (т.е. сопоставления данных 1993 и 2010–2011 гг.). Так, для слова АКЦИЯ в 1993 было актуальным значение «ценная бумага». В 2011 г. на первый план выходят значения: «торговое мероприятие» (*скидки, распродажа, уценка, специальное предложение*), и «рекламный ход с целью привлечь покупателей».

В экспериментальных материалах разъяснению значения идентифицируемого Ии. слова сопутствует выражение некоторого отношения к объекту, именуемому этим словом. Так, БИЗНЕСМЕН в 1993 г. воспринимался прежде всего как *спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха*; в 2011 г. это: *предприниматель, деловой человек, владелец бизнеса, человек дела*, хотя и сохраняется единичная отрицательная оценка – *торгаш*, т.е. прослеживается сдвиг от преимущественно отрицательной оценки называемого бизнесменом человека к преимущественно положительной. Аналогично этому человек, именуемый словом ДЕЛОВОЙ, в 1993 г. воспринимался преимущественно как *наглый, крутой; высывающийся, где не просят*; в 2011 г. преобладают записи типа: *связанный с делом, занятый, предприимчивый, связанный с предпринимательством, хваткий, пробивной, активный, серьезный, целеустремленный, продуктивный, знающий свое дело при сохранении малочастотных записей типа: строящий из себя слишком много человека, нахальный, наглый, самодовольный, выделывающийся, высокомерный, амбициоз-*

ной. Интересна динамика значения слова ДЕРЕВЯННЫЙ, для которого в 1990 г. стало популярным значение 'дешевый', наглядно проявившиеся в записи: РУБЛЬ – *деревянный*. В 2011 г. такая связь перешла в разряд малочастотных; на первый план вышло значение 'сделанный из дерева'. С учётом создавшейся в последнее время конъюнктуры рынка можно прогнозировать, что в недалеком будущем слово ДЕРЕВЯННЫЙ станет увязываться со значением 'подлинный, из натуральных материалов, поэтому дорогой'. Для слова РАЗВАЛ в 1990-е гг. стало популярным значение 'рынок'; ныне самой частотной стала запись «*схождение-развал*», связанная с ремонтом автомашины; такие записи сделаны как мужчинами, так и женщинами.

Появление новых словосочетаний или изменение степени актуальности уже имевшихся или теоретически возможных для носителей русского языка сочетаний слов согласуется с динамикой соответствующих реалий повседневной жизни общества. Так, если в 1990 годы была очевидной привлекательность *свободного РЫНКА* и значимость *РЫНКА вещевого* (он же – РАЗВАЛ), то теперь на первый план вышел *РЫНОК труда*. По тем же причинам стала актуальной и сочетаемость слов, ранее не регистрировавшаяся в экспериментах. Например, к сочетаниям *БАНК данных, крови, донорской крови* добавились *БАНК спермы, тестов*. Вполне естественно, что ранее не могла быть актуальной *ДОСТАВКА пиццы*, *ДЕПУТАТ* увязывался с *Верховным Советом*, а не с *Государственной Думой*; в настоящее время *ПРИВАТИЗАЦИЯ* перестала вызывать представление о *ваучере* и т.д.

К основным выводам по результатам этого исследования относятся следующие: а) носитель языка может не иметь чёткого представления о значении хорошо известного ему (даже употребляемого им) слова; б) идентификация значения слова может реализоваться через область деятельности или ситуацию, с которыми как-то связан именуемый словом объект; в) может иметь место фокусирование на некотором признаке или признаке

признака именуемого словом объекта; г) идентифицируемое слово может вызывать ярко проявляющиеся эмоционально-оценочные переживания; д) могут иметь место сдвиги в значении слова и в вызываемых им эмоционально-оценочных переживаниях; е) представительный корпус экспериментальных данных свидетельствует о постоянном взаимодействии многих оснований для «выхода» индивида на многомерный образ мира в качестве базы для переживания слова как понятного. Главное состоит в том, что при идентификации слова как такового носитель языка использует стратегии и опоры, которые каким-то образом помогают ему найти хотя бы крупинку *разделяемого* с другими людьми знания и далее на этой основе **достроить** полезные для понимания и взаимопонимания образы, ситуации, отношения, следствия и т.д. Это происходит благодаря «выходу» на *внутренний контекст* предшествующего опыта со всеми возможными и воображаемыми ситуациями и выводными знаниями. Иначе говоря, речь идёт о том, что понимание слова индивидом обеспечивается взаимодействием ряда процессов и продуктов поиска (по множеству признаков и признаков признаков) разнообразных вербальных и невербальных опор в многомерной мультимодальной сети продуктов переработки опыта познания мира и общения.

Динамика значения слова и динамика методологии научного поиска

Приведённые примеры приводят к выводу, что для исследования слова как достояния индивида, т.е. «живого слова», требуется соответствующая методология, способная учесть специфику языка как одного из психических процессов, совокупность которых обеспечивает адаптацию человека к условиям естественного и социального окружения. Необходим переход на новую парадигму, суть которой передаётся метафорой «живое знание» (см. подробно: [4]). С этих позиций попытаемся вернуться к проблеме концепта.

Расплывчатость и «замысленность» термина «концепт» уже привели к тому, что наметилась тенденция ухода от его использования; делаются также попытки совсем от него отказаться. Так, Л. Барсалоу [10] предлагает перейти на термин «*simulator*» при обозначении встречного конструирования из элементов прошлого опыта в условиях, когда мы стараемся понять, о чём идёт речь. В русском языке термин «симулятор» едва ли приживётся из-за отрицательных коннотаций, сопровождающих слово *симуляция* и его производные, однако сама идея Л. Барсалоу хорошо согласуется с интерфейсной теорией значения живого слова (см.: [3]), постулирующей навигацию по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта как огромной сети, увязывающей продукты переработки опыта познания мира и общения, когда активируются множественные связи (в том числе по линиям выводных знаний разных видов), учитываемые на разных уровнях осознанности и обеспечивающие переживание идентифицируемого слова как понятного. Иными словами, имеет место встречное моделирование того, что может лежать за воспринимаемым словом. Но как лучше назвать получаемый продукт? Термин «концепт» акцентирует когнитивную природу такого продукта, однако для живого знания специфично постоянное взаимодействие когнитивного с перцептивным и эмоционально-оценочным. Термин «симулятор» фокусируется на моделировании с неизбежной «подгонкой» искомым элементов опыта под ситуацию текущего момента, что в принципе правомерно, но тоже недостаточно. Ни один из этих терминов не отображает специфику получаемого мультимодального продукта, его природу, динамический характер, процессуальность и т.д. Можно надеяться, что последовательный переход на парадигму живого знания подскажет выбор термина, более отвечающего потребностям сегодняшнего дня. Можно привести и другие примеры того, как переход на новую систему координат вполне естественно влечёт за собой переосмысление привычных терминов, наполнение их новым содержанием вплоть до необходимости преодоления создающейся омонимии

через введение нового именованя. Так, термин «лексикон» не так давно объединил учёных разных стран в междисциплинарном исследовании ментального лексикона человека, но стало также высказываться мнение, что ментального лексикона как такового вообще не существует. Вполне понятно, что в таких случаях трактовка того, что стоит за одним и тем же, на первый взгляд, термином, не совпадает. Однако эта интересная и актуальная проблема требует отдельного обсуждения.

References:

1. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. 2-е изд. Москва: РГГУ, 2007. 560 с.
2. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
3. Залевская А.А. Что там – за словом? // Словесная культура человечества через призму веков / Режим доступа: gisap.eu/node/29958
4. Залевская А.А. Роль общенаучной метафоры в познании: метафоры и мифы // Вчера, сегодня, завтра: историко-философское осмысление как основа научного мировоззрения / Режим доступа: gisap.eu/node/23507
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Новейший психологический словарь / В.В. Шапарь и др. Ростов н/Д, 2006. 808 с.
7. Новейший философский словарь. 3-е изд. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
10. Barsalou, L.W. The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 239–258.
11. The American Heritage Dictionary of the English Language. New York, 1999. 2140 p.

International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

- Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;
- Demonstration and recognition of creative potential;
- Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

NOMINALS IN BELLA COOLA

O. Ikonnikova, Candidate of Philology, lecturer
South Federal University, Russia

The analysis of sentential units of the Salishan language of Bella Coola is presented, as far as the expression of nouns in them is concerned. The author concludes that the archaic language of Bella Coola gives opportunity to trace that verbals were diachronically prior to nominals in the development of parts of the speech system.

Keywords: Bella Coola language, nominal, intransitive verb, lexical suffix, diachrony.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Nuxálk, also known as Bella Coola is a Salishan language spoken in the vicinity of the Canadian town Bella Coola, British Columbia by approximately 20–30 elderly people. We consider this language to be archaic according to the criteria defining the archaic language type [Ikonnikova]. We suppose that archaic languages can throw light on the pre-grammatical stage of the language, mainly on the genesis of the parts-of-speech system.

One of the controversial problems in the parts-of-speech diachrony is the genesis of the nouns and verbs. The formation of opposition between the major word classes nominals and verbals has been the subject of speculation throughout the history of linguistics. To this day linguists haven't been able to establish the relative chronology in the emergence of nominal and verbal categories with some degree of certainty, mainly because of the absence of sufficient diachronic evidence. The analysis of the nominal forms in Bella Coola is to the point and the main aim of the paper.

H. Nater presents the parts-of-speech system of Bella Coola in the following way: there are verbo-nominal stems that fall into 2 classes of stems: transitive and intransitive ones. The intransitive stems are subdivided into intransitive verbals and nouns, the verbals comprise intransitive verbs, adjectives, numerals [Nater, p. 33].

A Bella Coola sentence consists of a predicate followed by relata. For the latter, nominal forms are used, in which case it is usually accompanied by an article, and often also by one or more deictic elements. Marked nouns typically contain one or more nominalizing affixes. [Nater, p. 52]. There are restrictions to the nominal use of verbal forms: not all passives can be used nominally, nominally used intransitive verbs do not allow pronominal suffixation [Nater, p. 54]. Moreover a great number of suffixes

have a semantically additive, rather than grammatically modifying, character. These are the lexical suffixes, most of each are translated into English as nouns.

We've analyzed the nominals extracted from the Bella Coola text that describes the roles of Bella Coola men and women in obtaining and preparing food fish, and more in particular the process of smoke-drying salmon. The text consists of 50 sentential units. In the paper we'll present the sentential units or parts of the sentential units as far as the expression of nouns in them is concerned.

1) First, we get the net ready so that they can use it when they will be drifting down the river.

Nacliwa + tu + lh + lu:

Ready + causative suffix + causative ending + yet, still

ti + kw'puts + t'ayc

Non-female article + fishing net + non-female deictic

kasi + 7ay + ak + aw

in order that + to manifest oneself, be thus + work (manual, hand) + 3pl. intransitive-possessive

tc + s + ka + 7uqw + aw

non-female pronoun + co-referential embedder + to drift downriver + 3pl. intransitive possessive

7ala + tmcw + 7ats

Plural article + river + pl. deictic

The notion of 'net' is expressed by *kw'puts/* cf. *'kw>p* – straight, *-uts* – orifice → mesh, net, where *-kw'p* and *-utsare* lexical suffixes.

The word 'river' is expressed by the nominal stem *'tmcw'*.

2) They keep casting out the net, these two (men) on this one boat.

qtsamtsamk + a + naw + ts'

to cast out net + intransitivizer + 3 pl. intransitive-possessive + now, then

a + nulhnu:s + 7ats

pl. particle + two persons + pl. deictic

7alh + ti + mawah

Preposition static-centripetal + non-female article + one boat

ti + lhalas + t'ayc

non-female article + boat + non-female deictic

The notion of 'net' is expressed by the adjunct-incorporative in the verbal *'qtsamtsamk'* – to cast out net <*qtsamt* – to extend, *-amk* – adjunct-incorporative.

The combination 'two persons' *nulhnu:sis* expressed by a prefix and an intransitive, as cardinal numerals are stative intransitive verbs: <*nu* – prefix meaning 'human' found in combination with numerals – *lhnu:s* – 'two'.

The word combination 'one boat' *mawah* is expressed by the intransitive stative verb – numeral *maw* 'one' and a lexical suffix *-ah* 'boat', while the notion of the 'boat' as a kind is expressed by the nominal stem *lhalas* 'boat'.

3) Well, when their catch is plentiful, somebody picks them up again in a car....

kamalh + slax + 7its'ik + wa + tl'apamk

if, when + much / many + and, subsequently + pl. article + a catch

s + kwn + tim + tuts

embedder non-co-referential + to take, bring something + 3 pl. passive ending + again

c + ti + qw'xwmttimut + t'ayc

Preposition static – centrifugal + non-female article + car + non-female deictic

The notion 'catch' *tl'apamk* goes back to the intransitive base *tl'ap* 'to go' + *-amk* – adjunct incorporative.

The word *qw'xwmttimut* 'car' is formed from *qw'xwm* 'to be moving' (*qw'xw* 'to move something' – *m* – 'medium') and *-timut* 'causative reflexive suffix'. We can discern that the noun 'car' is expressed by an intransitive stem 'to be moving' and two suffixes and means something that is caused to move by itself.

4) 'in old tubs'

7ula + nuscuuksta + lhn + 7ats

Preposition static centripetal + bath tube + 'ex, dead' + pl. deictic

'Nuscuuksta': cf. *nu* 'inside', *s* – nominalizer, *cuk* / *˘cuuk* 'to bathe somebody, something' and *-sta* – 'implement' → bathtub

5) The notion 'dawn, morning'xim is expressed by the lexical suffix *˘xi* 'light, bright' and a grammatical suffix *-m* – 'medium'.

6) 'Fridge, freezer' - **nusk'liik**

The notion of a freezer, container is expressed with the help of the intransitive verbal stem *skl'* 'cold' and the instrumental prefix-suffix frame: *nu* ----*ik* – 'container'.

7) We fix our food in many ways, take the fish stew (for instance).

7ays7ay + s + ti + 7umatak + ilh
any+ 3sg. transitive-possessive+ non-female article + where one takes the result of one's work + transitive ending

ti + snknic + ilh + ti + sliixw + t'ayc
non-female article + food + 1pl. intransitive-possessive + non-female article + fish stew+non-female deictic

In the first example the notion of 'food' is expressed by the lexical suffix – *ak* 'finished product'. In the second example the word 'food' *snknic* is formed from *knic* – 'to eat something' and *-s* nominalizer.

The word 'fish stew' *sliixw* is formed from *sl-* 'to slice something' and the lexical suffix *-ixw* 'head, fish head'.

8) That is all about the fish.... about the smoked fish.

cwplxs + tax + 7ala + smlhk + 7ats
the end of a story + non-female pronoun + preposition static-centripetal + fish salmon + pl. deictic

7ala + knum + 7ats
Preposition static – centripetal + smoke-dried fish + pl. deictic

The phrase 'The end of the story' *cwplxis* is formed from *˘cwp* 'to be dropped off, left' and a lexical suffix *-lxs-* 'terminus, end'.

So we can infer that most nominal forms are intransitive verbals with lexical suffixes attached to them or nominalized lexical suffixes. The deictic elements and articles are the markers of the nominal character of the stem. It is a productive way of forming the nominal forms.

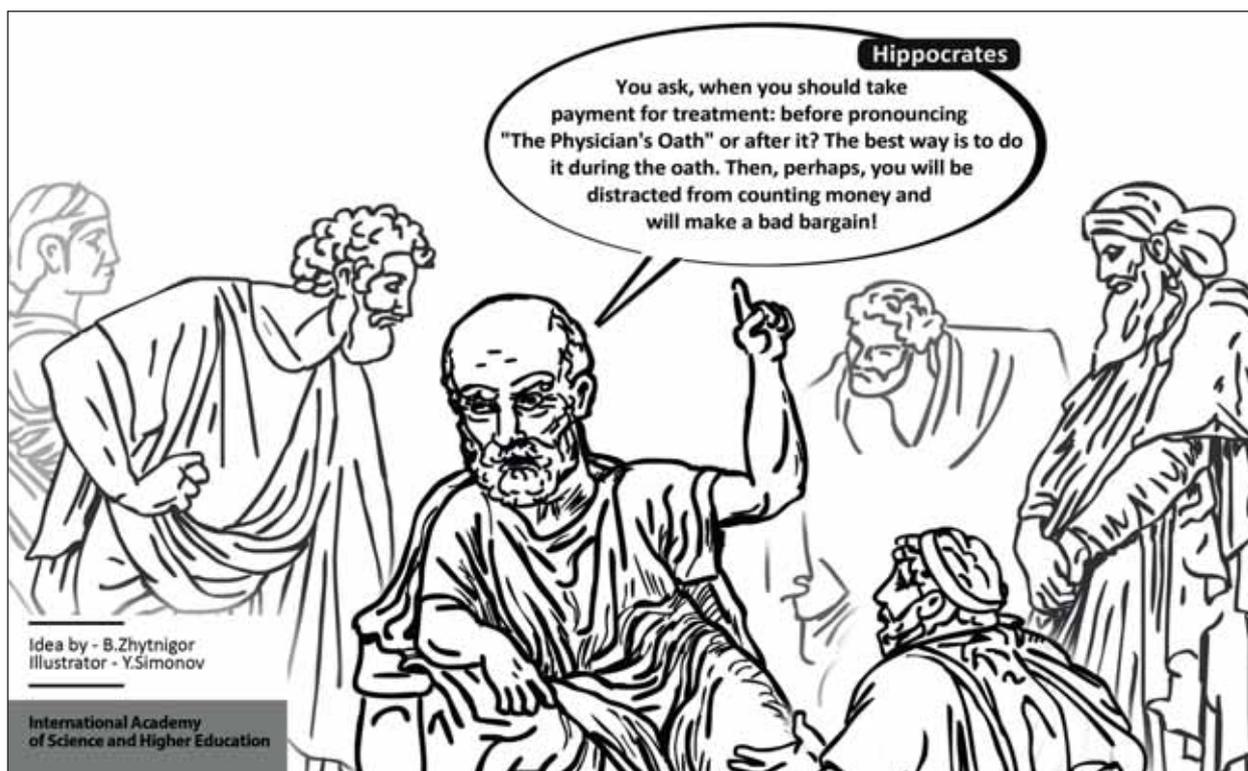
There are, however, some nominal roots which etymology is not traced. These are the words that are often used in discourse and are connected with everyday activities of the Bella Coola natives: 'woman' *cnas*, 'salmon fillets' *slaq'k*, 'person' *tl'msta*, 'fishbone' *sqwh*, 'children' *qipqip*, 'smoke-dried fish' *knum*, 'dog salmon' *ti'li*, 'dinghy' *lhalhlaas*. Such nominal constitute a rather closed class.

S. Katsnelson states that 'the first operation accomplished by thinking

is to single out the event or a course of events which are actual and with the help of successive segmentations sequentially reveal the participants with the help of special actualizers [Katsnelson, p. 377, 405]. We consider that Bella Coola gives source to trace the diachronic development of the nominal: from the 'event' expressed by the predicative verbal → to the participants of the event – arguments. The verbals serving predicative function were diachronically prior to nominals.

References:

1. Ikonnikova O.N. The Salishan Language Group as a Representative of the Archaic Language Type // Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II Stage of the Championship in Philological Sciences. London: IASHE, 2013. P. 35-37.
2. Katsnelson S.D. Kategorijazyka I myshleniya: Iznauchnogonaslediya. Moskva: Jazykislavyanskoikultury, 2001. –864 p.
3. Nater H.F. The Bella Coola language. Ottawa: National museum of Canada, 1984. – 170 p.

UPDATING OF THE PROPOSITIONAL
CONTENT OF THE WORD (TO THE PROBLEM
OF ONTOLOGY OF THE VERBAL CULTURE
CONCEPT)

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan

The linguistic aspect of the concept of verbal culture is considered in the article. Unlike the literary approach, thesis that the verbal (language) culture in ontology is primarily the phenomenon of language, which acts as a product of creative discursive activity of linguistic identity, is substantiated. This thesis is reasoned by the analysis of semantic processes, connected with updating of the propositional content in Russian verbal nouns. As a result of semantic derivations the unorthodox word meaning as the language unit and as the concept, which becomes property of spiritual, verbal culture, is formed.

Keywords: verbal (language) culture, semantic derivation, propositional structure, valency, actant, verbal noun.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Понятие словесной (языковой) культуры, часто используемое без строгой научной дефиниции, принято относить ко всей совокупности словесного творчества определенного народа и человечества в целом. Прежде всего имеются в виду произведения художественной литературы («изящная словесность») и любые тексты, составленные на определенном языке. Именно в таком контексте использовано выражение «словесная культура» в названии настоящей конференции. Однако словесная культура – это прежде всего феномен языка человека, который следует рассматривать как продукт речемыслительной (дискурсивной) деятельности языковой личности. Понятно, что лингвистический аспект словесной культуры следует считать основой изучения и исследования любых произведения человеческого творчества, в том числе и произведений художественной литературы. Именно такой, «лингвистический», подход представлен в трудах таких выдающихся ученых 20-го века, как Л.В. Щерба, Ю. Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др. Совершенно очевидно также, что словесная (языковая) культура относится к категории произведений человеческой деятельности, к разряду проявления культуры как таковой.

Как известно, в прототипическом

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА (К ПРОБЛЕМЕ
ОНТОЛОГИИ ПОНЯТИЯ СЛОВЕСНОЙ
КУЛЬТУРЫ)

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казакский национальный университет им. аль-Фараби,
Казакстан

В статье рассматривается лингвистический аспект понятия словесной культуры. В отличие от литературоведческого подхода обосновывается положение о том, что словесная (языковая) культура в своей онтологии – это прежде всего феномен языка, который выступает как продукт творческой речемыслительной (дискурсивной) деятельности языковой личности. Это положение аргументируется анализом семантических процессов, связанных с актуализацией пропозиционального содержания в отглагольных именах русского языка. В результате семантических дериваций формируется неузуальное значение слова как языковой единицы и как концепта, который становится достоянием духовной, словесной культуры.

Ключевые слова: словесная (языковая) культура, семантическая деривация, пропозициональная структура, валентность, актанта, отглагольное имя.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

смысле культура связана с деятельностью человека, с его сознательным вмешательством в естественное (природное) состояние чего-либо. Культура, следовательно, – это то, что возделано и обработано человеком, это своего рода результат приложения сил к чему-либо естественному, природному, ставшему данностью и живущему своей жизнью. Подобная биологическая (прототипическая) метафора действительна и по отношению к языку, т.е. его (язык) также можно возделывать и совершенствовать (ср.: работать над своим языком, совершенствовать свой язык, обогащать свой лексикон, работать над словом и т.п.). Языковая (словесная) культура, таким образом, входит в общий ряд видов человеческой деятельности, т.е. в ряд приобретаемых человеком поведенческих навыков. В таком случае язык – это один из природных объектов, который дан человеку «по умолчанию», т.е. это естественный объект, «природный» материал.

«Возделав», обработав язык, человек отдает себя во власть созданной им речевой и поведенческой культуры, вследствие чего он становится членом этой языковой среды; и благодаря этому человек идентифицирует себя и других членов определенного языкового социума. Поэтому понятие «языковая (словес-

ная) культура» может быть истолковано двояко.

1) В биолого-феноменологическом смысле языковая культура – это созданное человеческим сообществом в пределах одного или нескольких языков социально-культурное пространство, определяющее черты речевого поведения всех членов данного социума (обычно этот аспект языковой культуры определяют как свойство образцовых текстов, а также выразительные и смысловые возможности языка вообще). В данном случае языковая культура как категория лингвистики характеризует язык, рассматриваемый в качестве объективного явления (ср.: *в русской языковой культуре, в языковой культуре (практике) англичан, разработанная языковая культура* и т.п.).

2) Языковая культура – это способность использовать возможности языка и следовать его нормам и узусу в конкретных актах и ситуациях вербального и невербального общения (в русской лингвистической традиции здесь обычно используют понятие «культура речи», «культура слова»). Этот аспект относится не к языку как данности, а к человеку или социуму (ср.: *высокая (низкая) культура слова, надо работать над культурой своей речи* и т.п.).

Естественно, эти два аспекта понятия языковой культуры взаимосвязаны.

Вместе с тем их часто отождествляют, говоря, к примеру, о том, что русский язык стал таким-то (обычно плохим) в тот или иной период (ср.: «*необходимо бороться с речевым бескультурьем*» и т.п.). Второй аспект языковой культуры непосредственно связан с другими явлениями и проблемами языка, в частности, с такими, как норма (нормализация) и кодификация языка, стили языка (функциональная стилистика), воздействующая сила языка (риторика и лингвистическая прагматика, теория речевых актов), функционирование языка в определенном социуме (социолингвистика), исторические изменения в языке (например, «история русского литературного языка») и некоторые др.

Как известно, в онтологии культура противопоставляется не антикультуре или бескультурью и т.п. проявлениям человеческого поведения, а природному, естественному материалу, в нашем случае – языку как объективному явлению или объективной данности, языку как способности (возможно, врожденной) человека, языку как системе. В социолингвистическом отношении язык – это культурный феномен, поскольку он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое и принято называть языковой (словесной) культурой и которое мы определяем как языковое пространство, в котором вынужден жить человек. Каждый язык «очерчивает» вокруг социума именно своего рода круг, в координатах которого обязан определенным образом вести себя каждый член социума (ср.: русская языковая культура, английская языковая культура, казахская языковая культура и т.п.). Тем не менее, в онтологии своей словесная (языковая) культура предполагает творческую, «возделывающую» деятельность языковой личности. Такая деятельность во многом связана с созданием новых смыслов, «творением» нового концептуального пространства языка, слова. При этом говорящий в определенном смысле экспериментирует со словом, с его внутренней формой, актуализирует определенные смыслы, связанные с разно-

рода семантическими преобразованиями, в основе которых лежит семантическая деривация. Проявление этих процессов покажем на примере актуализации пропозиционального содержания в отглагольных именах на –ние в русском языке.

Понятие семантической деривации принято отличать от традиционно выделяемой словообразовательной деривации, при этом под семантической деривацией понимаются лишь процессы смысловой производности в пределах одного многозначного слова. Термин «семантическая деривация», известный еще из работ Д.Н. Шмелева [7] (см. также [3], [5]), как нам представляется, можно использовать по отношению к семантическим связям в пределах как одного многозначного слова, так и в пределах собственно словообразовательных связей. Известно также, что семантическая деривация рассматривается некоторыми лингвистами как частный случай обычного словообразования. По отношению к рассматриваемым нами отглагольным именам семантическая деривация затрагивает область смысловых операций над пропозициональной структурой (актантной рамкой) исходного глагола-предиката, приводящих к формированию новых производных значений в пределах заданного семантического континуума. В связи с этим можно говорить о моделях семантической деривации, т.е. правилах или закономерностях, по которым преобразуются семантико-синтаксические отношения между актантами, в результате чего образуется новая содержательная единица в пределах единого когнитивно-пропозиционального пространства (поля). Такое понимание модели семантической деривации соотносится с металингвистическим определением ее, используемым для толкования лексем или для анализа их семантической структуры, как это представлено, например, у Е.В. Падучевой: «Модель семантической деривации – это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования более исходной (аналогично тому, как это требуется от словообразовательной модели)» [6, с. 398]. Исходное значение в группе отгла-

гольных имен на –ние определяется пропозициональным содержанием глагола-предиката.

В группе отглагольных имен (имен ситуаций) по мере понижения степени вербогенности, т.е. степени влияния глагольного значения на семантическую структуру отглагольных имен на передний план выдвигается предметное значение, прежде всего абстрактной предметности, не утрачивающей, однако, связи с категориальным значением глагольного слова вообще, что дало основание некоторым лингвистам говорить об «опредмеченном» действии как основном значении отглагольных существительных. Конечной точкой семантической деривации актантной структуры глагольного предиката в производных именах и ее результатом являются актантные имена, в которых именование получает лишь один из актантов. В зависимости от этого отглагольные имена начинают обозначать производителя действия, предмет, являющийся результатом определенного действия, место, связанное с тем или действием. При этом синтаксическом отношении они утрачивают соответствующую валентность, которая и замещается отглагольным именем. Таким образом актуализируется «в светлом поле сознания» какой-то определенный смысловой компонент слова как результат «работы над словом». И эта работа сродни, по точному замечанию А.А. Залевской, работе лазерного луча: «...слово начинает играть роль лазерного луча при считывании голограммы... Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом, т.е. хранится в памяти и может быть из нее извлечено во всем богатстве установленных сущностей...» [1, с. 190]. Это «богатство сущностей», став культурным достоянием, в речемыслительной деятельности языковой личности всегда подвергается семантической обработке и переработке.

Так, имена производителя действия утрачивают левую валентность глагольного предиката, и тем самым они обозначают субъект действия типа *управление фирмы, командование армии, правление компании и т.п.*: *Подкрепление подошло. Турки, заметив его, тотчас исчезли* (А. Пушкин). *Между заводскими служащими носились слухи, будто бы правление ассигновало на устройство парадного обеда около двух тысяч рублей* (А. Куприн).

Как можно заметить по приведенным примерам, производителем действия или носителем событийного состояния выступает субъект в виде совокупности лиц, поэтому они идентичны агентивным существительным со специализированными суффиксами *-тель, -чик (щик), -ник, -ист* и др. Но в отличие от последних отглагольные имена на *-ние* выражают субъект нерасчлененно, т.е. так, как это происходит в собственно собирательных существительных типа *учительство, молодежь, жулье*, где значение собирательности выражают специальные суффиксы.

Имена орудия действия (*крепление, сцепление, зажигание* и т.п.) по своей семантико-синтаксической природе принципиально не отличаются от имен производителей действия, т.е., как и последние, именуют левый (субъектный) актанта. Кроме того, они также обозначают орудие или способ действия в виде собирательности: *Что наши люди могут при этом – и в самых изнурительно-враждебных стеснениях от власти – творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных участках, кормивших страну при дутой колхозной системе* (А. Солженицын).

Значительно чаще отглагольные имена на *-ние* обозначают правый актанта, что обусловлено большей значимостью правой валентности у глагола. Непосредственно отглагольные имена данной семантической модели именуют объект или результат действия или место действия. Имена объекта или результата действия сближаются с конкретно-предметными существительными (*клубничное варенье, ученическое сочинение, научное исследование, пе-*

риодическое издание и т.п.). Вместе с тем в них значительно выше степень вербогенности, чем в именах, обозначающих левый (субъектный) актанта: *Если в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперед определенному плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны* (Л. Толстой).

Процесс опредмечивания в этой группе отглагольных имен подчеркивается и грамматически, а именно, употреблением их в форме множественного числа, как это представлено в приведенном примере. Ср. также: *Порой на каменистых срезах гор обнажались вкрапления серебристо сверкающей породы* (Ю. Нагибин). Наряду с этим характерной чертой их является высокая степень влияния на них процессуального значения базового глагола-предиката, что приводит порой к контаминации двух семантических моделей, например: *Но обладание умеренной собственности, не подавляющей других, – входит в понятие личности, дает ей устояние* (А. Солженицын) – ‘результат определенного процесса’ и ‘состояние’. Ср. также употребление слов издание и творение в следующем примере: *Когда в 1831 г. академик А.Х. Востоков выпустил первое издание своей «Русской грамматики», он и не помышлял обращаться к языку газеты. Эталон он видел в языке Пушкина: великий лингвист образцовую русскую речь прозрел в творениях великого писателя и, опираясь на них, создал современную литературную норму* (В. Колесов). Таким образом, отглагольные имена рассматриваемой группы, обозначая правый актанта предиката, сохраняют высокую степень вербогенности, и это не позволяет четко разграничивать в них деривацию лексическую и синтаксическую.

Значительно слабее влияние глагольного (процессуального) значения в именах, обозначающих определенное место, хотя сам процесс семантической деривации в них принципиально не отличается от тех, которые происходят в всех слу-

чаях реализации правой (объектной) валентности предиката: *Я извинился, как мог, назвал себя и предложил ему птицу, застреленную в его владениях* (И. Тургенев). *Главные торговые операции производились в городских рядах, в помещении, которое называлось амбаром* (А. Чехов). В ряде случаев в отглагольных именах места может происходить контаминация предметного значения и процессного значения, унаследованного от глагола, например: *Ограничение земельного участка предельными размерами – само по себе не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усилия каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов* (А. Солженицын) – ‘место – земельный участок’ и ‘процессуальное значение – владеть’.

Рассмотренные выше группы отглагольных имен на *-ние*, образованные по нескольким семантико-грамматическим моделям, в которых реализуется пропозициональное содержание в процессе актантажной деривации, обладают разной степенью вербогенности. Но в любом случае связь с глагольной семантикой в них не утрачивается, так как актантажная рамка исходного предиката, в которой проявляется семантическая составляющая категории пропозитивности, мотивирует все семантико-синтаксические трансформации, связанные с функционированием отглагольных имен в конкретных предложениях. В этом отношении показательны примеры неузуального употребления существительных на *-ние*, когда с определенной целью восстанавливается и подчеркивается пропозициональная структура слова. Один из случаев такой актуализации смысла слова отмечает Е.А. Земская: «Особо следует выделить прием подчеркнутого расчленения слова, в котором граница морфем уже стерта; оживлению морфемного шва способствуют присутствующие в тексте окказионализмы аналогичного строения. Из письма А.А. Реформатского: «Хотел бы я знать, в каком ты состоянии, или, что хуже – сосидении, солежании» [2, с. 25].

В свою очередь, отметим прием восстановления внутренней форма слова и, соответственно, пропозициональной структуры с помощью текстовой антонимии. Вот два примера из книги В.В. Колесова «Язык города» [4, с. 6-7, 40].

1. На Стрелке, у Биржи, и дальше, по Невкам, трудились грузчики, мастеровые, перекупщики да артельные, всякая мелкая людь, промышляя ежедневным трудом, кто как может. А по дальним окраинам постоянно вырастали из мастерских большие заводы и фабрики, которые также потребляли людей, но не тех, что жили в центре, и не тех, что проживали на мещанских окраинах столицы. Их зазывали из разных мест России, да и сами они шли из голодных краев, оседая здесь и создавая новый слой общества – рабочий класс.

Кажется, все это было не так давно: в столице жил не народ, а население, здесь не было общего языка, но сосуществовали самые разные наречия, говоры, диалекты, речения...

2. Первые попытки привить французские выражения в петербургском обществе сделал еще В.К.Тредиаковский. Ему не везло. Краснейшее сочинение придумал он для *belles lettres*. Не пошло, предпочли французское слово *беллетристика*, а впоследствии стали передавать его словосочетанием *художественное произведение*. Не красота, а художественность, не сочинение, а произведение – такова окончательная точка зрения, которая сложилась

в России в отношении к этому виду творчества. Серьезная работа, важный труд, а не развлекательность сочинения. Так и слово *сочинитель* в XIX в. под воздействием иноземных образцов заменилось словом *писатель*, потому что труд писателя стал социально важным. На французской почве появился русский узор.

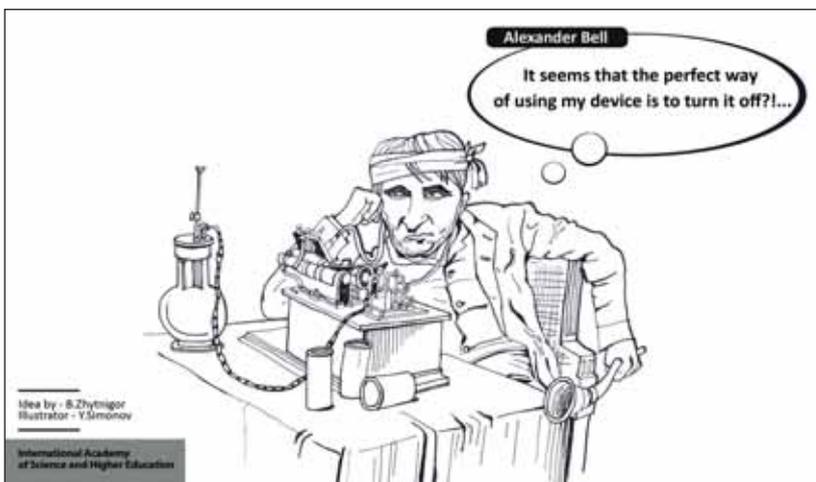
В первом отрывке неузальное противопоставление слов-концептов *народ* и *население* заставляет читателя восстановить внутреннюю форму существительного *население*, его первоначальную пропозициональную природу, чему помогают текстовые ориентиры (маркеры пропозитивности): «их зазывали из разных мест», «они шли из голодных краев, оседая здесь», «сошлись люди разных земель», «потом поселились». Слово-концепт *народ*, в отличие от слова *население*, в приведенном примере актуализирует когнитивно-пропозициональную структуру, базирующуюся на понятии общности или единстве языка. Понятно, что стертая внутренняя форма слов *народ* и *население* не может быть понята и воспроизведена без установления целого ряда когнитивно-пропозициональных репрезентаций мыслительного и мыслимого содержания, заключенного в концепте. Концептуальный анализ, следовательно, вопреки широко распространенному, расхожему мнению, не может выходить за рамки лингвистического анализа, поскольку сам концепт существует лишь в языке, «извлекается» и «вырезается» из языка, «осваивается» человече-

ским сознанием только с помощью языка и, наконец, может быть понят, осмыслен и истолкован также только через языковые структуры, которые и принято называть когнитивно-пропозициональными структурами. Поэтому правомернее считать, что концептуальный анализ – это лишь определенный этап семантического анализа, а не наоборот, когда, по мнению некоторых исследователей, последний признается более широким и объемным в предметно-содержательном отношении.

Противопоставление слов-концептов *сочинение* и *произведение* в приведенном выше примере заставляет актуализировать внутренне присущие им когнитивно-пропозициональные структуры ('то, что сочинено' и 'то, что произведено'), тем самым позволяя из использования их в речевой (точнее – в дискурсивной) деятельности установить значение слова как языковой единицы и как концепта, который становится достоянием духовной, словесной культуры.

References:

1. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // Ways of solving crisis phenomena in pedagogics, psychology and linguistics. Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. – Published by IASHE, London, 2012. – p. 189-191.
2. Земская Е.А. Словообразование и текст // ВЯ, 1990, № 6. – С. 21-28.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Колесов В.В. Язык города. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
7. Шмелев Ж.Н. Избранные труды по русскому языку. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

**LANGUAGE MEANS AND WAYS OF
EXPRESSION OF THE EVENT MEANING
IN THE ART TEXT (ON THE MATERIAL
OF THE RUSSIAN CLASSICAL
LITERATURE)**

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Problems of ontology and epistemology of the art text, its actually linguistic basis, are considered in the article. Establishment of such basis is the obligatory (primary) stage of the philological research of any literary work. Only after the establishment of the linguistic basis and on the base of it, it is possible to include thematic and semantic space of the text in other spaces, generated by numerous social and psychological, historical and cultural contexts. Research of such contexts assumes the use of categories of the semantic organization of the text, including categories, explaining the thematic organization of the text.

Keywords: art text, categories of the text, subject, event, cognitive and propositional structure.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Культурные ценности как проявления и продукты творческой деятельности человека – это не только мир артефактов и материальных произведений тех или цивилизаций, но и мир событий и фактов, который формирует и определяет состояние и уровень культуры как таковой. Мир событий и фактов создается человеком, и он живет в этом мире в соответствии со знаменитой формулой Людвиг Витгенштейна: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей». Эта совокупность структурируется и выражается прежде всего с помощью языковых средств и, что важнее, входит «в светлое поле сознания» человека в виде речевых ярлыков и клише, определяющих общий фон той или иной национальной культуры. Язык, таким образом, относится к ряду культурных ценностей, с помощью которых осуществляется сама процедура категоризации и концептуализация действительности, мира событий и фактов. Очевидно также, что событие становится фактом лишь после верификации с помощью языковых средств (см. об этом работу Н.Д. Арутюновой [1]). Категоризация и оценка события производится только с помощью языка в соответствии с культурными ценностями того или социума. И здесь уместно привести известное двустишие С.Я. Маршака (перевод строк английского поэта Джона Харингтона): «Бунт — не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе». Этот пример иллю-

стрирует положение о том, что событийный мир - прежде всего мир языка, мир, который выражается с помощью языковых средств, формирующих тот культурный феномен, который называется текстом. Событийный мир текста репрезентируется с помощью определенных языковых средств. Установление этих средств и способов организации этого мира в тексте, в том числе и в художественном, - важнейшая задача лингвистики текста.

Лингвистика текста, ставшая за последние десятилетия самостоятельной отраслью научного знания, активно взаимодействуя с другими гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, значительно обогатила современное языкознание интересными концепциями и теориями, новыми методами и приемами анализа единиц языка на всех его уровнях, позволяющими описать явления и процессы не только внутритекстового, но и «до-текстового», «меж-текстового» и «над-текстового» характеров. Помимо накопления сугубо эмпирических знаний, касающихся различных аспектов конкретных текстов (пожалуй, всех жанров), лингвистика текста использовала на своих объектах исследования различные общенаучные и общелингвистические идеи, одновременно выдвинув и сформулировав ряд своих собственных «текстовых» теорий. Вместе с тем скептическое замечание Г.А. Золотовой, сделанное ею еще в 1997 г., о том, что «...современ-

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ
ВЫРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙНОГО
ЗНАЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются проблемы онтологии и эпистемологии художественного текста, его собственно лингвистической основы. Установление такой основы – обязательный (первичный) этап филологического исследования любого литературного произведения. Лишь после этого и на основе этого можно включать тематико-смысловое пространство текста в другие пространства, порождаемые многочисленными социально-психологическими и историко-культурными контекстами. Исследование таких контекстов предполагает использование категорий смысловой организации текста, в том числе категорий, объясняющих тематическую организацию текста.

Ключевые слова: художественный текст, категории текста, тема, событие, когнитивно-пропозициональная структура.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

ная лингвистика текста несколько преждевременно поспешает к глобальной теории текста вообще...» и что «...актуальной задачей представляется не создание интегрального конструкта текста, а дифференциация типов текста, накопление знаний об их лингвистических свойствах и построение на этой основе типологии текстов» [4: 133] (см. также [5: 450-485], в определенной степени остается правомерным и сейчас, хотя глобальных концепций (в том числе и культурологического характера) за последние два десятилетия появилось немало как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике (см., в частности, работы [6], [7], [8] и др.) И это вполне объяснимо, поскольку без фундаментальной теоретической базы полученные эмпирическим путем знания и сделанные наблюдателем обобщения о структуре и семантике одного текста или специально отобранного круга текстов остаются на уровне «одноразового использования» или «обмена интересностями» (выражение Т.М. Николаевой), которые были обнаружены исследователем в том или ином текстовом материале. До сих пор ни общая лингвистика текста, ни грамматика (синтаксис) текста, ни семантика текста и др., т.е. ни один из разделов лингвистики текста не приобрел каких-то своих четких контуров с устоявшимися понятиями и категориями. Немало пробелов и в исследовании общих закономерностей смысловой организации текста.

Чаще всего анализ содержательной стороны текста сводят к определению актуализированных смыслов и референциальных особенностей у лексических составляющих текста (на самом деле, предложений), смысла (идеи) текста, его темы и т.п. Ясно, что поиски внеязыкового коррелята содержания текста в денотативной или когнитивной сферах - необходимый этап в исследовании текста. Но не менее очевидно и то, что прежде следует определить собственно языковой конструкт (точнее, квант), с помощью которого удастся адекватно описать содержание текста. Если рассматривать текст как результат и продукт речемыслительной деятельности (дискурса), то необходимо установить тот логико-лингвистический феномен и соответствующее ему языковое явление, которые упорядочивают и выстраивают в линейный ряд континуум реальной действительности и мыслимого (ментального) мира в последовательную и целостную систему вербальных знаков, именуемую текстом. Разумеется, эта система должна обладать всеми признаками и свойствами текста, а не вообще любого продукта речевой деятельности. Принято считать, что такими свойствами являются связность, цельность, завершенность, топикальность и др. Однако все эти понятия и категории не имеют прямого отношения к языковой системе, и поэтому они не могут считаться непосредственно лингвистическими. С некоторой долей упрощения недолгую историю лингвистики текста можно представить как историю поиска собственных категорий, раскрывающих онтологию текста, своего объекта и предмета познания и описания. К числу таких языковых категорий, по нашему мнению, следует отнести понятие пропозитивности, широко используемое при исследовании семантико-синтаксической организации предложения. При таком подходе анализ содержательной стороны текста представляет собой не что иное, как продолжение семантического анализа предложения, предварительного и обязательного шага к глобальному познанию коммуникативных, когнитивных и др. свойств языка вообще. Пропозитивность - это свойство предложения и текста сообщать о структуре ситуации, события и мира бытия в целом, и проявляется она в такой дис-

кретной единице содержания, каковой выступает пропозиция как логико-языковой коррелят события.

С точки зрения смысловой организации текст представляет собой не только последовательность предложений-высказываний, сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и т.п. дискретных составляющих, но и соединение пропозиций-событий в речемыслительной деятельности говорящего (пишущего). В отличие от отдельно взятого предложения пропозиitivность в тексте не обязательно выражается лишь в предикативных и внутрипредложенческих манифестациях пропозиции, она репрезентируется и в таких формах и средствах, которые присущи только тексту и в нем проясняются.

Исходя из постулируемых допущений, относящихся к эпистемологической стороне семантики текста, вполне обоснованным представляется разграничение таких понятий, как значение, содержание и смысл, по отношению к тексту. Вместе с тем эти категории будут обладать необходимой объяснительной силой лишь в совокупности со смежными категориями, уточняющими и детализирующими основную категорию. Так, исследование содержания текста немислимо без использования таких понятий, как тема, подтема, субподтема, микротема, т.е. понятий, отражающих то свойство текста, которое принято называть топикальностью.

Тема по своей природе - это тот ментальный конструкт, который задает вектор развертываемого событийного ряда, т.е. содержания текста. Она не всегда вербализуется в сознании автора текста, о чем свидетельствуют частые случаи изменения названия текста, а также презентация текста без названия. Однако исследователь вынужден при анализе содержания текста определить тему, подтемы, субподтемы, выстроить их в логически связанный ряд в соответствии с линейным характером развертывания текста. В качестве иллюстрации рассмотрим содержание 9-ой главы поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Для экспликации содержания этого текста наиболее адекватным, по нашему мнению, будет тематическое название «Переполюх в городе N», в котором событийное имя *переполюх* будет уточняться и конкретизироваться в

пропозициях, реализующихся в предикативных и неpredикативных формах, хотя само слово *переполюх* в тексте главы не встречается:

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижной физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом. Дамы наперерыв принялись сообщать ему все события, рассказали о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбилиего совершенно с толку, так что сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте, хлопать левым глазом и бить себя платком по бороде, сметая оттуда табак, но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились каждая в свою сторону бунтовать город. Это предприятие удалось произвести им с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован, все пришло в брожение, и хоть бы кто-нибудь мог что-либо понять. Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными... Всякий, как баран, останавливался, выпучив глаза. Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков сбились и смешались в головах их необыкновенно странно; и потом уже, после первого одурения, они как будто бы стали различать их порознь и отделять одно от другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. Что за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логика нет никакой в мертвых душах; как же покупать мертвые души? где ж дурак такой возьмется? и на какие слепые деньги станет он покупать их? и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души? и зачем вмешалась сюда губернаторская дочка?.. Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку про Чичикова и мертвые души, и все, что ни есть, поднялось. Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город!

Подчеркнутые в этом тексте единицы реализуют содержание «Переполюх» в значениях слов, словосочетаний, предложений в соответствии с прин-

ципом понижения ранга диффузности семантики, благодаря чему содержание текста перестает быть неопределенным, иными словами, содержание текста переходит в значение его компонентов. Этот процесс порангового понижения диффузности семантической стороны текста сопровождается понижением семантической неопределенности и самой темы, что конкретно проявляется в подтемах текста. Подтема - это целостный фрагмент содержания, раскрывающий определенный аспект основного предмета описания, содержащегося в замысле, и представленный в нем свернуто. Подтема имплицитно содержит и все другие субподтемы, соответствующие данному фрагменту содержания, поскольку она связана с ними определенными отношениями, сформированными в когниции человека, в его прошлом опыте. При необходимости подтема может всегда развернута на содержательном уровне путем введения соответствующих субподтем и микротем, составляющих их иерархическую структуру (см. об этом [2: 12]) (ср. также замечание Н.И. Жинкина «Текст расчленяется на иерархическую сеть тем, подтем, субподтем и микротем» [3: 168]).

В рассматриваемом тексте из «Мертвых душ» тема «Переполюх» развертывается на семантическом уровне в следующих подтемах: 1) Поездка просто приятной дамы к во всех отношениях приятной даме; 2) Беседа двух дам; 3) Рождение сплетни; 4) Полная неразбериха среди мужчин и женщин города.

Подобного рода несложная работа знакома каждому школьнику, выполняющему всем известное задание по разбивке текста на отдельные тематические части и озаглаиванию их. Выполнение такого задания требует от читателя умения свертывать значения слов, предложений в более сложный и в то же время более диффузный семантический комплекс, который обычно вербализуется в метатекстовых номинализациях в форме названий тем и подтем. Естественно, каждая из подтем, в свою очередь, расчленяется на «иерархическую сеть» субподтем и микротем. Благодаря такому понижению ранга неопределенности категорий содержания до уровня значения конечных его составляющих создается связность и

цельность текста как продукта речемыслительной деятельности человека.

Какие же языковые знаки в конечном итоге являются «заменой» или, точнее, реализацией в тексте темы, подтем, субподтем, микротем? Этот вопрос можно сформулировать иначе: что следует считать конечной (основной) единицей семантического уровня текста, какова ее природа и как она взаимодействует с другими значимыми единицами языка? Ответ на этот вопрос тесно связан со всем комплексом проблем лингвистической семантики.

В ряде работ по лингвистике текста и лингвистическому анализу художественного текста при рассмотрении проблемы смысловой организации текста часто используется понятие события как единицы семантической структуры литературного произведения, как особой категории представления знаний о мире, в том числе и художественном, создаваемом писателем. При таком подходе событие считается отдельной (целостной) содержательной единицей повествовательной фабулы, и к так понимаемому событию относится не только событие в его онтологическом смысле (реальное положение дел и его аналог в художественно мире автора и читателя), но и любые когнитивно-пропозициональные структуры, актуализируемые в процессе повествования (в лингвистическом смысле – при речемыслительной деятельности). Такое широкое понимание категории события при анализе художественного текста строго связывает «событийное» содержание текста с собственно пропозициональным (точнее – с когнитивно-пропозициональной структурой) содержанием, реализующимся в отдельных предложениях (пропозициях). Естественно, в таком случае появляется необходимость в разграничении разных типов «события», поскольку они отражают разные аспекты рассматриваемого явления. Так, некоторые авторы разграничивают такие понятия, как «событие» и «микрособытие», «фабульное событие» и «сюжетное событие». Помимо описания внешней обстановки, среды (в том числе изображение пейзажа), обстоятельств, при которых развивается фабульное событие, сюжетное событие связывается также с передачей различных психофизиологических со-

стояний литературного героя, его так называемого внутреннего мира, мира мыслей, переживаний и т.п. Так, например, анализируя следующий отрывок из рассказа В.В. Вересаева «В мышеловке»: «Вдруг все ему стало противно. Все кругом было серо, скучно и глупо. Погас огонек, освещавший изнутри душу. Холод все глубже вбирался в тело. И болела голова. И стлыли неподвижные ноги...», М.Я. Дымарский пишет: «Содержание этого ССЦ (сложного синтаксического целого. – В.Л.) непосредственного отношения к фабульным событиям рассказа не имеет. То, что герою «все стало противно», признать фабульным событием невозможно. Но невозможно и отрицать сюжетное значение этого изменения психологического состояния героя – особенно в таком рассказе, как этот» [2: 179]. Добавим, что такое значение имеет любое «событие» и все «события», репрезентируемые с помощью пропозициональных средств языка и составляющие содержательную и смысловую канву художественного текста. Такое «событие» правомерно называть текстовым событием.

References:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 227 с.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
3. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
4. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М.: Наука, 1997. – С. 113-133.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
6. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
7. Сабитова З.К. Лингво культурология. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 528 с.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста.: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE SECOND LANGUAGE ACQUISITION BY SPORTS STUDENTS

L. Doncheva, teacher
National Sports Academy "Vassil Levski", Bulgaria

Interactive techniques in second language acquisition are in the base of all modern educational approaches. The aim is to use such didactical methods which can ensure the efficient interaction between the teacher and the students. Examples of such techniques could be the discourse, discussion, dispute, games, case study, brainstorming, project making, etc. Using interactive methods and techniques helps overcoming of existing or arising difficulties and communication barriers by stimulating the process of thinking, generating and exchange of ideas.

Keywords: interactive techniques, second language acquisition

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Second language acquisition is a must in the contemporary global society. The professional attitude today requires speaking at least one foreign language as a major priority among the European educational strategies and curricula (2). Knowing a foreign language gives the possibility for immediate and optimal inclusion in the intercultural information system – effective integration in the globalized world and successful use of the new technologies. Nowadays, **intercultural communication** is a major fundamental need – valuable for every specialist. Information literacy allows one to join not only a certain educational/academic environment, but also one's future professional environment (1). Being an element of **interpersonal communication** it is characterized with diversity and changeability and depends to a great extent on the culture and cultural differences of the participants. Each party has to initiate and facilitate the first steps in this communication and be a responsible agent in the process – to stimulate, to analyze, to reason. There are various needs classifications by many classical psychologists (5, 6, 9) where language is considered to be the first personal need and a premise for achieving an effective interaction when one encounters another culture. Second language acquisition is claimed to be a fundamental inner need, regulated by certain stimuli and goals, which increases one's activity to reach them (3, 7).

Sport is a field where the process of globalization develops quite quickly. Sport today attracts athletes and spectators from all around the world. This means that knowing English on behalf of the managing team, coaches, referees, competitors, and organizers is not only more or less a conscious need but also a vital precondition and factor for a successful and fruitful intercultural communication.

The modern educationist under-

stands that learning is a highly comprehensive task, connected to the learners' culture (8). What is more, "Culture is not only a collection of different activities, it is a way of life" (4). This way of life, in sports context, is a total dedication to the sports discipline chosen. In their endeavour for high achievements the athletes view the second language as a personal need but in order to be fully involved they need special attention and require a special approach.

The current changes in the academic environment challenge lecturers to search for newer and attractive teaching methods to capture their students' attention. One of the ways for improving the process of learning a foreign language is through the use of **interactive teaching methods**.

The aim of the present study is to reveal which interactive methods of teaching English language could be successfully applied in the education with sports students.

The research was held among 309 sports students (213 boys and 96 girls) at the National Sports Academy "Vassil Levski".

In order to achieve the aim of the research the following tasks were set:

1. To develop a number of various interactive methods of teaching English language to sports students.
2. To test the methods in educational environment and observe students' reactions and interest.

The research was held during the first and second semesters of the academic year 2011/2012.

Results

The pedagogical experiment held among the sports students at the NSA "Vassil Levski" was developed on the base of exhaustive analysis of their needs regarding their English studies. The analysis reveals the following trends: 1) The

majority of the students speak English on a basic level; 2) The students want to accumulate knowledge and skills in English in the following areas: a) terminology of the kind of sport they practice and some of the sports in the curriculum of the NSA; b) basic communication skills during competitions; c) use of sports materials and publications in the Internet and specialized sports editions.

Based on the above mentioned trends various teaching procedures and techniques were created. They aimed at fulfilling the conceptual idea of the **interactivity** of the teaching process. The natural pedagogical experiment among the sports students during the academic year 2011/2012 includes the successful application of the following teaching procedures:

1. **"polar opposites"**: the teacher provides the students with two versions of an example. Choosing one of the versions the students have to think the matter over applying their knowledge. This procedure serves for filling in the gaps in grammar and for indirect error correction. (e.g. Compare the two pairs of sentences: United States are playing against Greece. vs. United States play against Greece; United States usually play one on one. vs. United States are usually playing one on one. Which sentence is best used in the given situation?)

2. **"guess the right answer"**: the teacher introduces the new topic by asking a question connected to a sports term. Through brainstorming he/she encourages the participation of each student (e.g. Using your knowledge of football, try to guess the English names of the positions of players on a basketball team.).

3. **"biographic method"**: the teacher sets a written task, connected with the students' life. They have to describe the beginning of their sports career, to

Table 1

Interactive method	Reaction	Perseverance	Interest	Total
Polar opposites	2	3	3	8
Guess the answer	3	3	3	9
Biographic method	2	3	3	8
Word of the day	2	2	2	6
Presentation	3	3	3	9
Tournament	2	3	3	8
True or false	3	3	3	9
Questions and answers	3	3	3	9
Definitions	2	2	2	6
Be a coach	3	3	3	9
Be a champion	3	3	3	9

1 – low interest; 2 – average interest; 3 – strong interest

Table 2

Academic Year	Average Grades	
	I year students	III year students
2007/2008	4.41	4.76
2008/2009	4.31	4.55
2009/2010	4.00	4.34
2010/2011	4.76	4.51
2011/2012	4.88	5.13

Table 3

Stages	N	Min	Max	M	SD
beginning	122	2	6	3,54	1,315
middle	122	2	6	4,45	1,113
end	122	2	6	4,62	1,145

Table 4

Coefficient	End-beginning
Z	-6,814(a)
Asymp. Sig. (2-tailed)	,000

share their attitude to the kind of sport they practice, to describe the most thrilling moments during competitions, etc. The use of the “personal” element in the educational process leads to “personification” of education and increases the participation motivation of the students.

4. **“word of the day”**: the teacher chooses a term which appears in all the exercises in the lesson (e.g. exercises for word formation). In groups, the students have to use the same model with another term (e.g. Pay attention to the grammar and lexical forms of the word “defend” in the following sentences,

taken from the texts and exercises we have worked on so far: The *defensive* players did their job perfectly well.; It’s hard to play against their *defence*.; Pay attention to their central *defender*! Try to create similar sentences with some of the following words: “*attack*”, “*play*”, “*run*”, “*block*” in the context of the different sports you know.)

5. **“presentation”**: the teacher provides the students with a long text, including information about the rules of a certain sport, the equipment, the positions of the players, etc. The students have to summarize the information in

Power Point presentation and show their work to their fellow students. The teacher and the rest of the students ask questions connected with the expose. The method is very successful in groups of students practicing different kinds of sports.

6. **“tournament”**: the class is divided into two groups which compete for a higher score on a few given texts. Each group reads the text and then answers questions. The competitive nature of the sports students focuses their attention on the material and increases their competitive motivation.

7. **“true or false”**: the teacher distributes cards with certain statements. Half of the statements are true, the others are false. The students who think their information is correct go to one part of the room; those with the wrong statements go the other part. The statements then are read aloud and discussed by the whole group. This procedure can be used for revision of the teaching material and provides the teacher with an adequate feedback.

8. **“questions and answers”**: the teacher prepares a card for each student. Half of the cards contain questions and the other half - answers. Each student has to find his/her partner by comparing the questions and answers of his/her fellow-students. The procedure is effective when working on different grammar problems and learning the rules, peculiarities, and terminology of certain kind of sport.

9. **“definitions”**: in groups the students create definitions, associations, and applications of the concepts discussed in class. This can be used at the beginning of the class or later on for solving a practical case on a certain stage of the lecture (e.g. Try to create short definitions of five basketball terms, using the information given in the text.)

10. **“be a coach”**: the teacher chooses an advanced student who leads certain part of the lecture (e.g. Students take the roles of the players on a team. The “coach” asks questions, connected with the specifics in the play of each of them, trying to correct the grammar and lexical errors his fellow-students make.). The procedure places the students in a non-standard situation and provokes their interest. Such a funny and relaxing approach stimulates students’ participation in times of tiredness and boredom and

prevents the appearance of disincensive feelings.

11. **“be a champion”**: the teacher prepares a few lists of multiple choice questions connected with the history, the rules, and some facts about famous people, practicing certain kind of sport. The students are divided into groups of three or four. They have ten sec to choose the right option for each question. The group with the highest result is the “champion of the day”.

A combination of the above described procedures was used in each lesson plan. The students’ reactions, perseverance, participation, and interest towards each procedure were observed. At the end of the academic year the results were analyzed and presented in the form of record of observation (Table 1).

The pedagogical experiment held confirms the need of applying specific methods of teaching English to sports students. The results show the effectiveness of interdisciplinary form of education which led to enriching the students’ knowledge in the field of different kinds of sports and at the same time increased their performance in comparison to previous academic years (Table 2). It should be pointed out that two thirds of the students received their final grade on the base of their work and performance during the academic year and did not have to take their fi-

nal exam. This proves that the use of interactive methods increases students’ motivation and interest and act as an active mechanism for inner regulation of their behavior.

In confirmation to this is the data received from the statistical analysis of the average grades values (Table 3). An increase of more than one unit can be observed - a serious proof for the efficiency of the pedagogical experiment.

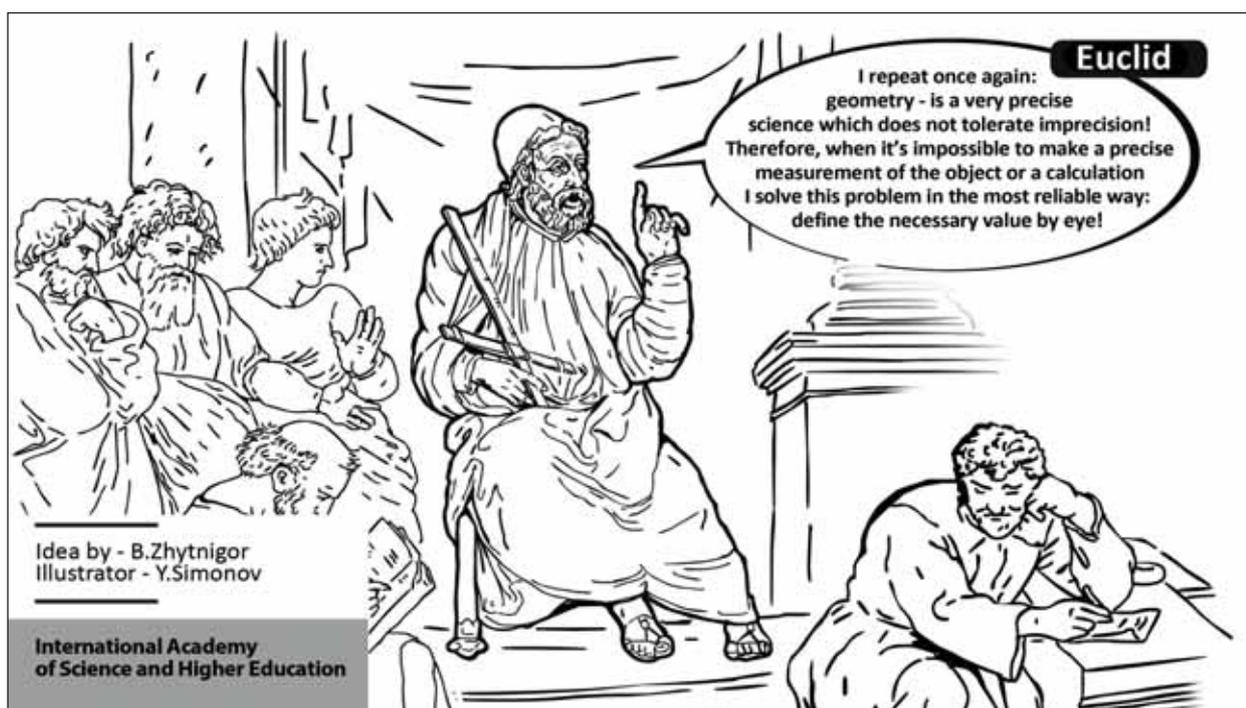
Students’ evaluation was done in three stages: at the beginning of the academic 2011/2012; at the end of the first semester, and at the end of the second semester. The comparative analysis of the results from the first and the last stage of the survey (Table 4) show there is a statistically significant difference regarding the students’ average grades (Alfa= 0,00).

Conclusion

Interactive teaching methods stimulate learners’ participation and performance. They lead to active actions and interactions in class. The various teaching procedures, the group work, and the immediate feedback the students receive from their fellow-students or their teacher increase their participation and competitive motivation and are an affective factor for improving the learning process.

References:

1. Баева, М., В. Вълканова (2011). Информационна грамотност в приобщаваща образователна среда. В: Годишно научно-методично списание «Образование и технологии», СУ «Кл. Охридски», бр. 2, С., 53-58.
2. Гюров, Д., Л. Ангелова (2011). Европейски приоритети за образователни стратегии и програми. В: Годишно научно-методично списание «Образование и технологии», СУ «Кл. Охридски», бр. 2, С., 50-53.
3. Обуховский, К. (2003). Галактика потребностей. Психология влечений человека. Изд. «Речь», Санкт-Петербург.
4. Eliyt, J. C. (1962). Notes Towards the Definition of Culture. Faber & Faber, Paris-London, 41.
5. Mackinnon, D. W. (1948). Motivation. In: Boring, E. G. (ed). Foundation of Psychology, N.Y.
6. Murphy, G. (1947). Personality: a Bio-social Approach to Origins and Structure. N.Y.
7. Robert Glyn & Darren Treasure (2012). Advances in Motivation and Exercise, 3rd Edition, Human Kinetics, L.
8. Steiner, Georg (2006). En el Castillo de Barba Azul. Apromaxion a un nuevo concepto de cultura. Ed. Gedisa, Ldrcelona.
9. Thomas, W. Y. (1924). The Unadjusted Girl. Boston.

HISTORICAL OIKONYMS OF THE RUTHENIAN VOIVODESHIP AT PAN-SLAVIC BACKGROUND

Y. Redkva, Candidate of Philology, Associate Professor
Chernivtsi National University named after Y. Fedkovich, Ukraine

Archaic formants are mentioned in names of settlements, which are located in borders. It is long ago established fact; it gives us the opportunity to look for time of settling of such territories by different ethnic groups. This research is held on the basis of analysis of common toponymic models. The analysis of ancient names of settlements with suffixes *-išče // *-isko at Pan-Slavic frontier (Galicia and Lviv Lands of the Ruthenian Voivodeship) in comparison with oikonyms of other Slavic territories is carried out by the author.

Keywords: base appellative, formant, oikonym, reconstruction of appellative form, toponym.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Proto Slavic suffixes *-išče // *-isko have been long the focus of studies by Slavic linguists as their proto Slavic origin have not yet been established. Derivatives *-išče and -isko and their use in Pan-Slavic area, especially in eastern Slavic countries, have not been established either. Scholars of *Slavic Onomastic Atlas* constantly add up new material filling in the gaps where toponymic coinages with formants *-išče and -isko are also represented.

Let us briefly go through the history of linguistic approaches to establishing the genesis of the formants both in appellatives and toponyms. We can trace the process from the nineteenth century with the publication of F. Miklosich's work *Vergleichende* [Comparison] [6] in 1875. Then there were studies by A. Belić (1901), V. Vondrak (1924). These were followed by the studies of W. Taszycki (1925), W. Doroszewski (1928), Ya. Rudnytskyi (1935, 1967), J. Safarewicz (1939), S. Rospond (1963, 1984), B. Kreja (1967, 1975), R. Ködderitzsch (1969), I. Kovalyk (1970), M. Lesiv (1972), F. Sławski (1974), Y. Zakrevska (1976), M. Majtan (1983), Y. Zalevskyi (1983), R. Mrózek (1988), W. Milerski (1990, 1991), K. Nowik (1991), B. Wyderka (1993, 1996), T. Pluskota (1999), Y. Redkva (2001, 2002)

Provided that the chronology of these formants origin is traced place names, we can envisage that formant -iszcze(a) is older than formant -isko(a). This fact is true even despite their coexistence. Apart from that, formant -isko (-ucьko) [-ys'ko] was substituted by its predecessor (-iszcze) with time and became relatively more productive. This substitution is stipulated by its frequency of use. Parallel use of the suffixes and

predominance of (-isko) is proven by sources of XVI through XVIII centuries.

The author has found 21 ancient place names oikonyms and over 57 oikonyms related by their phonetic and morphological varieties among place names of Halych and Lviv Lands of Russ province with suffixes *-išče // *-isko. The article analyses these oikonyms from the point of view of history and etymology.

In our paper due to limited time we provide some interesting from the point of view of etymology place names:

Бубнище [bubnyshche], Dolyna District, Ivano-Frankivsk Oblast [ATY: 124] *Bubenicze* (*Bubniszcze*) year of 1453. [AGZ 12: 2568a], *Bubniska*, Lviv Land (Bolechov) [Atl. Jabł. m. 3]. We trace the origin of the place name from primary reconstructed appellative form *bóbьnišče / *bóbьnisko (< *bóbьnъ(jь) „soaked (soil)” – the stem *bób „to soak, swell”, to mumble „soak, swell” [ECYM 1: 275] – + -išče // -isko). Compare in terms of semantic motivation бубна [bubna] „bump, lump” [Гр. 1: 104].

Гумницька [humnyška], Buskyi District Lviv Oblast [ATY: 177], *Humnyška*, 1471 [MRPS 1: 746], *Humnisza* (*Humniska*) 1476 p. [MRPS 1: 1436], *Humniska*, Lviv District, Lviv Land, 1607 [SGBus. 6: 631]; Гумницька [Humnyška], Terebovlianskyi District Ternopil Oblast [ATY: 265] *Humniska* (*Humniszcze*), 1471 [MRPS 1: 746], [AGZ, 15, 836], *Humnisza* [Lustr. 1564–1565 / 2: 33–34], *Humniska* (*Humniszcze*), Terebovlianskyi District, Halych Land, 1634 [SGTremb.: 119, 499], *Humnisza* 1616, 1627 [Lustr. 1661–1665 / 3: 149–150], *Gumniska* (XVI w.), Terebovlianskyi District, Halych Land [Atl. Jabł. m. 2].

Cf Sorbian Gumnišče (at pres-

ent Gimritz), Guministi, 850 [7: 30]; [8: 102]; Czech (Moravian) Gumnišče, 1477, Gumnis – nonexistent locality today [8: 102].

Place names of this semantic type date back to Proto Slavic place name *gumnišče // *gumnisko “place where barn used to be” (< *gumьno “barn, threshing floor” [ЭССЯ 7: 173–175] + *-išče // *-isko). Cf Ukrainian гумнище [humnyshche] “a place where used to be threshing floor” [Гр. 1: 340], гумьнищо [humnyshcho] “a place where used to be threshing floor” (the stem of the noun гумно, гумьно [humno] “a yard with farm buildings, threshing floor; building for the storage of grain”) [СУМ XVI–XVII / 7: 117–118]; Polish *humniska* “place between threshing floor and other buildings or a place after threshing floor”; cf *ibid* place names: Humniska, Humnyško, Humnyška, Humniszcza [Zal.: 54].

Дуплицька [duplyška], Zalishchyky District, Ternopil Oblast [ATY: 261], *de villa Dupliszcze*, 1661 [АЮЗР / 7: 2, 510]. The name can be traced to Proto Slavic *duplišče // *duplisko (< *dup(ь)lo // *dup(ь)lo in one of the meanings of Old Polish “hollow, hole” [ЭССЯ 5: 159–160] + suffix *-išče // -isko) with possible primary semantics “a place with area with holes, hollows”.

***Dworzyska** (Przemysłany), *Dworzyszcza* (*Dworzyska*), 1453 [AGZ 14: 2835]. At present it is – a part of the village of Підгайчики [Pidhachyky], Zolochivskyi District, Lviv Oblast [ATY: 179]; see also: Dworzyska (Zborów), Dworzyska (Podhajce) [Zal.: 37]. *Dworzysko* („we wsi Szmerekowie”) 1578 p. [Lustr. 1661–1165 / 2: 54].

Cf Polish (Silesian) Dworzyszczce: 1). Dworziszczce, 1300 – the place does not

exist at present; 2). Dworzyszczce – Greater Poland, eighteen place names [7: 31, 34–35]. Cf Czech (Moravian): Dvořišče, 1476, Silesian Dworzyszczce (Dworziszczce, 1300, a place is not identified at present [8:103].

The name derives from appellatives: *двориско* [dvorysko], *дворисче* [dvorysche], *дворище* [dvoryshche], *дворыще* [dvoryshche], *дворышче* [dvoryshcho] „a farm house with land, buildings mostly as a unit of taxation, a complex of farm buildings within a yard” [СУМ XVI-п. пол. XVII / 7: 204–205], *дворыше* [dvoryshche] „a place where a yard, manor house used to be” [Гр. 1: 363], Polish *dworzyszczce* “a peasant farm in south-western Poland” [Słstp], [SP XVI], *dworzyska* “a measure of land that occupies a number of peasant farms” [Żdź. 18 / 1: 22: 180], that date back to Proto Slavic **dvorь* “yard” + **-išče* // **-isko* > **dvořišče* // **dvorisko* “a yard with no fence, a big yard, a farm of a certain size, a peasant hamlet, manor house” [ЭССЯ 5: 169–170]. The historical records about place names state that at the beginning they were called just *дворыше* [dvoryshche]: cf for example a place name Niedorozowicza (ad Łowczyce) (*dworzysko*), 1411, [AGZ 3: 84]. Historical records state that a place names of the type of *Niedorozowicza* that is situated near another village of Łowczyce), village of *Пидгайчику* [Pidhaychyky] or *Dworzysko* (“we wsi Szmerekowie”) (see as mentioned above) before obtaining their names were just *dvoryshche*.

Жорницька [zhornyska], Yavorivskyi District, Lviv Oblast [ATY: 189], *Szarnowska*, 1441, [ML: 116]; *Żorniska* (village Janów), 1453, [AGZ 14: 359, 2759], 1550, [AGAD / MK 78, f. 387]; *Żerniszczca*, 1558, [AGAD / ASK LVI L 1 / II, f. 79], [Жер. 7: 237–238]; 1569, [AGAD / MK 128, f. 66v–68], [AGZ: 10, 1495]; 1570, [AGAD / MK 108, f. 396v–397v]; seventeenth century, [AGAD / ASK XLVI, 23, f. 26]; *Żorniska*, Zhovkivskyi District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 3]. See also: colony of *Żarniska* (Brzeżany) [Zal.: 196]. Depending on its modern meaning of the appellative, Polish *żarniska* “a place after a fire ready for prepared for seeding” [Zal.: 196], we believe that it is reasonable to tie the motivation of the place name to Proto

Slavic stem **gō(ō)r-* / **zē(ē)r-* with common meaning of being under fire realised in Proto Slavic verbs of the type **žerēti* (**žerti*), **žarēti* [5: 384–421] through reconstruction of the above mentioned verb stems of adjective *žarъnъ(jь)* with possible meanings of burnt out, fired in a kiln + suffix *-išče* // *-isko* > **žarъnišče* // **žarъnisko* burnt out place”.

***Kadłubiszczca** (*Kadłubiska* / Brody), 1431, [ML: 45]; 1474, [AGZ 15: 1333], *Kadłubisko* (XVI w.), Brodskyi District, Lviv Land, *Kadłub(iska)*: „W wyniku dżumy we wsi Stolyń, jedna część mieszkańców poszła na południowy-wchód i osiedliła się pod Kadłubem” [SG 3: 660], [Atl. Jabł. m. 2], *Kadłubisko* (XVI w.), Oleskyi District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 2], and also: *Kadłubiska*, Buchachskyi District [Zal.: 62]. **Kadłubiszczca** (*Kadłubiska* / Brody), 1431 [ML: 45]. A possible reconstruction for this place name on a Proto Slavic level in the form of **kad0bišče* // **kad0bisko* „a place where there were springs, holes made by water; well stands; a small lake” (< **kadъlbъ* // **kadъlba* „well stand; a place deepened by water; spring, a small lake, a reservoir for water” [ЭССЯ 9: 113–115] // **kad0bъ*) + suffix **-išče* // *-isko*). Cf Bukovynian: *кадиб* [kadib], *кадуб* [kadub] “a field well; a place with a lot of springs” [СБГ: 181–182]; *кадовбина* [kadovbina] “a small ice-hole”, *кадиб* [kadivb] “a hollow part of a wooden stump, that is placed on a spring instead of a well stand” [Гр. 2: 206–207], Polish (Old Polish) *kadlub*, the same as above and also a place name *Kadlub*, 1295, Silesia, Lesser Poland [Bańkowski 1: 605].

Formant *-išče* could have been extended by means of another formant *-ov-* by joining them: *-ov-išče*. This is proven by such place names from the area under study:

Літовуше [litovyshche], Brodivskyi District, Lviv Oblast [ATY: 176] *Letowiszczca* (*Litowiska*), 1494 [AGZ 15: 2441], *Litowisko* (south Brody), 1494, [AGZ 15: 325], *Litowiszczce* (XVI w.), Brodivskyi District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 2], *Litowisko*, *Litowiska*, *Lutowisko* [SG]; *Litowisko*, *Litowyszczce* // *Liutowyszczce* albo *Liutowisko* [Zal.: 86–87].

Cf also in eastern Lesser Poland: *Letowiszczca*, *Litowiska* (at present Lu-

towiska), *Litowiszczca* (1484, *Letho(a) wyszczca*, 1494, *Letovysce*, 1515, *Lyetovyszczca*) > *Litowiska* (1580, *Letowiszczca* > *Letowiska*, *Lithowiska*; 1589, *Litowiska*, but in 1649, *Latowiszczce*, 1678, *Litowisko*, 1699, *Litowiska*), at present *Lutowiska* (1747, *Lutowiska*, 1794, *Lutowiska*) [7: 39]; [8: 103, 105].

The name derives from Ukrainian appellative *літовуше* [litovyshche] “a place and time of summer stay of Hut-sul (highlander) sheep and cattle” [Гр. 2: 372], cf Bukovynian *літовуша* [litovyt-sa] “a pasture where sheep and cattle are driven for the whole summer” [СБГ: 263], [Stieber Z.: 46], [Rospond S.: 196]. Records of these place names with stems *Lit-*, *Let-*, *Lat-* and semantic structure of the appellative stem **lēt-* allow us to reconstruct Proto Slavic appellative **lētovišče* // **lētovisko* (by means of adjective **lētovъ-* in the sense of “summer” and suffix *-išče* // *-isko* to denote place names (*nomina loci*), i.e. “a place of somebody’s (in our case – sheep and cattle) stay in summer. Latest historical records of the place name (see: *Lutowiska* / *Lutowiska* // *Lutowiska*) provide reasons for singling out such reconstructed by R. Kozłova onomastic (mostly hydronymic) stem **L’ut-* with appellative stem **l’ut* of the sense “quick, cold, deep” to denote quick flowing rivers with cold non freezing water [4: 80–98]. An adjective stem of the type **L’utovъ* (< **l’ut-* + suffix *-ovъ-*) can be singled when we drop the suffix **-isko*. The whole appellative form is reconstructed as **l’utovisko* // **l’utovišče*.

Неділюська [nedilyaska], Peremyshlianskyi District, Lviv Oblast [ATY: 183], *Niedzieliska* (south Przemyślany), 1578 [Żdź. 18 / 1], *Niedzielisko*, Lviv Land (Bobrka) [Atl. Jabł. m. 2].

Cf Sorbian *Nedělišče* (Fidelis, 1300, *Nidelist* 1350, *Nedelist*, at present *Nodlitz*; Polabian *Nedělišče* (*Nedeliz*, 1323; Slovak *Nedelište* (*Nedeliste*, 1393)); Polabian *Nedělišče* – *Nedialesci*, 965, *Nedeliz*, 1361 [8: 102–103]; [7: 30–31].

If we analyse the record, we can treat the name as a Proto Slavic stem **dělъ* “part, share, division”, underlying Proto Slavic verb **děliti* “divide” [ЭССЯ 4: 233; 5: 8–9]; cf also *ділення* [dilenyna] “division”, *ділуну* [dilyty] “divide” [Гр. 1: 391]. The reconstruction of the motivating appellative with prefix

negation **ne-* (**neděliško* // **nedělišče*) in the name of this village evidently indicates to indivisibility of something, a ban to divide, e.g. land legacy and has the meaning of “a settlement on indivisible lands”. As proof of our treatment *cf.* „Niedzieliska // Nediłyśka ... Zapewnie pierwotnie n. jakichś pól, gruntów (od niedzielenia)” [Zal.: 111].

Незвисько [nezvysko], Horodenkivskiy District, Ivano-Frankivska Oblast [ATY: 123], **Nieswieszcz** (Neszwieszcz, Neszwieszcz, Niezwiska), 1424 [AGZ 12: 8, 11, 54], in *Nyedzweszcz* (!), 1449 [AGZ 12: 150–183], „*super fluvio (on a river – authors) Nyeszweszcz inter villa Nyeszweszcz et Harassymow*”, 1465 [AGZ 15: 302], **Niezwieszcz** (in *Nyeszweszcz*, **Niezwiska**) 1474, 1475, 1482 [AGZ 12: 416, 3748; 19: 944], **Nyeczyszcz**, 1578 [Żdź. 18 / 1: 891], **Niezwiska**, or **Niezwieszcz**, 1886 [SG 7: 142], **Niedzwiska** (XVI w.), Halych Land (Chocimierz) [Atl. Jabł. m. 3] a place name belongs to so called negative toponyms (see place name **Неділицька** [nedilyśka] above) and derives from verbal proto form **zъvati* „name, call” with negaive prefix **ne-*, i.e. “something not named, without a name”. Addition to a verb stem suffix *-isko* // *-išče* enables us to reconstruct proto form **nezъvisko* // **nezъvišče* with possilbe meaning “not named locality” (a place name and a hydronym convicne us in this hypothesis). Professor D. Buchko has another treatment of this locality (as a name formed from anthroponym [1: 92–93].

Селушка [selyśka], Peremyshlianskiy District, Lviv Oblast [ATY: 183], **Siedliszcz** (Siedliska), 1499 [AGZ 15: 4602], **Siedliska** (Siedliszcz), Lviv District, Lviv Land, 1606 [SGL 361: 123–130], 1644 [SGL 386: 1173–1174], [SGL 395: 282], **Siedliska**, Hlynianskiy District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 2], **Siedliska** (XVI w.), Lviv District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 2]; **Селушко** [selysko], Pustomytivskiy District, Lviv Oblast [ATY: 183], **Siedliska** (Bóbrka), 1499 [AGZ 15: 4602]; **Sijeliszcze**, Zhydachiv District, Lviv Land, 1391, “*Villam alias Sijelissezze dictam Holijn, in district Zidaczouienst*” [CDP 1: 260].

The place name, we believe, derived from Proto Slavic verbal stem **sěděti* „sit” (< Indo European **sed*) [2: 518] to denote a settled place, and we can re-

construct Proto Slavic noun **sědlišče* // **sědlisko* „settlement, settled place”. We evidently have a case when suffix *-išče* // *-isko* in appellative **sědlišče* // **sědlisko* primarily did not indicated to “a place where something existed” but belonged to basic appellative on a preoikonymic level. All later appellative forms are secondary and reflect primary motivation, *cf.* **сєлуско** [selysko] “a place where a village used to exist” [СБГ: 481], **сельбуице** [selbische] “a settlement, a place of settlement” [Гр. 4: 113]; Polish **siedliszcze** „siedziba, gniazdo, dom mieszkalny; plac, na którym znajduje się siedziba włościańska ze wszystkimi budynkami; miejsce przy chacie objęte ogrodzeniem” [SW].

On a different Slavic area scholars located the following names: Polish **Siedliszcze** > **Siedliska**: (Silesia) Sedlisce, 1208, Sedelizze (year 1253), Celdisce (year 1265) – **Siedliska**; south-west Lesser Poland: Sedlisicz (year 1325), Sedliszcz (year 1331), Sedlisce (year 1342), Sedlissza (year 1351), Sedliska (year 1399), Sedliszcze – **Siedliska** (year 1407): **Siedliska** (year 1407), **Szedlisco** (year 1416), **Szedlyszka** (year 1470), **Siedliska** (year 1581), though in 1498 – **Syedlyszca**). Nothern and Central Lesser Poland: Sedliszcze – **Siedliska** (year 1288): **Siedliska** (year 1353), but in year 1362 **Sedliszcze**, **Sedliska** (year 1400), **Szyedlyszka** (year 1470), **Siedliska** (year 1529), **Siedliska** (year 1581 p.); (eastern Lesser Poland) **Siedliszcze**: **Seliszcz** (year 1396), **Siedliszcze** (year 1456), **Siedlissza** **Korbutowe** (year 1564), **Siedlissza** **Episcopales** (year 1564), **Siedliszcze** (year 1625), **Szedlisszye** (year 1414), w **Syedlisszu** (year 1565), **Siedliszcze** (year 1443), **Syedlyszcz** (year 1505), **Siedliszcze** **Branowo** (year 1564); polabian. **Sedlišče** (Citlist (year 1331), **Tzitliste** (year 1344), **Sedlišče** (Cedelitz (year 1273); Czech (moravian) **Sedlišťe** (year 1305) in plural), **Siedliszcze** – the name of couple of settlements in Poland: **Sedlisce** (year 1208), **Sedelizze** (year 1253) – **Сілезія**, **Sedlisce** (year 1288), **Siedliszcze** (year 1351) – north-central Lesser Poland, **Siedliszcze** > **Siedliska**: – **Сілезія** (1265), north-central Lesser Poland (years 1351-1353 pp.), back in 1362 – **Sedliszcze**, **Sedliska** (year 1400), **Sedlisco** (years 1407–1416) north-western Lesser

Poland [8: 102–105]; **Siedliszcze**: southern Lesser Poland (**Szedlisszye** (years 1414, 1502), w **Syedlisszu** (year 1565), **Siedliszcze** (year 1786), **Syedlyszcz** (year 1443, 1505), **Siedliszcze** **Branowo** (year 1564), **Siedliszcze** (year 1796), **Siedliszcze** **Bramowe** (year 1827), **Seliszcz** (year 1396), **Siedliszcze** (year 1456), **Siedlissza** **Korbutowe** (year 1564), **Siedlissza** **Episcopales** (year 1564), **Siedliszcze** (year 1786), **Pidlisszshia**, Western Maritime; **Siedliszcze** – **Osada** south Lesser Poland (**Osada** **Siedliszcze** (year 1839), **Siedliszcze** **Kolonia** [7: 33, 38].

***Targowyszcz** year 1368 [KDM 3: 816]; year 1485 [MRPS 1: 1796] „*W* [KDM 3: 816 – Y.R.] *mylno podano tę nazwę jako Grodzisko*” [Dąbk.Podział.: 82]; (**Targowiszcz** // **Uroczyszcz**) „*O tym uroczyszczu takowa jest tradycja, że to wieś kiedyś bywała. Teraz to pole albo uroczyszcz do folwarku mierzwickiego zasiewają, bo blisko Mierzvice to pole leży, ku Kulikowu. A że się już otaksował folwark mierzwicki, tedy i z tego pola zboże jest w prowent skarbowy inkludowane i otaksowane*” [Lustr. 1661–1665 / 2: 53–54], [SG 12: 174].

Names of this type with extended formant *-ov-išče* – are available in other Slavic languages: Polish (Greater Poland.) **Targowiszcz** / **Tergowiste** / **Targoviste** (year 1153), **Targowiszcz** (year 1355), **Targowiszcz** (years 1373, 1376) (nowadays – **Targowiska**); **Targowiszcz** > **Targowiska**: **Thargouisce** (year 1262), **Targowiszcz** (year 1324), **Targowice** (year 1325) – **Targowisko** (**Targowiska** (year 1354), but in year of 1366 **Thargowiszcz**, **Targowiszcz** (year 1382) [7: 38–39]; **Targowisko**: south-western Lesser Poland (years 1325–1354), Greater Poland. (year 1376); Slovak **Trhovište** (since 1948), **Targowiszcz**, **Targowiszcz** [8: 38, 102, 103, 105].

Compare lexemes Polish **targ** meaning “a place allocated for trade” [Słstp], **targowisko** “a place where sales take place” [Słstp], **торговуиця** [torhovytisia] “a place where cattle is traded; trade, market” [Гр. 4: 275].

Analysing the records of place names in different Slavic languages and closely sounding appellatives, we can reconstruct basic lexemes stage by stage that became the stems for place names: ***targъ** “trade” > ***targovъnъ(jъ)** “trading, belonging to trading” + suffix *-išče*

> **targovišče* // **targovisko* “a place where trading takes place”. Cf similar stems a place name Topriv torhiv, Zolochivskiy District, Lviv Oblast [ATY: 179]; *Torchów* (XVI w.), Zolochivskiy District, Lviv Land [Atl. Jabł. m. 2].

Węglarzysko, Lviv Land. (Nawaria) [Atl. Jabł. m. 2]. Ukrainian dialectal appellative form of the living language *вуглясько* vuglysko “place for coal” we can reconstruct from Proto Slavic **ógľь* “coal” [ECYM 1: 628] + suffix *-išče* // **-isko* > **óglišče* / **óglisko*. In Polish variety of the name *Węglarzysko* suffix *-ysko* added the suffix *-ar(z)-* to have a combined form of *-arzysko* with the same meaning of the place name (the stem being Pol. *węgiel* “coal”, i.e. a place where wood was heated, cf Ukrainian *вуглярня* [vugliarnia], *вуглярка* [vugliarka] “place where wood was heated” [Гр. 1: 258]).

The process of transition of primary semantic meaning to basic appellative in toponymic studies, place names in particular, (with the loss of the settlement) into a meaning of the place where the settlement existed is marked by the suffix *-ище* [-yshche]. We can demonstrate it with modern place name **Демня** [demnia], Berezhanskyi District, Ternopil Oblast [ATY: 258] (at the border of Halych ad Lviv Lands) – with its spelling from historical records: Dempnia, Lviv Land (Dempna, Dempnca, Demnia) 1466, 1474, 1488 [AGZ 15: 3321, 323, 1993], Demnia (Demna), Lviv District, Lviv Land, 1625 [SGL 377: 45–46]; Demnia (south Narajów) 1466 [P.: 61], Demnia, z. lw. (Brzeżany) [Atl. Jabł. m. 3]; Demnia, z. lw. (Szczerzec) [Atl. Jabł. m. 2]; Demnia (pn. Mikołajów) 1515 p. [Żdz. 18 / 1, 135]; Demnia [Lustr. 1564–1565 / 2: 167], Demna 1600 p. [Lustr. 1661–1665 / 2: 33–34]; **Demnia** (XVI w.), z. lw. (Rożniatow) [Atl. Jabł. m. 3] – and a name of the field Демнище [Demnyshche], where, as it was established by D. Buchko, was a hamlet Демнище [Demnyshche], Plumach District, Ivano-Frankivska Oblast [1: 68]. Both place names, Демня [Demnia] and Демнище [Demnyshche], are well motivated by appellative forms *демня* [demnia] “chimney, furnace, blacksmith’s shop” and *демнище* [demnyshche] “a place where there was demnia” [ECYM 2: 31].

So, the data presented above from different Slavic areas and etymological

settlement names of Lviv and Halych Lands allow us to draw a conclusion that suffixes **-išče* // **-isko* were in parallel use in different Slavic languages. For Ukrainian, and its patois in particular, that is supported by historical place names of both lands – as the most ancient Ukrainian place names, – suffix *-исько* [-ysko] became dominant since fifteenth century, and as Y. Zakrevska states that “along with an equal suffix in meaning *-ище* [-yshche] // (*-išče*) in the literary language that is a development of Church Slavic suffix *-иуме* [-yshte], as a result of which there was a parallel use in Ukrainian of both suffixes *-ище* // *-исько* [-yshche // -ys’ko] (**-išče* // **-isko*)” [3: 41]. The most ancient place names for the area were Targowyszcze (year 1368) and Grodzysko (year 1368). Therefore we have evidence of parallel use of **-išče* // **-isko* in place names in the lands in the fifteenth century

The etymologies of 12 oikonyms of Lviv and Halych lands of the former Ruske Woyewodstwo at the all-slavic background presented above enable us to reconstruct the majority of their basic appellative stems on Proto Slavic level. This proves that the settlements and the names were ancient in the area under study. They are the following: **Бубнище** [bubnyshche] < **bóbьnišče* // **bóbьnisko*; **Гумниська** [humnyaska] < **gumnišče* // **gumnisko*; **Дуплицька** [duplyaska] < **duplišče* // **duplisko*; **Дворзиска** < **dvorišče* // **dvorisko*; **Жорниська** [zhornyska] < **žarьnišče* // **žarьnisko*; **Кадлубишча** < **kad0bišče* // **kad0bisko*; **Литовище** [litovyshche] < **lětovišče* / **lětovisko* // **l’utovisko* // **l’utovišče*; **Неділицька** [nedilyaska] < **nedělisko* // **nedělīšče*; **Незисько** [nezvysko] < **nezьvisko* // **nezьvišče*; **Селиська** [selyaska] < **sědlišče* // **sědlisko*; **Targowyszcze** < **targovišče* // **targovisko*; **Węglarzysko** < **óglišče* // **óglisko*.

If we trace the data since Proto Slavic era, the use of suffixes **-išče* // **-isko* in place names in other Slavic territories and other languages, the most ancient records are available for Sorbian language with names *Gumnišče* (Gimritz) // *Guministi* (year 850); Polabian – *Nedělīšče* // *Nedialesci* (year 965); in Polish the suffix **-išče* originated in the second half of the twelfth – the beginning of thir-

teenth centuries and is exemplified by the following place names: Targoviste (year 1153), Sedlisce (year 1208) and later in this Western Slavic language there is a tendency to substitute suffix **-išče* with its parallel correspondent suffix **-isko* in the fifteenth century.

Elucidation of 12 place names origins of Halych and Lviv Lands of the former Ruske woywodstwo in Pan Slavic area with ancient suffixes **-išče* // **-isko*, indicates even spread of place names and their appellative forms. These place names origins are considered within confines of a phenomenon of substitution. Mostly these origins denote space in the area of Slavic linguistic and ethnic territory since the time of Proto Slavic linguistic areal community.

List of Abbreviations:

АТУ – Адміністративно-територіальний устрій. Українська РСР (1987). – К., 1987. – 504 с.

АЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольской и Волынском генерал-губернаторе. – К., 1859–1914.– Ч. I–VIII. – Т. I–XXXV.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 7-ми т. / Гол. ред. О.С.Мельничук. – К.: Наук. думка, 1982–1989. – Т. I–III.

ЭСЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2005. – Вып. 1–31.

Гр. – Словарь української мови / Упор. Грінченко Б.Д. – К., 1907–1909. – Т. I – IV.

СБГ – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуїванюк. – Чернівці: Рута, 2005. – 688 с.

СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI-п. пол. XVII ст. / Відп. ред. Д. Гринчишин. – Львів, 1994–2004. – Вып. 1–11.

AGAD / ASK – Archiwum skarbu koronnego // Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie.

AGAD / MK – Metryka Koronna. Archiwum skarbu koronnego // Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie

czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1868–1935. – T. 1–25.

Atl. Jabł. – Atlas historyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Epoka przełomu z wieku XVI na XVII. Dział II: Ziemia Ruskie Rzeczypospolitej. – Warszawa-Wiedeń, 1889–1904.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. A–K / A. Bańkowski. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. – T. 1.

CDP – Codex diplomaticus Poloniae. – Warszawa, 1847–1858. – T. 1–3.

Dąbk.Podział. – Dąbkowski P. Podział administracyjny województwa Ruskiego i Bełskiego w XV wieku (z mapą) / P. Dąbkowski // Zabytki dziejowe. – Lwów, 1939. – T.V. – 337 s.

KDM – Piekosiński F. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Monumenta mediae aevi historica / F. Piekosiński. – Kraków, 1876–1905. – T. I–IV.

Lustr. 1564–1565 / II – Lustracja województw Ruskiego, Podolskiego i Bełskiego 1564–1565. – Warszawa, 2001. – Część II. – 289 s.

Lustr. 1661–1665 / II – Lustracja województwa Ruskiego 1661–1665. Ziemia Lwowska. – Wrocław, 1974. – Część II. – 216 s.+ mapa.

Lustr. 1661–1665 / III – Lustracja województwa Ruskiego 1661–1665. Ziemia Halicka i Hełmska. – Wrocław, 1976. – Część III. – 303 s. + 2 mapy.

ML – Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 r. – Lwów, 1890.

MRPS – Matricularum Regni Poloniae Summaria / wyd. T.Wierzbowski. – T. I–IV (1905–1910). – Varsoviae, 1905–1961.

Rospond S. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL / S. Rospond. – Wrocław, 1984.

SG – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. – Warszawa, 1880–1902. – T. I–XV.

SGBus. – Sąd Grodzki Buski. Act books of Bussky municipal court of Russ province located in Central state historic archive in Lviv, Ukraine (CSHAL. – Reserve № 1). Numbers following abbreviations indicate volume number and page number.

SGL – Sąd Grodzki Lwowski. Act

books of Lviv municipal court of Russ province located in Central state historic archive in Lviv, Ukraine (CSHAL. – Reserve № 9). Numbers following abbreviations indicate volume number and page number.

SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław, 1966–1988. – T. I–XVIII.

Słstp. – Słownik staropolski / red. S. Urbańczyk. – Wrocław, 1953–1990; Kraków, 1991–2002. – T. I–XI.

Stieber Z. Toponomastyka Łemkowszczyzny / Z. Stieber. – Cz. 1. Nazwy miejscowe. Cz. 2. Nazwy terenowe. – Łódź, 1948–1949.

Żdz. 18 / 1 – Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Ziemia Ruskie: Ruś Czerwona. – Warszawa, 1903. – T. XVIII. – Część II. – 491 s. + dodatki.

Zal. – Zaleski J. Nazwy miejscowe Tarnopolszczyzny / J. Zaleski // Prace onomastyczne 31. – Ossolineum, 1987. – 198 s.

References:

1. Бучко Д.Г. Походження назв населених пунктів Покуття / Д.Г. Буч-

ко. – Львів: Видавництво “Світ”, 1990. – 144 с.

2. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов’янських мов / За ред. О.С.Мельничука. – К.: Наукова думка, 1966. – 595 с.

3. Закревська Я. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті / Я. Закревська. – К.: Наукова думка, 1976. – 162 с.

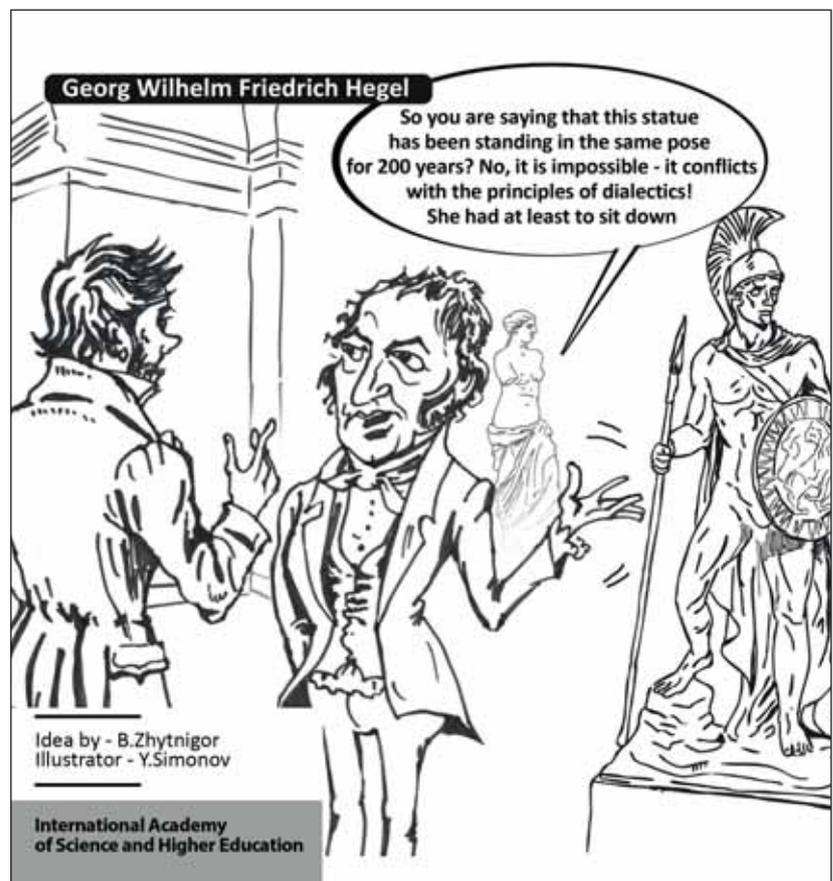
4. Казлова Р.М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. / Р.М. Казлова. – Гомель, 2002. – Т. 2.

5. Черниш Т.О. Слов’янська лексика в історико-етимологічному висвітленні / Т.О. Черниш. – К., 2003.

6. Miklosich F. Vergleichende Stammbildungslehre der slawischen Sprachen / F. Miklosich. – Wien, 1875.

7. Wyderka B. Polskie nazwy toponimiczne z formantem *-iszcze* / B. Wyderka // Onomastica XXXVIII, 1993. – S. 29–43.

8. Wyderka B. Zachodniosłowiańskie nazwy miejscowe z formantem *-iszcze* / B. Wyderka // Onomastica Slavogermanica XX. – Wrocław, 1996. – S. 101–107.

**HISTORICAL TOPONYMY OF WESTERN UKRAINE IN THE CORRESPONDENCE
WITH POLISH GOVERNMENTAL PAPERS**

Y. Redkva, Candidate of Philology, Associate Professor
Chernivtsi National University named after Y. Fedkovych, Ukraine

The analysis of toponyms, mentioned in two medieval documents, written in Latin letters, that are in the fact a transliteration of Old Ukrainian text, is presented in the article. The peculiarities of Old Ukrainian are preserved in names of places, oronyms, hydronyms and anthroponyms. The findings are that toponyms are quite stable against foreign influence. The reasons why different judicial documents are written in different languages (Latin, Polish, and Old Ukrainian) lie in the fact that at the beginning of the fourteenth century Western Ukrainian oikonymic system has started to form.

Keywords: governmental papers, historical oikonyms, microtoponyms, oikonymic system, toponym.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Historical oikonyms of Ukraine, and in particular its ancient territories – Red Ruthenia lands (Galych and Lviv lands as part of Rus province), – underwent formation under rather complex social-political and language-ethnic conditions.¹ It is clear, that the becoming and formation of oikonymic system over this territory, its toponymic terrain has developed under a very strong mutual influence of Ukrainian and Polish social and economic systems due to Galych Rus' annexation. Polish feudal leaders have introduced the German and Polish administrative-territorial law which became a substitute to the local (prince's) one and has led to structural variation and variance inside a rather numerous class of toponyms. The latter were expressed by means of the names of localities (oikonyms) which was initiated by the new administrative-territorial regime. Those officers (usually a heterogeneous level chancellery workers like scribes and secretaries had hard time understanding local people's language and the names of natural real things and other human created objects) made plenty of mistakes and alternations, hence introducing various onomastic elements (e.g. court notes, imaging, registers, etc.) to juridical-law acts of that time.

Oikonomy scholars find hard times analysing these documents and forming a source base of the names of localities and numerous microtoponyms, and correct onyms pronunciation. This issue is rather dangerous when it comes to further false etymologization not only for oikonyms but for anthroponyms and

micro-objects naming as well. The latter items are of particular interest due to their inherent great numbering for proper names investigation.

As a result, we have arrived at the governmental papers language dilemma that pertains to Lviv and Galych lands of Rus province investigation and its means of proper names rendering.

Chronology wise, we regard the lower (starting) edge of our investigation as year 1340 – the time, when Red Ruthenia was conquered by Polish-Lithuanian Commonwealth. Establishment of governmental and administrative Polish supremacy also characterizes this period across these lands. The author has mentioned this fact in this paper before.

The aim of this paper is an attempt to find out what was the reason stipulating the language of governmental papers written either in Russian (ancient Ukrainian) or Latin (official language of all governmental papers) across above-said territories. The author used manuscript and printed material as the source base.

It is worth noting, that the above-mentioned topic has not been properly investigated in the Ukrainian linguistics, in particular – in onomastic. Nevertheless, this statement has nothing to do with the just released fundamental work by Oleg Kupchynskyy "Acts and papers of Galych-Volyn principality of XIII century and the first half of XIV century. Research. Discourse." (Lviv, 2004. – 1282 p.). This fundamental work has been published under the support of the Scientific society named after Shevchenko. As

the author of this book states, "The book encompasses the most complete acts and papers reference as of today; those documents were found in different archives and libraries of Ukraine, Poland, Russia, Vatican, Lithuania, and comprise the most complete primer of documentary sources of principality [Galych-Volyn – Y.R.] in the given [first half of XIII century – XIV century – Y.R.] period" [Kupch, Acts, p.1113]. In this laborious work, the linguist has provided valuable linguistic comments for papers' discourse, has paid appropriate attention to the lack of unification when it comes to proper names writing. To our mind, of special importance for onomasts are rather hefty in size (146 pages in total) Nominative and Geographical indices.

Polish scholars (historians, historiographers, regional ethnographers, linguists) have been investigating these questions starting in XIX century. Partially this problem has been investigated by the priest Antoni Petrushevych in his paper "Słów kilka" napisanych w obronie ruskiej narodowości" (Lviv, 1848); by the unknown author in the magazine "Word" – "O ystoryczeskom prawi jak sławiańskoho russkoho naroda, tak jeho russkoho jazyka etc." (1862); by Yakiv Golovatskyy in his work "Pamiętniki dyplomatyczeskoho y sudebnoдіlowoho jazyka russkoho w drewnem Hałycko-Wołodymirskom kniaźestwi y w smeżnych russkych obłastiach s wtoroj poł. XIV w." (1865)²; by Zygmunt Lisevych in his paper "Język urzędowy na Rusi Czerwonej między r. 1340-1506" [Lisiewicz]. The latter research is of particular interest taking into account a thorough

¹ For more information regarding extra-language factors that influence the formation of oikonymic system of Lviv and Galych lands please see our previous papers: 1. Redkva Y.P. Formation of regional topo- (oikonymal) system from dischrony standpoint // Onomastics and etymology studies. 2004. – K., 2004. – P. 147-161; 2. Redkva Y.P. Chronologization and localization as a systematic phenomenon in regional oikonymy // Scientific papers TDPU. Issue: Linguistics. Onomastics. – P. 1(9)/2003. – P. 147-153.

² Детальнішу бібліографію див.: Lisiewicz Zygmunt. Język urzędowy na Rusi Czerwonej między r. 1340-1506 // Przewodnik naukowy i literacki. Rocznik XIV. – 1886. – Dodatek miesięczny do "Gazety Lwowskiej". – T. I. – Lwów, 1886. – S.245-256.

calculation of correlation of papers written in Latin and Rus language (ancient Ukrainian). Among 2000 papers considered by the researcher, the bulk part of the research was dedicated to Latin, a whole dozen were dedicated to German and only 47 acts were written in Rus language [Same source, 245-246]. When it comes to paper “*Akt grodzkich i ziemskich*” investigation, during the 1340-1506 period of time their total number comprised 1200 items, 19 papers were written in Rus language. Only 11 papers dwell upon our territory.

Without bias, it is reasonable to ask a question: what is the primary reason for such a small amount of papers written in the language of autokhtonnyy population? We regard the answer be hidden in the regulatory politics of Polish-Lithuanian Commonwealth, hence, in 1433 in Edln there was a privilege issued which regulated and introduced the Polish right across all Red Ruthenia lands. In particular, the paper contains such abstract: “*omnes terras nostras Regni nostri Poloniae, etiam Terrarum Russiae includendo, salvis tamen avenae contributionibus (de qibus nobis ad tempora vitae nostrae sola Russia respondebit) ad unum ius et unam legem communem omnibus Terris reducemus – reducimusque, adunamus et unimus tenore praesentium mediante*” [Vol. leg. I, s.40-42]. Since that time, all court acts (municipal, land) were written exclusively in Latin. By means of law Rus language got out of the way but we need to make a clarification, – it got out of the documentary (written) usage way, due to oral investigation of court cases was conducted using the same Rus or Polish languages (depending upon what parties faced the court). Starting the second half of XV century we observe a situation when owners of Rus language papers that dealt with application or confirmation of property privileges, were asking for translation of such legal acts into Latin. Only observing such remarks as *ex idiomathe, linguagio Ruthenicali* it is possible to tell that the original document was written in Rus language [Lisiewicz, 249]. The above-mentioned facts allow us to make an important conclusion regarding an almost complete absence of ancient Ukrainian language in papers and further extinction of Rus language source papers.

Hence, after being confirmed and

translated into Latin, a legal act of such kind lost any value for its owner and became useless. It is uncommon though, but there were a couple of acts that were originally written in Cyrillic (and, obviously, in Rus language) and was straightforwardly transliterated to Latin graphics retaining the original language. Below please find an example of such a transliteration:

Andrzej starosta Ruski poświadcza, że, Dietko z Żubrzy sprzedał sianożęć Grzegorzowi Dawidowskiemu. We Lwowie 1381 r.

Bożeiu miłostiu wieliebnoho kniazia Ruskoho Włodysława, se ia pan *Andrias* starosta Ruskoiey ziemi wyznawaiemi tho nassem listhom wsim dobrim, kto koli uzozdrith na thot list iły usłysit czuczcy ioho. Iże przszed pereth nas pan *Dietko iz Zubry i priatel ioho Alberth*, nikim nie primusony, no swoim zdrowym żywothom i dobrym umysłom, woziemssy radu bratha swoioho pana *Bruna* i prodali *Hrihorowi Dawidowskiemu* sienioziath *dolinu noczpaty* (sic) za sisnacyth seth hrossy. A tak podali pokowa sie trawa rodith i na niwi i na dubrowie, od duba po *hłubokuiu dolinu* niedosedssy *Słowiowey mohily*, po dorohu sczo lude iesdiat w lies. A stała sie torho-wlia wo Lwowi. V Korotkoho Lenola w domu. A pry thom byli świethczy pan *Michaiło Iwanowicz*, pan *Jasko Mazowsanin*, pan *Choiko Łoiowicz*, pan *Miczko Brunio*, czny pan *Gorgij Mossoneczicz*, *Chotko Hrutkowicz*, a ktomu było mnoho dobrych liudy. A pisan list pod liethom rożestwa Bożoho 1381. A pisał *Bahran* pisar Lwowski.

Originally the document was written on parchment in 1381 using Cyrillic and rewritten (transliterated) in Polish graphics in the end of XVI century (published in periodical magazine “*Przegląd archeologiczny*” with comments from A. Petrushevych [Petruszewicz, 72-73]). Due to the fact that the paper dwells upon the selling of hayfield from one owner to the other, it becomes clear of the reason of such an act creation: apparently, some new land owner (in our case hayfield owner), having received the right for ownership had to have a paper from the previous owner – as an additional means of proving the right for property – or a certificate for property heritage.

We prove the reason of the question, why the document was already written not necessarily using Latin. This is due to the fact, as it was already mentioned, it was rewritten using Polish graphics in the end of XVI century, but Latin was legislative only until 1543 – a time, when besides this language it was only legal to use Polish too: “*Ut autem citationes ita controversias, decreta et inscriptiones, liberum est iniquique Polonica lingua scribere, hoc tamen perpetuum*” [Vol. leg. I, s.582].

Such a proprietary text contamination (Rus language – Polish graphics) signifies only the fact, that the calligrapher (*Bagran*) was autokhtonic (a Ukrainian): Latin and Polish were not familiar to that person and he was to use graphics only due to his official (clerk) duties. Although Rus language wasn’t legally certified as being an official language before 1543, neither after this time, but for the “*akt ruski przedłożony do wpisu wciągano w akta po rusku. Nadto w protokolach, w których strona podpisywała się własnoręcznie, spotykamy podpisy ruskie, o ile strona była Rusinem...*” [Sochaniewicz. Archiwum, 9].

From onomastic point of view we are interested in the availability of proper names: 1) anthroponyms: *Włodysław, Andrias, Dietko, Alberth, Bruno, Hrihor Dawidowski, Lenol Korotkij, Michaiło Iwanowicz, Jasko Mazowsanin, Choiko Łoiowicz, Miczko Brunio, Gorgij Mossoneczicz, Chotko Hrutkowicz, Bahran*; 2) toponyms: a) oronyms: *dolina Noczpaty, Słowiowa mohila, Hluboka dolina*, b) oikonoms: *Zubra*.

From the orthographic transmission and etymologization points of view we render the locality *Zubra* of Pustomy-tivskyy of Lviv region suburb as being interesting for investigation [ATU, 183]. This locality is situated on *Zubria* river (left bank of Dniester river) [SGU, 218]. Had the document been written by a Polish calligrapher then (according to Polish calligraphy) this name would have had the form of *Zubrza* along with the conforming alternation of *r//rz*, which, for what it’s worth, is present in Polish sources (compare: *Zubrza* (pd.Lwów) 1407, 1408, 1417, 1436, 1444, 1445, 1456, 1466, 1485, 1493, 1499: [AGZ IV, 16, 20, 37, 59; V, 65, 113, XIV, 1380, 3579; XV, 2285, 3321; VII, 79, 80; IX,

130]; Zubrza, z.lw., pow.lw., 1606: SGL., t.361, s.1161-1162, 1274-1275; 1641: [SGL, t.392, s.819-822]; 1645: [SG-Bus., t.21, s.1187-1188]; Zubrza, z.lw. (Lwów), Atl.Jabł. m.2). as it is seen from the initial written sources, the name of the locality traces back to the beginning of XV century, although river Zubria, which houses the above mentioned locality is mentioned in Ipativskyy chronicle in 1213: “Мѣстиславоу же стоуицю на Зоубрѣи (зоубрѣи)” (~ 1425 [CCRC II, 1962. Ipat. chron., 733]). Hence, the name of the locality should be rendered out of the hydronym and regard it as secondary. Motivation of the very name of the Zubria river (Зубрѣя) back in the days was interpreted by I.Sreznevskyy as an adjective for -j(a) out of appellative зУбрь “зубр, urus” [Sreznevskyy I, 998] (see also [EDCGNSR, 63]). A Polish linguist of the past century Eugene Kukharskyy (Eugenjusz Kucharski) enrolled such hydronyms as *Bóbrka*, *Żubrza* to toponyms “o typowych nazwach ‘leśnych’” [Kucharski E., 12], and the already mentioned A.Petrusheych signifies this semantics: “wieś Zubrza już nazwą swoją poświadcza, że powstała w kniejach, w których gościły niegdyś zubry...” [Petruszewicz, 73]. Regarding the initial meaning of the river name and secondary meaning of the locality name, we can observe palatal/depalatal changes in the sound composition [rj], which took place in oikonyms of Zubra and retained in hydronyms of Zubria. Here we deal with a phonetic phenomenon which is stipulated by the influence of the following sound [j] consonant [r] go palatalized, and progressive assimilation of sound [j] resulted in the creation of a soft long sound [r':], which has further lost its long nature: [rj] > [r'j] > [r':] > [r']. In the name of locality Zubra (regardless the change in common-Slavic background for sounds [rj] for [r']) a depalatalization for sound [r'] took place at a later stage, which didn't take place with the hydronym and it signifies the archaic nature of the latter one. Consideration of such historical sound facts is rather important when translating ancient historical sources into contemporary literature language taking into account proper names. Hence, in “Rus chronicle”, translated by Leonid Makhnovtsev [Rus chronicle / According to Ipativskyy list translated

by Leonid Makhnovets. – K.: Dnipro, 1989. – 591p.], we read: “Mstyslav stood on the [river] Зубр'я [bold selection – Y.R.]” [Chronicle, p.375], and its remark contains – “nowadays – Зубря, Зубра” [same source]; on P.552 Зубр'я is represented as a river and a left influx of Dniester [same source, p.552]. A river name seems not to have a separate pronunciation [p] when jointed with the next one [j], since the palatalization process has already occurred, and the very name record had to be represented as Зубря.

A similar character (Latin transliteration of ancient Ukrainian) has yet another document, which is overflowed with the presence of microtoponyms and several oikonyms. May of those lived until our days. The contents of the act deals with the confirmation fact made by Fedir Liubartovych regarding villages Tuzhyliv [ATR, 124] and Svarychiv [ATR, 127] separation. We provide some reference for an abstract:

Książę Fedor Olkirdowicz (Lubartowicz) poświadcza o rozgraniczeniu wsi Tużyłowa i Swaryczowa. W Żydaczewie 6 Sierpnia (na początku piętnastego stulecia).

W imia Otca y Syna y Duchu Swiatoho Amin. Ja kniaz Fedor Olkirdyiewicz korolow brat. Pryszly do mene Tużyłowcy żałowaly się na Iwana Swaryczowskooho, na Boczkowa brata Łohynowicza, iż derżał nam Manastyr Topulsko¹⁾ z Czarnym Lisom²⁾, za rikoiu Łomnycei³⁾ nazwanioiu y z Barłozyszczy⁴⁾ bez prawa, a służyło nam ku Tużyłowu⁵⁾: a Iwan Dołhy Łohynowycz odmowyw protywko im, iże dał mi Korol Swaryczow⁶⁾ za wirnyi zasłuhy moi na wiky wicznyi, y Monastyr Topulsko z Czarnym Lisom y Berłozyszczamy po riezku Wyszniuwku⁷⁾, w tom toiuż riezkoiu po pod uroczysko Solnoie⁸⁾, nedałeko sęła Nowycy⁹⁾, czerez horu steżkoiu iduczcy do riki Łukwycy¹⁰⁾, kojaia idet lisom Czarnym po pod horu nazwanioiu Kosmacz¹¹⁾, mymo uroczysko Jasin¹²⁾ mynowany, aż do Polonin, kotoryi sia nazywaiut Pitrost¹³⁾ (sic), Jama¹⁴⁾, Moloda¹⁵⁾, Parynki¹⁶⁾ nedałeko hranyć Uhorskich. Na doł powernuwszy rikoiu Łomnyciu, po pod sęło Perehyńsk¹⁷⁾, mymo uroczysko Solnoie¹⁸⁾ Krasnoie Połę¹⁹⁾ nazwanioie, aż do Kamenystoho horba²⁰⁾ czerez Bur, lisom Rawnym²¹⁾ czerez potok Rudawy²²⁾ popud sęło Rożniatów²³⁾ do riki Duby²⁴⁾, do Horodyszczy²⁵⁾ do Perechresnoi dorohy;

kotoraia idet do sęły Dołyny²⁶⁾, czerez lis Osnyk²⁷⁾, od Osnyka do Domankow²⁸⁾ do Leletowaho Duba²⁹⁾, hrancyu Iwan Dołhy pokazał, kotory stał prawom, y my u neho wziąłsmo wyszniuiu hrywny. A sudyw toy sud Fyłyst woiewoda Żydaczuwski, Pan Danyło Zaderewecki, Pan Waško Stodnyk, Weremansz Traktowycz, Iwan Sołowycz Korsak, Pan Waško Prokopowycz, Iwaško Dyduşczycki, a ktomu było dosyt dobrych ludyi, na szczo smo dały tot łyst na wiczniuui pamiat. Tot łyst pisany w Żydaczowi na Preobrażenye Misiacia Awhusta dnia szestooho. Rukoiu własnoiu. Post quarum Literarum pergamenarum idiomate Ruthenico exaratarum inductionem oryiglnale eidem offerenti, est restitutum, de quo restituto officium praesens quietatum est. Ex actis castren. Capit. Halicien. extraditum. Correxit Rodkiewicz m. p. L. S.

Paper's heading, besides the date (day and month) hasn't obvious indication of year published. Besides that, the copying personnel has made a mistake regarding the authors of this paper: they mistakenly utter the last name as Fedor Olkirdyiewicz instead of Fedor Lubartowicz due to irregular pronunciation from the Latin original paper. This very fact helped Antony Petrusheych to identify the exact date when that paper was copied, namely, this was the first 20-ies if the XV century (between 1400 and 1420). This is all due to the fact, that at that time Fedir Liubartovych (Fedor/Teodor Lubartowicz) ruled in Zhydachiv [Petruszewicz, 78].

From onomastic standpoint, the paper contains a considerable amount (due to its volume) of different toponyms: in particular, oikonyms, urbanonyms, oronyms, hydronyms, which exist up till today and we were able to localize those. Below please find sample ones:

¹⁾ Monastyr Topulsko – nowadays it village Topilske, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]

²⁾ Czorny Lis – a forest, that is situated between locality Topilske and Barłogy (see below)

³⁾ Łomnycia – river Limnytsia (Dniestr) [HDU, 319]

⁴⁾ Barłozyszczy – contemporary village Barłogy, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Barłuj na Dniestrze (Berłahy) 1449, 1451, 1461, 1463, 1467: [AGZ XII, 2299, 2473, 2985, 3073,

3326]; Berłohy: [Lustr. 1661-1665/III, 57]

⁵⁾ *Tużyłow* – locality Tuzhyliv, Kl. suburb, I-F region [ATR, 124]

⁶⁾ *Swaryczow* – locality Svarychiv, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Swaryczów (pow. Dolina) 1387: [SGL, t. 470, s. 156-158]; Swaryczow, z.hal., pow. kołom., 1604: [SGHal., t.111, s.150]; Swaryczów, z. hal., 1651: “*Wieś Swaryczów*” [AGZ I, 65]

⁷⁾ *Wyszniuwka* – stream Vyshnivka (p. Rukshyna l. Limnytsi r. Dniester; locality Pereginske and Barlogy Rozhn suburb, I-F region) [HDU, 105]

⁸⁾ *Solnoie* – a formation not far from locality Novytsia, Kl. suburb, I-F region [ATR, 124] (see below)

⁹⁾ *Nowycia* – locality Novytsia, Kl. suburb, I-F region [ATR, 124]; Nowica (źródło solne/fons salis) 1367: “*Nowicza... predicta terra Russie*” [KDM III, 797 (s.202-203)]; Nowicza 1432-1476: [ML IV, B 9, f.142-144; B 8, f.132]; Nowica 1462, 1476, 1564, 1583, 1620, 1634, 1635: [Lustr. 1661-665/III, 77-83]; 1525, 1527, 1547, 1549, 1553, 1564, 1647, 1566, 1569, 1585, 1663: [MRPS IV, vol. 1, poz. 4657; vol. 2, poz. 15311; vol. 3, poz. 22845; vol. 3, poz. 21436; V, vol. 2, poz. 6249]; 1565, 1566, 1647: [Vol. leg. II, 682, 723; IV, 109]; Nowycza: 1485: “*...et cum loco sartaginis in Nowycza*” [AGZ XIX, 1025]; Nowica 1549: [MK, 76, f.318v-319v; 84, f.30-32], [ML IV, B 9, f.141-142, 146v-148]; *Nowica*, z.hal. (Kałuż), Atl.Jabł. m.3

¹⁰⁾ *Łukwycia* – a river (p. Lukvy p. Dniestr) [HDU, 330]

¹¹⁾ *Kosmacz* – locality Kosmach, Bogor suburb, I-F region [ATR, 122]

¹²⁾ *Jasin* – locality Yasen, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Jasien alias Jasienow 1655: [Lustr. 1661-1665/III, 103-104]; Jasien: [Lustr. 1661-1665/III, 48-49]

¹³⁾ *Pitrost* – nowadays is the name of the mountain and nearby territory Petros that belongs to the village Pereginske, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]

¹⁴⁾ *Jama* – the name of the mountain and nearby territory where the influx of Bystra flows in (p. Limnytsi p. Dniestr) [HDU, 48]

¹⁵⁾ *Mołoda* – a river (l. Limnytsi p. Dniestr) [HDU, 372]

¹⁶⁾ *Parynki* – the name of the nearby territory where the influx Petros flows

out (l. Limnytsi p. Dniestr) [HDU, 420], not far from locality Pereginske (see below)

¹⁷⁾ *Perehyńsk* – locality Pereginske, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Perehińsko, z. hal. i z. lw., 1691, 1642: “*villae Perehyńsko ecclesiae Haliciensis Kryłosiensis evinentium*”, “*villae Perehyńsko in palatinatu Rusiae terra Zydaczoviensis site ad eandem ecclesiam metropolitanam Haliciensem*”; 1649: “*villae Perehyńsko*”, 1564: “*dicti Perehyńsko graecae*”, “*villa etiam Perehyńsko*”, “*cum villa Perehyńsko*”, 1548: “*Hryćko Bałaban wziął list na Perehyńsko*”, 1649: “*bonorum villae Perehyńsko*”, “*wieś Perehyńsko*”, 1593: “*villae Perehyńsko*”, “*wieś Perehyńsko*”, “*villam Perehyńsko*”, “*villae sepedicte Perehyńsko*” [AGZ I, 94-108]

¹⁸⁾ *Solnoie* – a name of the small village Sloboda that belongs to locality Nebyliv, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]

¹⁹⁾ *Krasnoie Połę* – today it's locality Krasne, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Krasne 1627: [MK LXVIII, 73, s.347]; Krasne: [Lustr. 1661-1665/III, 53]; Krasne, z.hal. (Kałuż), Atl.Jabł. m.3

²⁰⁾ *Kamenysty horb* – today it's locality Kamin, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]; Kamień (Kamione) 1450, 1453, 1466, 1467, 1479: [AGZ XII, 2351, 2559, 3319, 3334; XIX, 921]; Kamień 1628: [MK LXVIII, 73, s.347]; Kamień, z.hal., pow.hal., 1642: [SGHal., t.135, s.1282, 1681-1684]; Kamień: [Lustr. 1661-1665/III, 55]; Kamień, z.hal. (Kałuż), Atl.Jabł. m.3

²¹⁾ *Lis Rawny* – today it's village Rivnia, Rozhn suburb, I-F region [ATR, 127]

²²⁾ *Rudawy potok* – a stream that flows out of a small village Rozhniativ, I-F. [ATR, 127] and locality Rivnia (see above) that flows in to the river Limnytsia

²³⁾ *Rożniatów selo* – a small village Rozhniativ, I-F. [ATR, 127]

²⁴⁾ *Duba rika* – a river Duba (p. Chechvy l. Limnytsi p. Dniestr) [HDU, 184]

²⁵⁾ *Horodyszcze* – a name for the nearby territory that indicates the probability of some ancient village existence

²⁶⁾ *Dolyna selo* – m. Dolyna, Dolynsk. suburb., I-F. [ATR, 123]; Dolina 1443: [AGZ XII, 1243]; 1497: [MRPS II, 761];

Dolyna, z.hal., 1521: *Zygmunt I uwalnia ... od opłaty myta... od soli białej Ruskiej, sprowadzonej z... Kołomyi...* [ALS, t.3, s.215]; 1527: “*album ex... Dolyna*” [ALS, t.3, s.311-312]; 1536: “*Долыны*” [ALS, t.4, s.54-55]; Dolina: [Lustr. 1661-1665/III, 39-40]; Dolina, z.hal. (Tłumacz), Atl.Jabł. m.3

²⁷⁾ *Osnyk lis*; ²⁸⁾ *Domankow* i ²⁹⁾ *Łeletowyi dub* – names of nearby territories which we have no records as of today.

As the analysis of proper names of two legal acts has proved, those acts were written using ancient Ukrainian with Latin transliteration, hence the influence and pressure at the administrative or governmental factors of Polish government at the naming system of this part of Rus province was minimal: it retained its status and wasn't assimilated with the foreign chancellery and wasn't influenced by Polish onomastic system. Language traits of the presented toponyms verify their ancient origin and certify autokhtony of their Ukrainian population over these territories.

From a similar research standpoint, we can remark that the linguistic analysis of toponyms (oikonyms on the first place), used in all legal papers (which were written in its majority using Latin) across territories of Lviv and Galych of Rus province will help us trace down the inhabitation process of these lands and the influence of crossethnic Ukrainian-Polish language relations over the formation of oikonymic system of these territories.

Sources:

ATU – Administrative-territorial rules. Ukrainian RSR (1987).– K.: Golovna redaktsija URE, 1987.– 504p.

EDCGNSR – Etymology dictionary of chronicles and geographical names of Southern Rus / I.M.Zhelezniak, A.P.Korepanova, L.T.Masenko, O.S.Stryzhak.– K.: Naukova dumka, 1985.– 253p.

CCRC – Complete collection of Russian chronicles. – M.: Izd-vo vost. lit., 1962.– T.I: Ipatyevskaya chronicle.– T.PI: Lavrentievskaya chronicle.

HDU – Hydronyms dictionary of Ukraine. – K.: Naukova dumka, 1979. – 779 p.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie czasów Rzeczypospolitej Polskiej z

Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie.– Lwów, 1868-1935.– T.1-25.

ALS – Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. – We Lwowie, 1887-1890. – T. I-IV

Atl.Jabl. – Atlas historyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Epoka przełomu z wieku XVI na XVII. Dział II: Ziemia Ruskie Rzeczypospolitej / Dział opracowany przez Aleksandra Jabłonowskiego.– Warszawa-Wiedeń, 1889-1904

KDM – Piekosiński F. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. – T. IV. – Kraków, 1905

Lustr. 1661-665/III – Lustracja województwa Ruskiego 1661-1665. Część III. Ziemia Halicka i Hełmska / Wydali Emilia i Kazimierz Arłamowscy i Wanda Kaput.– Wrocław etc., 1976.– 303s. + 2 mapy.

ML – Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 r. / wyd. A.Prochaska.– Lwów, 1890

MRPS – Wierzbowski T. Matricularum Regni Poloniae summaria.– T. I-V. – Varsoviae, 1905-1961

MK – Metryka Koronna. Archiwum skarbu koronnego // Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie.

SGBus – Sąd Grodzki Buski. Act books of Buzkyy grodzkyy court of Rus province that is situated in the Central state historical archive of Ukraine in Lviv (CSHAL – fund № 9). Numbers following abbreviations identify the volume number and page number.

SGHal – Sąd Grodzki Halicki. Act books of Buzkyy grodzkyy court of Rus province that is situated in the Central state historical archive of Ukraine in Lviv (CSHAL – fund № 5). Numbers following abbreviations identify the volume number and page number.

SGL – Sąd Grodzki Lwowski. Act books of Buzkyy grodzkyy court of Rus province that is situated in the Central state historical archive of Ukraine in Lviv (CSHAL – fund № 9). Numbers following abbreviations identify the volume number and page number.

Vol.leg. – Volumina legum. – Sankt-Petersburg, 1859. – Vol. I-IX

References:

1. Kupchynskyy O. Acts and papers of Galych-Volyn province during the first half of XIII and XIV centuries. Research. Discourse. – Lviv, 2004. – 1282 p.

2. Rus Chronicle / By Ipatskyy list translated by Leonid Makhnovets. – K.: Dnipro, 1989. – 591p.

3. Sreznevskyy I.I. Proceedings for the dictionary of ancient Rus language of written sources.– SPb., 1893-1903. – V. I-III

4. Kucharski E. Wczesnohistoryczne nazwy romańskie na wschodnim pograniczu Polski a południem Rusi // Sprawozdania towarzystwa naukowego we Lwowie / Pod. red. P. Dąbkowskiego. Rocznik XVI – 1936. – zeszyt I.– Lwów, 1937.– S.11-16

5. Lisiewicz Z. Język urzędowy na Rusi Czerwonej między r.1340-1506 // Przewodnik naukowy i literacki.– Rocznik XIV (1886r.).– Dodatek do “Gazety Lwowskiej”.– T.I.– Lwów, 1886.– S.245-256

6. Petruszewicz A. Materyały historyczne // Przegląd archeologiczny.– z. 1 (1882r.).– Lwów, 1882.– S.72-83

7. Sochaniewicz S. Archiwum krajowe aktów grodzkich i ziemskich we Lwowie.– Lwów, 1912.– 56 s.

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

A

I

C

A

C

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

UDC 81'373.47

INTERACTION OF THE AXIOLOGICAL AND FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTIC OF LEXICAL UNITS: DYNAMICS OF MEANS OF EXPRESSION OF THE ASSESSMENT

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

The problem of interaction between axiological and stylistic characteristic of lexical units is considered in the article. Three main types of the interaction, reflecting correspondence or contradiction between aforementioned characteristics, are described.

Keywords: diachrony, evaluation, stylistic component, emotiveness, decoding, dictionary definition.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Соотнесенность функционально-стилистических и оценочных маркеров является одной из проблем, представленных как в синхронии, так и на диахронической оси, поскольку историческое рассмотрение коннотаций, способных оказать эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта, необходимо для понимания не только особенностей генерирования оценки, но и особенностей ее рецепции. Так, И.А. Стернин [1] противопоставляет функционально-стилистический компонент другим компонентам – эмоциональному, оценочному и экспрессивному, ибо функционально-стилистический компонент характеризует условия общения, в то время как остальные компоненты – определенное отношение говорящего к предмету сообщения. По мнению И.В. Арнольд [2], оценочные, эмоциональные, экспрессивные и функционально-стилистические компоненты нередко сопутствуют друг другу. Но совпадение компонентов не всегда имеет место, так как присутствие одного из них не гарантирует обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях. Но общий результат – эмоциональное воздействие на реципиента и, соответственно, генерирование оценки – позволяет рассмотреть эти явления как сопредельные, реализующиеся в рамках оценочного континуума. В работах последних лет эта связь прослеживается весьма отчетливо, ср., например: «Во фразеологических именах лиц, выражающих положительную оценку, коннотация

представлена *экспрессивными, эмоциональными и функционально-стилистическими компонентами* (курсив мой – Л.М.): *мастер на все руки* – «человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле» [3, с. 11]. В то же время при изучении фразеологизмов – наименований лиц со значением отрицательной оценки – отмечено наличие вульгарно-разговорной окраски, emotивности и экспрессивности [3, с. 11]. Конец XVIII – начало XIX в. для истории русского литературного языка является той эпохой, применительно к которой уже можно с достаточной уверенностью заявлять о стилистической характеристике слова (в противовес, например, началу XVIII в., – эпохе, для которой нормой было ее динамическое отсутствие, представлявшее своеобразную «норму переходного периода») [4, с. 18].

В то же время, по нашим наблюдениям, аксиологическая ориентированность того или иного лексического средства уже в этот период давала возможность определить и стилистическую его характеристику; во всяком случае, уже предпринимаются попытки дать стилистическую оценку с позиции социальной маркированности лексических единиц. Понятия «ядро» и «периферия», а также «социальная маркированность» в имплицитной форме содержатся, в частности, в Рассуждении о старом и новом слоге русского языка А.С. Шишкова. Однако не только «обветшалость» данных слов позволяет дать им негативную оценку как фактам языка; скорее негативно оценены употребляющие их

УДК 81'373.47

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ДИНАМИКА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Мирзоева Л.Ю., д-р филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия оценочных смыслов лексических единиц и закрепленных за ними функционально-стилистических характеристик. Выявляются три основных типа взаимодействия, отражающих совпадение/диссонанс оценочного и функционально-стилистического маркеров слова.

Ключевые слова: диахрония, оценочность, стилистический компонент, emotивность, декодирование, словарная дефиниция

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

субъекты: «В языке нашем имеются также обветшалые иностранные слова, как например: *авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сии прогнаны уже из Большова света и переселились к купцам и купчихам» (А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка).

Анализ взаимодействия данных характеристик лексических средств выражения оценки в XIX в. производился нами, помимо примеров из корпуса художественных текстов XIX века, также по словарю М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое», который изначально ориентирован на отражение экспрессивности тех или иных речевых проявлений.

Литературный язык XIX в. дает богатый материал для того, чтобы проследить связь между сферой употребления и аксиологической характеристикой СВО. По нашему мнению, связь эта существует, но она носит спорадический характер и отличается избирательностью, неоднозначностью: негативная оценка слова (фразеосочетания) как факта речи отнюдь не обязательно связана с наличием сем, индуцирующих негативную оценку, в семантике слова, и наоборот. Наиболее важным является, на наш взгляд, то, что эта взаимосвязь (в особенности – в случае противоречия между оценочным и функционально-стилистическим маркером) может быть выявлена лишь в том случае, когда языковая личность в конкретный период истории языка уже способна к рефлексии как над содержанием прагматиче-

ски нагруженного высказывания, так и над формой, в которую оно облечено. В то же время важно отметить, что функция компенсации информативной недостаточности, выявленная В.Г. Гаком у эмоций и оценок, присуща и стилистическим коннотациям слова [5, с. 240]. Так же, как аксиологические характеристики, они прагматически связаны и характеризуют в большей степени субъект оценки, нежели ее объект (у аксиологического компонента значения слова эта информация представлена в виде «рамки» – «то, что оценивающий субъект обладает такой системой оценок, – хорошо (плохо)», у функционально-стилистического маркера эта рамка приобретает вид «то, что субъект оценки избирает такое средство ее выражения, – хорошо (плохо)». На материале указанного выше словаря М.И. Михельсона, а также фактов художественной речи (по текстам XIX в.) нами были выявлены следующие наиболее типичные случаи соотношения аксиологического и функционально-стилистического параметров в аспекте эволюции СВО как с позиции формы, так и с позиции семантики:

1. Противоречие между формой (грубое просторечие) и оценочными смыслами (мелиоративной оценкой), которое может создать своего рода вторичный оценочный ярус, диссонирующий с аксиологическими коннотациями, ср.: *Прет ему!* – ‘о счастье, удаче’ – «Всякий, кто как мог, охотно постарался бы поправить это попущение Промысла (щадившего Дукача), если бы ему, как на зло, отовсюду незримо не *перло счастье...*» (Н.С. Лесков. Некрещеный поп). По нашему мнению, в приведенных здесь случаях диссонанса функционально-стилистической закреплённости слова и его аксиологической характеристики ситуация сходна с инверсией оценки, т.е. перемены оценочного знака той или иной единицы инвентаря языка в речевой реализации на противоположный. Именно в литературном языке XIX в. находим осмысленное и целенаправленное употребление СВО с инвертированным знаком как средства интенсификации экспрессивности целого текстового фрагмента, ср.: «... волосы его были что-то очень

уж черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые – казалось бы, *писанный красавец*, а в то же время как будто и *отвратителен* (курсив мой – Л.М.)» (Ф.М. Достоевский. Бесы).

2. Противоречие обратного характера (встречается несколько реже): соотношение слова с мелиоративной зоной шкалы оценок диссонирует с его негативной стилистической квалификацией (фиксируемой в словаре применительно к конкретному временному отрезку): *Решект иметь* – (*вульг.*) – ‘уважение’. «Хотя матушка и считала себя, в некотором роде, белой кости, а батюшку от хама производила, я, грешный человек, никогда к левитову колену... *большого решекта не имел*» (П. Боборыкин. Василий Теркин). Подобный диссонанс обеспечивает переориентацию всего текстового отрезка на пейоративный полюс шкалы оценок и соответствующее декодирование содержательно-подтекстуальной информации, что совершенно не было свойственно предшествующим этапам истории русского языка.

3. Соответствие оценочной и функционально-стилистической характеристик слова. При этом наличие у слова отрицательного функционально-стилистического маркера может послужить в качестве средства интенсификации выражаемой им оценки (иногда даже в большей степени, чем сама семантика слова): «Поздравь: *продулся* в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не *продувался*» (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Безусловно, усиление степени интенсивности оценки достигается при соответствии оценочного знака, закреплённого за средством выражения оценки, и возникшей в результате осмысления его как факта речи «вторичной» оценки, имплицитно либо эксплицитно присутствующей в слове (фразеосочетании) в качестве стилистического маркера и определяющей границы нормативного употребления: *слимонить* (грубо просторечная окраска, отмеченная как Словарем Академии Российской, так и словарем «Русская

мысль и речь», свидетельствует об отрицательной характеристике данного СВО как факта лексической системы языка) – ‘воровски взять, украсть’ (отрицательная оценка самого действия, факта). Аналогичен случай с таким лексическим СВО, как *рыло* (как в составе ФЕ, так и в случаях изолированного употребления): «У нас тут в городе цыганка живет: *рыло-рылом*, а запоет – *гроб!*» (И.С. Тургенев. Бригадир). Негативная оценка факта с эстетических позиций органично сочетается с пейоративной оценкой самого СВО как факта лексической системы; негативно оценочный колорит накладывается и на последующую часть высказывания, цель которой – мелиоративная оценка («а запоет – *гроб!*»), подчеркивая амбивалентность выделенного далее СВО. Ср. также ФЕ *рылом не вышел* («С твое не знаю что ль? *Рылом не вышла* учить меня... *Ступай*» (П.И. Мельников. В лесах); *рыльце в пуху* (в значении «совершивший несправедный поступок»). «Хоть по суду и не докажешь, Но как не согрешишь, не скажешь, Что у него *пушок на рыльце есть*» (И.А. Крылов. Лисица и Сурок).

Негативная эстетическая оценка как явления, так и его фиксированного обозначения в лексической системе имеет место и в таком СВО, как *харя*. Интенсивность пейоративной квалификации, очевидно, обусловлена бранным характером СВО, его приближенностью к инвективам. Применительно к подобным случаям можно говорить и о том, что семантико-стилистический диссонанс данного СВО и контекстуального окружения индуцирует в итоге высокую степень пейоративности: «Потом, в суконном колпаке, С указкою в руке, С жеманной *харью* явился пред собором» (В.А. Жуковский. Мартышка).

Взаимодействие аксиологических и функционально-стилистических характеристик языковых единиц прослеживается и в репрезентации их оценочных смыслов, т.е. в попытке их эксплицировать посредством словарной дефиниции. Так, достаточно часто негативные оценочные смыслы эксплицируются в процессе дефинирования, инструментом которого служат слова, отрицательно оцениваемые

как факт языка (имеющие сниженную стилистическую характеристику [6], а порой – грубо просторечные): «*отвести глаза* – отвести внимание, чтобы *надуть* незаметно»; «*откатать* – больно прибить, *отдубасить, валять*» и т.д. Здесь налицо отражение как собственно языковой, так и метаязыковой стороны оценочности, все более отчетливо проявляющейся в процессе эволюции; так, в русском литературном языке XIX в. расширяется возможность использования функционально-стилистических характеристик с целью выражения позитивного/негативного отношения к характеризуемому объекту. Это, по нашему мнению, может иметь место благодаря тому, что в рамках эволюции категории оценки и категории нормы к определенному моменту на диахронической оси за СВО закрепляется позитивная/негативная стилистическая квалификация.

Отметим также, что прагматическая нагруженность оценочных высказываний в языке XIX в. в результате поступательной эволюции СВО эксплицируется все более отчетливо, что является свидетельством взаимосвязанности исторического развития системы СВО и языковой прагматики. Так, ситуативная аксиологическая характеристика высказывания *Помяни, господи, царя Соломона и всю премудрость его* (отсылка к ставшему квазистереотипом собственному имени, помогающему отчетливо эксплицировать сему «мудрость», способствует, на первый взгляд, декодированию положительно оценочного смысла; однако объектом оценки в данном случае служит «завравшийся глупый болтун»). Поэтому лишь специфика данной структурной составляющей оценки позволяет, устраняя порожденные ее двойственным характером ассоциации реципиента, верно соотносить данный фрагмент с пейоративной частью шкалы оценок. Отметим также прагматический характер негативно оценочного смысла лексемы *юрист* (М.И. Михельсон дает чисто оценочную квалификацию в сочетании с соответствующим функционально-стилистическим маркером – ‘законник-крючкомвор’, «что плохо»; в русском литературном языке XX в. это пей-

оративное значение можно считать практически утерянным – Л.М.): Он был *юрист*; прекрасный человек, но на руку нечист (Н.И.Хмельницкий. Говорун). Как отмечает сам создатель словаря «Русская мысль и речь», «почтенное звание адвоката, вследствие злоупотреблений многих из них, в продолжение многих веков служило предметом сатиры (курсив наш – Л.М.) и до настоящего времени не избавлено от едких насмешек, как за границей, так и у нас». Это типичный пример восприятия как денотата считывания словарных определений, а в результате личного социального опыта, опыта предшествующих поколений, традиций социума...» [7, с. 38], что предполагает скрытую ориентацию не только на негативную аксиологическую, но и на отрицательную функционально-стилистическую характеристику слова.

Можно утверждать, что изучение аксиологических и функционально-стилистических характеристик лексических (фразеологических) единиц в их взаимодействии и взаимопроникновении способствует не только раскрытию механизмов порождения экспрессивности высказывания и текста, но и определению особенностей языковой личности (творящего и воспринимающего субъекта) в конкретный период развития языка. В свою очередь, данная взаимосвязь оценочности и функционально-стилистических характеристик языковых единиц в русском языке XIX в. свидетельствует о развитии новых тенденций в области категории оценки, соответственно отражая эволюционные процессы на данном уровне реализации его системы, находящейся в постоянном количественном движении и качественной трансформации.

References:

1. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового созидания / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания, 1996. – С. 97 – 112.
2. Арнольд И.В. Стилистика со-

временного английского языка. Стилистика декодирования. – Л.: Просвещение, 1973. – 303 с.

3. Сайтова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков): автореф. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 25 с.
4. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (Историко-лингвистический аспект). – Алматы, 1995.
5. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы / Под. ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой. – М., 1977. – С. 230–293.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 448 с.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. // М.: Ин-т языкознания РАН; – Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с

TO THE PROBLEM OF CULTURAL
IMPLICATIONS IN TRANSLATION: THE
CONCEPT OF «DUTY/DEBT» IN RUSSIAN
AND ENGLISH

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

Interrelations of the language picture of the world, presented in language-source and language-receptor, are considered in the article. The material used for analysis was one of key concepts of the Russian language picture of the world – a concept “долг (duty/debt)” – in comparison with its analogs, presented in English. The author focuses attention on importance of studying of core concepts, language-specific and reflected in the system of values of polysemantic words, for linguistics and translatology. Studying of these concepts in language-source and language-receptor can give essential help to translators in understanding of features of national perception of the world and will allow them to use effectively this information in translation process.

Keywords: language picture of the world, cultural implication, concept, language-source, language-receptor

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

В последние десятилетия отмечается рост интереса к лингвокультурным аспектам перевода; все чаще они становятся предметом дискуссий. Очевидно, что одним из ведущих факторов, который необходимо учитывать в процессе перевода, является национальная картина мира. В то же время, лингвокультурный компонент процесса перевода на данном этапе развития науки еще не нашел четкого и однозначного определения. Ясно лишь, что наши знания об окружающем мире по-разному отражены и структурированы в различных языках; с другой стороны, специфические характеристики различных языков служат связующим звеном между объективной реальностью и картиной мира в восприятии человека.

«Роль культурных импликаций в переводе весьма широка: от лексического контекста и синтаксических структур до идеологем и образа жизни в целом. В задачи переводчика входит определение того, насколько важны те или иные аспекты культуры, и насколько необходимо их воссоздание в переводе, насколько адекватно они могут восприняты в языке-рецепторе. Лингвокультурные факторы, представленные в языке-источнике, важны в равной мере как для текстов на этом языке, так и для адекватного восприятия тех, кто будет их читать на языке-рецепторе» [1].

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ
ИМПЛИКАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ: КОНЦЕПТ
«ДОЛГ» В РУССКОМ И В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

Мирзоева Л.Ю., д-р. филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

В данной статье рассматриваются взаимосвязи языковой картины мира, представленные в языке-источнике и в языке-рецепторе. Материалом для анализа послужил один из ключевых концептов русской языковой картины мира – концепт долг – в сравнении с его аналогами, представленными в английском языке. Автор акцентирует внимание на важности изучения стержневых концептов, характерных для конкретного языка и отраженных в системе значений полисемантического слова, для лингвистики и для транслатологии. Изучение данных концептов в языке-источнике и в языке-рецепторе может оказать существенную помощь переводчикам в понимании особенностей национального восприятия мира и позволит им наиболее эффективно использовать данную информацию в процессе перевода.

Ключевые слова: языковая картина мира, культурные импликации, концепт, язык-источник, язык-рецептор

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Каждый язык по-своему структурирует информацию, и это имеет очень важное значение, поскольку благодаря этой характеристике «языки по-своему преобразуют итоги мыслительной деятельности, создают побочные представления, которые содержат экстралогические информации, дополняющие в том или ином смысле результат логического познания» [2, p.50].

Следовательно, изучение стержневых концептов, характерных для конкретного языка и отраженных в системе значений полисемантического слова, в одинаковой мере важно как для лингвистики, так и для транслатологии. Прежде всего, необходимо выявить концепты, которые являются ключевыми в формировании языковой картины мира как для языка-источника, так и для языка-рецептора. Изучение данных концептов в языке-источнике и в языке-рецепторе окажет существенную помощь переводчикам в понимании особенностей национального восприятия мира и позволит им наиболее эффективно использовать данную информацию в процессе перевода. В процессе перевода необходимо также принимать во внимание историческую детерминированность языковой картины мира.

В современной науке четко выделяются два подхода к языковой картине мира. Согласно первому из

них, который квалифицируется как *интегральный*, ее следует интерпретировать как совокупность всего языкового содержания, которая является относительно постоянной и в то же время поступательно эволюционирует во времени. [3, с.92]. Второй подход традиционно обозначается как *дифференциальный*, т.к. в его рамках для изучения выделяются «специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков» [4, с. 245]. Данный подход основан на сравнении языков, выявлении несоответствий, лакун, вызванных культурно-историческими причинами или языковой спецификой внутренних форм и систем образности [5, с. 267]. Для того, чтобы воссоздать в переводе все оттенки значений (что особенно актуально для художественного перевода), квалифицированному специалисту следует использовать оба вышеупомянутых подхода. На наш взгляд, мастерство в сфере как устного, так и письменного перевода также основано на осознании и воплощении таких аспектов национальной языковой картины мира, как *«бытийный аспект ЯКМ»* – составляющая ЯКМ, касающаяся бытия мира и человека, *«познавательный аспект ЯКМ»* – составляющая ЯКМ, связанная с познанием и интерпретацией мира, *«ценностный аспект ЯКМ»* – составляющая ЯКМ, касающаяся отношения

к миру, предполагающая выявление заложенных в языке ценностей, *деятельностный аспект ЯКМ* – составляющая ЯКМ, информирующая о способах деятельности, преобразовании мира, о применении знаний и ценностей на практике» [5].

Все аспекты, упомянутые выше, представлены в ключевых концептах, формирующих языковую картину мира, присущую данному языку. Так, концепт **долг** является одним из стержневых в русской культуре. В соответствии со словарными дефинициями, данный концепт коррелирован с системой значений, представленных ниже (на слайде):

ДОЛГ

-а, предл. о долге, в долге, мн. нет, м. То же, что обязанность. Выполнить свой д. Гражданский д. По долгу службы. Человек долга (честно выполняющий свои обязательства). Отд ать последний д. кому-н. (перен.: почтить память умершего, прощаясь с ним при погребении). * Первым долгом (разг.) - в первую очередь, сначала, прежде всего (Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова).

Все должное, что должно исполнить, обязанность. *Общий долг человека* вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина; исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют *долг* его, как взятые у кого займы деньги или вещи, или все то, чем обязан он, по обещанию или какому условию; *долг*, более общее, *обязанность* частная, личная; *долг* невольный, *обязанность* условна (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля).

‘то, что подлежит безусловному выполнению в силу общественных требований или внутренних убеждений’ Syn: обязательство, обязанность (Lingvo Thesaurus).

Рассмотрим корреспондирующий концепт в английском языке, который во многом сходен, но не тождествен данному понятию в русском языке, прежде всего из-за различия в объеме значения и валентности (сочетаемости).

DUTY - ДОЛГ

1) (обязанность) duty воинский долг — soldier’s duty по долгу службы — in the performance of one’s official

duty долг велит — duty calls

duty 1) почтение, уважение, повиновение Many kisses from all children, and William’s respectful duty. — Дети тебя много раз целуют, и ещё тебе почтительный поклон от Уильяма. Syn: homage, respect, submission

2) (duties) налог, пошлина, гербовый сбор customs duties — таможенные пошлины import duties — импортные пошлины death duties; — налог на наследство

3) долг, обязательство civic duty — гражданский долг moral duty — моральный долг patriotic duties — долг перед родиной sense of duty — чувство долга to do smth. out of a sense of duty — делать что-л. из чувства долга to do one’s duty — исполнять свой долг. Syn: obligation

4) служебные обязанности; дежурство official duties — служебные обязанности professional duties — профессиональные обязанности painful duty — неприятная обязанность supervisory duties — обязанности руководителя; duty officer — дежурный офицер to do / carry out / discharge / perform one’s duties — выполнять свои обязанности to shirk one’s duties — уклоняться от выполнения своих обязанностей to take up one’s duties — приступить к своим обязанностям to report for duty — явиться на службу; прибыть для прохождения службы on duty — на дежурстве; при исполнении служебных обязанностей doctor on duty — дежурный врач off duty — не на дежурстве; в свободное от работы время duty journey — служебная поездка, командировка I went on writing till my fingers were numb and my eyes refused to do their duty. — Я продолжал писать до тех пор, пока мои пальцы не онемели, а глаза не перестали видеть. Syn: office, function 1. service

5) (церковная) служба He did Sunday duty in a neighbouring parish. — Он проводил воскресную службу в соседнем приходе.

6) работа, производительность, режим (машины); мощность duty of water — гидромодуль.

Сопоставление словарных статей демонстрирует как разнообразие значений, сопряженных с данным концептом в английском языке, так и

кажущиеся бедность и однообразие системы значений, соотносимых с данным концептом в русском языке. Так, в отличие от английского языка, в русском языке в систему значений лексемы ДОЛГ не входят понятия *церковная служба; работа, производительность, режим (машины)*. Однако множество случаев, приводимых далее, позволяют говорить о скрытом, реализуемом контекстуально и порой непредсказуемом многообразии оттенков значений, сопряженных с данным понятием в русском языке. Ср., например, в английском языке:

For that cause, the nobles could resist the crown; if they failed, then it was the **duty** of the common people to resist them (*Mary Queen of Scots*. Wormald, Jenny)./В этом случае, аристократия может сопротивляться короне (королевской власти); если же она терпит поражение, тогда прямая обязанность (ДОЛГ) простого народа сопротивляться аристократии.

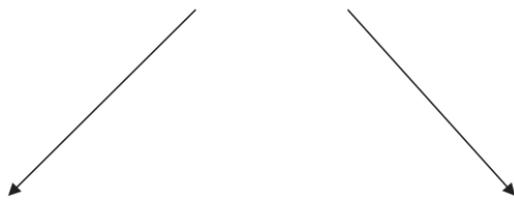
Her **duty** is like the **duty** not to set fire to the forest which entails the **duty** to put out any fire one started (*The morality of freedom*. Raz, Joseph).

Можно также с уверенностью утверждать, что в английском языке не представлены характерные для русского языка антинимии, такие, как «долг – любовь», «долг – чувство» (символизируемое в русском языке концептом «сердце»), а также референциальное взаимодействие концептов «долг – справедливость», ср.: Государь по возвращении своём во дворец написал к нему трогательное письмо, в котором между прочим находится следующее: «Если бы я послушался сердца, то был бы уже при тебе; но **долг** меня удерживает (В. А. Жуковский. Письмо к А.И.Тургеневу)

Долго спорили в груди моей **долг** и склонность, противная сану моему, долго, но любовь торжествует. Пламед. Вспомни свій **долг** и мой (Неизвестный. Пламед и Линна).

А ещё за это время он узнал народ, с которым свёл его монашеский **долг**; Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим «смутным временем», и мой **долг** человека — свидетеля века — восстановить справедливое к ней отношение (Д. Лихачев. О русской интеллигенции);

ДОЛГ 1,2

DUTY (moral, civic, official, financial etc.)

DEBT (financial)

Прежде всего **долг** справедливо-сти требует сказать, что одно значительное лицо скоро по уходе бедного, распечённого в пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления (Н. В. Гоголь. Шинель);

Франция не пренебрегла этого преимущества и похвально сделала: священнейший **долг** всякого народа — дорожить своим достоинством, спасать и защищать всеми мерами и всеми средствами это нравственное бытие своё, неразрывно сопряжённое с его бытием вещественным (Д. В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?)

Второе значение полисеманта коррелирует с финансовой сферой жизни человека:

ДОЛГ 2

Взятое займы (преимущ. деньги). Взять в д. (займы, с последующей отдачей). Наделать долгов. Войти, влезть в долги (сделать много долгов). Жить в д. (на занятые в долг деньги). По уши в долгах (очень много должен). Не выходит (не вылезает) из долгов (постоянно кому-н. должен). Д. платежом красен (посл.). * В долгу перед кем или у кого - обязан кому-н. чем-н. В долгу как в шелку кто - шутил. погов. о том, кто кругом должен. В неоплатном долгу кто у кого - о том, кто кому-н. чем-н. обязан, бесконечно благодарен. Не остаться в долгу у кого - отплатить тем же самым. || уменьш. должок, -жка, м. || прил. долговой, -ая, -ое. Долговое обязательство (Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова).

Долг, долги, заемные деньги; плата за что-либо, с обещанием уплаты, возврата. Поверстать долг. Долги неплатные, безнадежные. Долги текущие, по счетам, оборотам. Его долги сокрушают. В копнах не сено, в

долгах не деньги: копна сгниет, а деньги пропадут. Отдать последний долг природе, умереть; - покойнику, быть на похоронах его. Должица, что пещице: сколько ни клади в нее дров, все сгорит, и все мало. Бог в долгу не останется. За Богом должок не пропадет. По уши в долгу. В долгах по горло. Весь, и волос в долгу. Торгу на три алтына, а долгу на пять. В долг не лезем, из долгу не выходим (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля).

Это значение соответствует иной лексеме в английском языке:

debt в долг — on credit / trust брать в долг — borrow давать в долг — lend делать долги — contract / incur debts не делать долгов — pay one's way влезать в долги — get / run into debt прощать долг — remit a debt; (кому-л) acquit smb of a debt платить долг — pay a debt •• долг чести — debt of honour быть в долгу у кого-л — owe , be indebted (to) он у него в долгу — he is in his debt, he is under an obligation to him, he is beholden to him быть в большом долгу перед кем-л — stand heavily in smb's debt; owe very much to smb остаться в долгу перед кем-л — be indebted to smb ...>> долг burden, credit, debt, duty, encumbrance, obligation, office, owing, score, tie.

Представляется возможным схематизировать соотношение концепта ДОЛГ в русском языке и его английских аналогов как понятий с частично совпадающим объемом значений:

В то же время множество случаев употребления лексемы «долг» во втором значении, связанном с финансовой стороной жизни, в русском языке имплицитно содержит отсылку к таким категориям, как мораль и справедливость: «Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете,

что вы живёте в **долг**, на чужой счёт, на счёт тех людей, которых вы не пускаете дальше передней...» (А. П. Чехов. Вишневый сад).

С другой стороны, очевидно, что в системе значений, сопряженных с концептом «ДОЛГ» как в русской, так и в англоязычной картине мира, имеется много сходного. Так, например, как в русском, так и в английском языке одной из типичных ассоциативных реакций, сопровождающих концепт «ДОЛГ», является слово «бремя», наделенное широким оценочным спектром (в основном негативным) оценок и - как следствие — высоким экспрессивным потенциалом.

Подводя итоги, акцентируем внимание на том, что взаимопонимание в процессе коммуникации основывается на адекватном восприятии ключевых концептов, представленных в различных языках. Именно поэтому «как переводчики, так и лингвисты играют огромную роль как посредники в процессе межкультурной коммуникации; только они могут проникнуть в суть этого процесса и разрешить проблемы, возникающие на стыке культур, объясняя пути успеха и причины неудач в процессе кросс-культурного общения» [6].

References:

1. James, Kate. Cultural Implications for Translation.// Translation Journal. Literary Translation. - Volume 6, No. 4 .October 2002. <http://bokorlang.com/journal/22delight.htm>
2. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. - Ереван: Луйс, 1968. - 66 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: ЧеРо, 2003.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М.: Наука, 1976.
5. Казакова О.М. Языковая картина мира в лингвистике и культурологии. // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции, 13-15 мая 2008 г. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. - С. 267-270.
6. Nikevi-Batrievi, A, Kneevi, M. Culture-Bound Translation and Language in the Global Era. Amazon, 2008.

AFFIXOIDS IN NEOLOGIZATION OF MEDICAL LANGUAGE

E. Mincu, Candidate of Philology, Associate Professor Nicolae Testemitanu State University of Medicine and Pharmacy, Moldova

This work is based on the linguistic research, intended to open affixoid mechanisms of formation of neologisms in the Romanian language.

Keywords: neologization, affixoid, lexical units, semantics variability.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Главным аспектом языка является то, что он, язык, осуществляет некоторые разделения определенных единиц, поддающихся делимитации [1, стр. 113]. Аффиксоиды являются лексическими единицами греко-латинского происхождения, которые изначально имели полное лексическое значение, а *in statu praesenti* являются строительными элементами сложного слова. Термин аффиксоид (*afix + oid* <гр. *eidōs*, «подобный, похожий») был введен в обращение в 1959 году Н. Шанским и описывается как аналогичный типичному аффиксу.

В 1956 году Dubois J. и Janannon G. определяют 150 аффиксоидов во французском языке [2, стр. 10-13]. В

1970 году Fl. Coibanu, F. Hassan включают 834 «культизма» в глоссарий составных элементов [3, стр. 243-260]. В 1975 году Гр. Чинчилей ссылается на 660 аффиксоидов во французском и 700 аффиксоидов в румынском языках [4, стр. 112]. Henri Cottez в *Dictionnaire de structures du vocabulaire savant: Eléments et modèle de formation* [5, стр. 9] говорит о числе «немного больше, чем 2700 образований». В *Marele Dicționar de neologisme* автора Florin Marcu [6] (2000 г.) даются объяснения 1401-му и 585-ти их вариантам.

В данной работе аффиксоиды представляются как составные элементы, произошедшие от самостоятельных смысловых единиц, которые

находятся в промежуточной позиции между корнем и аффиксом; статус, позволяющий воспользоваться номинальными и структурными характеристиками (таб.1).

Итак, гибридность таких категорий как корень и аффикс позволяет аффиксоиду воспользоваться и «двойным статусом» [7, стр. 557-563], который, в диахроническом плане, отделяясь от корня, формирует промежуточную стадию между составными путём сопоставления сегментов, объединения их в один сегмент [8, стр. 133], в синхронном плане, размещаясь между корнем и аффиксом [4, стр.100], указывает на тенденцию к аффиксации.

Но эта тенденция, однако, не по-

АФФИКСОИДЫ В НЕОЛОГИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ЯЗЫКА

Минку Е. канд. филол. наук, доцент Государственный Университет Медицины и Фармакологии им. Николая Тестемитяну, Молдова

Данная работа основывается на лингвистических исследованиях, предназначенные раскрыть аффиксоидальные механизмы образования неологизмов в румынском языке.

Ключевые слова: неологизация, аффиксоид, лексические единицы, варибельность семантики.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Таблица 1

Аффиксоиды – критерии определения статуса

Корень	Аффиксоид	Аффикс
I. Этимологический критерий		
Самостоятельные смысловые единицы	+-	Спорное происхождение
II. Семантико – смысловой критерий		
В ядре сосредоточено основное значение слова	+ ±	Классифицирует: а) эндоцентрический критерий; б) экзоцентрический критерий.
III. Деривационный критерий (возможности сочетания)		
С корнем и аффиксом: а) присутствие связующих гласных о/е и (интерфиксы) в тематических соединениях; б) формирует соединения на основе сочетаний.	+ - Различные возможности комбинации; самокомбинация аффиксоидов (карди(о)- + -патия)	Только с корнем или корень + аффикс
IV. Позиционный критерий		
Центральная позиция (в тематических соединениях является первым или последним сегментом)	±± Двойное положение ↓ ↓ префиксоид суффиксоид двойной аффиксоид	Одианрное положение: приставка или суффикс
V. Возможность наличия синонимов, омонимов, паронимов		
Частые случаи	+ -	Единичные случаи

зволяет нам считать их единицами со статусом аффикса, потому что:

- процесс перехода (корень → аффикс, процесс грамматикализации) может продлиться, будучи зарегистрированным пока только в единичных случаях полной деэтимологизации (>лат. *mens, mentis*, «ум, разум»): *medicamentum* >лат. *medica-* (*medico, -are*, «лечить») +>лат. *-mentum*, «ум, разум»; лечи умом, разумом) → *-mente*, составляющая румынских наречий: *actualmente* (в настоящем времени), *totalmente* (в общем) и т.д.;

- иногда наблюдается обратный процесс лексикализации в румынском языке.

В случае с *-algie*, который используется в медицине, отделяется от терминов *cefalgie, nefralgie, abdominalgiei* т.д. и претендует на использование в качестве самостоятельного слова в медицинской лексике: «Все пациенты жаловались на периодические боли (*algie periodice*) различной интенсивности в эпигастральной области ...» [9, стр. 5].

Среди движущих сил, которые нейтрализуют оппозицию корень → аффикс, создавая условия для их интерпретации, лингвисты подчёркивают: регулярность [4], повторяемость [10, стр. 160], продуктивность [11, стр. 39-41]. В данной работе дополняем этот список, показывая, что и феномен вариативности семантики, в зависимости от различной сферы деятельности, вызывает такие метаморфозы в статусе. Строгое внутридисциплинарное использование в пределах одной сферы деятельности, частично или полностью сохраняет понятие инвариантности, обеспечивая ей особую значимость. Как в случае с лингвистическими единицами такого типа как *-algie, -ectomie* т.д., которые используются только в медицине и в данный момент претендуют на лексикализацию. В зависимости от сложности сферы деятельности, междисциплинарная изменчивость может потребовать изменений оттенка концепции инвариантности. Как в случае с префиксоидом *angio-* (<гр. *angeon*, «сосуд») который, будучи использованным только в медицине, но заимствованный различными медицинскими дисциплинами, подвергается

изменению значения: а) анатомия – «анатомический сосуд», *angiogenie*; б) клиника – «сосуд», «красного цвета»: *angioblast, angiolumoid*. *Angio-* является аффиксоидом, который употребляется исключительно в научной лексике. Одноимённые варианты специализированы в определённых сферах деятельности: *angio¹*-используется в медицине, а *angio²* – в ботанике. Основой для обоих одноимённых вариантов является один и тот же этимон: греческий *ageion*, уменьшительное от *aggos*. Между ними установлены прагматические неиерархические концептуальные отношения: «русло реки» → «приют, баррель, резервуар» → «анатомический сосуд».

Аффиксоид присутствует в словах, в основном, в качестве префиксоида *angio-*; суффиксоид *-angie* зарегистрирован только в 2 терминах и напрямую связывается с вариантом *angio²*. Всего было зарегистрировано 73 (100%) термина с аффиксоидом *angio-* [6]: 70 (95,8%) терминов, образованных с префиксоидом *angio-* и 3 (4,2%) термина – с суффиксоидом *-angie*. Также были зарегистрированы одноимённые варианты (73/100%): *angio¹*, «анатомический сосуд» – 70 (95,8%) терминов; сфера использования – медицина; *angio²*, «капсула, оболочка» – 3 (4,2%) термина; сфера использования – ботаника.

В первом варианте *angio¹*, в 52 (74,2%) терминах аффиксоид сохранил первоначальное значение, а в 18 (25,8%) терминах претерпел изменения смысла.

Существуют следующие семантические варианты:

а) вариант I *angio¹* – «анатомический сосуд» – 52 слова (74,2%), используемые в медицине, анатомии, параclinical науках; б) вариант II *angio²* – включает в себя термины, в которых аффиксоид был подвержен семантическим конъюнкциям и дизъюнкциям – 18 (25,8%) терминов: подвариант I «сосуд, анатомическое образование, которое берёт или содержит что-то» – 4 (5,7%) термина, используемые в медицине, клинике; подвариант II «канал» – 4 (5,7%) термина, используемых в медицине, клинике; подвариант III «ар-

териального типа» – 2 (2,8%) термина, используемых в медицине, клинике; подвариант IV «сосудистой типа, сосудистая система» – 7 (10%) терминов используемых в медицине, клинике; подвариант V «красный цвет, цвет крови» – 1 (1,4%) термин, используемый в медицине, клинике.

Междисциплинарная вариативность, всё же, предполагает концептуализацию аффиксоида, который подчиняется семантико-смысловому требованию той или иной сферы деятельности (в зависимости от параметров, которыми оперирует). Именно здесь аффиксоиды демонстрируют валентность изменчивости, будучи восприимчивыми к принятию новых форм (в семантическом плане).

Согласно теории общения, концепция (содержание термина) прилагающаяся к языку и социальной структуре, развивается, добавляя новые характеристики. Концепция инвариантности, подвергаясь процессам семантического расширения и сжатия преобразуется в концепцию вариативности.

Греческое слово *kline* в румынском языке развивается в: а) самостоятельную лексическую единицу: *clină*; б) аффиксоид, образуя сложные слова путём аффиксации. В медицине зафиксирована самая высокая степень искажения первоначального значения: *kline* «кровать» → *clinic* «у кровати» (постели) больного; медицинская помощь, оказываемая больному, прикованному к постели» → *clinică* «медицинское учреждение, где врач оказывает медицинскую помощь больным; больница для научных исследований или для практического обучения студентов» → *clinica* «описание этапов течения болезни». Это лишнее доказывает, насколько прагматичен человек.

Было зарегистрировано 25 (100%) терминов, содержащих аффиксоид *clino(o)- / -clinal, -clin, -clinic* [6]: 12 (48%) терминов, образованных с помощью префиксоида *clin(o)-* и 13 (52%) терминов, образованных с помощью суффиксоидальных вариантов *-clinal, -clin, -clinic*. Среди этих (25/100%): в 10 (40%) терминах аффиксоид сохранил перво-

начальное значение, а в 15 (60%) терминах подвергся семантическим изменениям.

Были выделены следующие семантические варианты для значения «наклонность» – 10 слов, в которых аффиксоид сохраняет это значение, используются в географии, геологии, физике: вариант I «отклонение» – 2 слова, употребляемые в медицине; вариант II «реформация» – 1 слово, употребляемое в медицине; вариант III «эволюция» – 1 термин, используемый в биологии; вариант IV «направление роста, развития» – 3 термина, используемые в ботанике, медицине.

Были выделены следующие семантические варианты для значения «кроватка (постель)» – 4 слова, в которых аффиксоид сохраняет это значение, употребляемые в медицине и в общем использовании: вариант I «клиника» – 1 термин, используемый в медицине; вариант II «брачное ложе» – 3 термина, используемые в ботанике.

Решающим фактором в процессе аффиксоидации является также и **экстралингвистическое влияние** – значимая необходимость языка.

В функциональном аспекте на аффиксоиды, в качестве лексических единиц аффиксоидации (новый подтип словообразования), влияет и ряд факторов на фонологическом и морфологическом уровнях:

Е. Кубрякова [12, стр. 18] упоминает только два (по мнению учёной, наиболее явные): а) объём и скорость распространения смысловых категорий; б) количество слов способных удержать статус тематических моделей в формировании новых лексем.

Внутрилингвистическое влияние проявляется в способности различать области влияния и взаимодействия аффиксоидов в фонетическом, морфологическом и лексическом планах.

К этому аспекту относится и формирование вариантов одного и того же аффиксоида, который (поддаётся) подвергается фонетическим изменениям: *acid(i)- / acid(o)-* → лат. *acidus* «кислый»; *cal(i)- / cal(o)-* → гр. *kallos* «красивый»; *celcidi- / cecido-* → гр. *kekis, -idos* «торжественный» (здесь наличие фонетических вариантов может объясняться тем, что первый вариант является

французской формой аффиксоида греческого происхождения): *cecidiofite, cecidogen* (биология, ботаника и т.д.); *chemi- / chemi(o)- / chimi(o)-* <гр. *khymos* «сок»: *chemotaxie* (медицина), *chimosteriliză* (химия) и т.д.

Лексико-грамматическая и семантическая совместимость / несовместимость аффиксоидов для образования нового лексема, является достаточно важной характеристикой, продиктованной рядом факторов:

1. В плане фонетических вариантов, та или иная сфера приняла определённый вариант аффиксоидов, которые используются в образовании новых слов.

В случае вариантов *chemi(o)- / chemo- / chimi(o)- / -chimie* <гр. *khymos*, «сок», первый (используется) употребляется в типографской терминологии: а второй и третий варианты – в других сферах деятельности, иногда образуя паронимы: *chemoluminiscentă / chimiluminiscentă* (ботаника); *chemoterapie / chimioterapie* (медицина); *chimiotaxie / chemotaxie* (медицина) и т.д. Стоит отметить, что между двумя последними фонетическими вариантами могут быть строго очерчены сферы использования: *chemotrof, chemotrofie, chemoloză* – биохимия; *chimioprofilaxie, chimiatrie* – психология.

2. В плане вариантов значения, можно говорить о семантической совместимости. В слове *chemifer* префиксоид *chemi(o)-* сохранил первоначальное значение (<гр. *khymos*, «сок») и обозначает свойство проводить влагу, будучи использованным в ботанике. Замена префиксоида *chimi(o)-* префиксоидами *chemo-* или *chemi(o)-* ставит под угрозу значение слова. Это относится и к слову *chimotripsină* – «желудочный сок» (биомедицина). И, наоборот, в словах *chemomorfoză, chemosorbție, chemoestezie, chemotrofie* (биохимия, ботаника), префиксоид *chemo-* имеет значение «химия, химическое происхождение», полученное путём расширения первоначального значения.

3. Совместимость достигается иногда и приемлемостью аффиксоида **в плане общности происхождения**. Префиксоиды *hipno-* <гр. *hypnosi* *somn(o)-* <лат. *somnus* (последний не зафиксированный в качестве аффик-

соида) имеют одно значение «сон» являются синонимами, например: лекарство *somnifer* (носитель сна, «снотворное») или *hipnotic* (относящийся ко сну). Однако замена сегмента *somni-* из *somnifer* на *hipno-* является недопустимой. Речь идёт о несовместимости происхождения, в слове *somnifer* обасоставляющих элемента (<лат. *somnus* «сон» + <лат. *ferre* «нести, носить») латинского происхождения. Но это правило, всё же, не без исключения.

Аффиксоиды *adipo-* <лат. *adipis* и *lip(o)-* <гр. *lipos*, в значении «жир», оба являются доступными для суффиксоида *-urie* <гр. *ouron*, «моча», образуя отношения синонимии: *adipozurie = lipurie*; и означают присутствие жиров в моче (медицина).

4. Функциональная совместимость – это свойство слова употребляется в терминологической функциональной сфере. Таким образом, в медицинской терминологии словарь предлагает для определения одного значения два термина: *duodenită* и *duodecadactelită*, «воспаление слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки». Первый термин приемлем для различных сфер общения: в обычной, в средствах массовой информации, в терминологии, таким образом существуя в естественных условиях *in vivo*; а второй, который не приемлем в функциональной сфере, существует только искусственно *in vitro*.

Вывод. Аффиксоиды являются греко-латинскими научными элементами, которые формируют ядро международного терминологического лексикона. Методом системного моделирования ещё раз был доказан транзитивный характер аффиксоидов и, в то же время, метод аналогии показал внушительное наложение особенностей – корень / аффиксоид. Первые слова, образованные с помощью аффиксоидации, попадают в румынский язык вместе с переводами с греческого, итальянского, французского в XVII-XVIII века. Греческая модель словообразования обновляется в научном стиле, в специализированных терминологических языках (в том числе медицинском), которые требуют максимальной концентрации информации в минимальных лексических

единицах, в ситуации, когда информационный взрыв снижает (сокращает) экспрессивность.

References:

1. Saussure F. Scrieri de lingvistică generală. – Iași: Editura Polirom, 2004. – 352p.
2. Dubois J., Janannon G. Grammaire et exercices de grammaire. – Paris: Larousse, 1956. –P. 8-13.
3. Ciobanu F., Hassan F. Formarea cuvintelor în limba română. Compunerea, vol. I. –București: Ed. Acad. Române, 1970. – 332p.
4. Чинчилей Гр. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. – Кишинев:Издательство Штиинца, 1975. – 222с.
5. Cottez H. Dictionnaire de structures savant: Eléments et modèle de formation, 2-e ed. revue et complete. – Paris: Robert, 1980. – 516p.
6. Marcu F. Marele Dicționar de Neologisme. –București: Editura Saeculum I. O., 2000. –960p.
7. Hassan F. Formați cu statut dublu// Studii și cercetări lingvistice XXIV. –București: Ed. Acad. Române, 1973.– P. 557-558.
8. Martinet A. Éléments de linguistique générale. – Paris: Denoel, 1970. – 271p.
9. Curierul medical, Nr. 1. – Chisinău, 2006. –P. 5.
10. Dimitrescu Fl. Dinamica lexicului românesc: ierihazi. – Cluj-Napoca: Clusium, București: Logos, 1995. – 336p.
11. Григорьев В. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания, 1956, Nr. 4. –С. 39-41.
12. Кубрякова Е. Что такое словообразование?– Москва: Наука, 1965.– 78с.

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovative scientific-educational projects.

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

PHILOSOPHIC-AESTHETIC AND
LINGUISTIC-PRAGMATIC RESOURCES OF
THE GROTESQUE (ON THE MATERIAL OF
WORKS OF W. GOMBROWICZ)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University "Paisii Hilendarski",
Bulgaria

In the article the grotesque is considered as one of representative subcategories of comic, which possesses the brightest plastic figurativeness, plays form destructive and transcendental functions. The oxymoron is interpreted as grotesque algorithm, which cancels the conservative idea of absurdity as something unacceptable, impossible and reveals its harmonizing role. In pragmatic aspect the grotesque implicature is deduced, and comeme is presented as a wide range of the speech acts, dominated by an expressive provocative. Within the scope of grotesque, the addressee is elevated to the role of the co-author.

Keywords: grotesque, comic, form, surrealism, absurdity, negation, oxymoron, transcendence.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
РЕСУРСЫ ГРОТЕСКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ТВОРЧЕСТВА В. ГОМБРОВИЧА)

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского,
Болгария

В статье гротеск рассматривается как одна из репрезентативных субкатегорий комического, которая обладает ярчайшей пластической образностью, формодеструктивной и трансцендирующей функциями. Оксюморон интерпретируется как гротескный алгоритм, который отменяет консервативное представление об абсурде как о чем-то неприемлемом, невозможном и выявляет его гармонирующую роль. В прагматическом аспекте выведена импликатура гротеска, а комема представлена как богатый спектр речевых актов, доминированных экспрессивным прокативом. В гротескной зоне адресат возведен в роль соавтора.

Ключевые слова: гротеск, комическое, Форма, сюрреализм, абсурд, негация, оксюморон, трансценденция

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Гротеск - третья репрезентативная субкатегория комического, наряду с иронией и пародией (уже рассмотренными в отдельных статьях¹), разделяющая с ними общее коммуникативное пространство. Однако, благодаря своей яркой, чудотворной образности, гротеск излучает метафизические послания, выделяется и как будто «присваивает» текстуальный континуум.

1.0. Гротеск - это демистифицированная, в какой-то мере дешифрованная, обнаженная и проиллюстрированная ирония (он играет роль ее индекса, ключа), ее живописное полотно. В произведениях польского писателя В. Гомбровича он выступает как средство испытания реальности явлений в их «абсурдности». Антиномическая природа мира, человеческого сознания и человеческих когнитивных усилий встроена в структуру гротеска и порождает эстетические импульсы. Как «зрительно-высказывательный» и пластический дериват иронии с наиболее ярко выраженной дейкитичностью, гротеск гравирован в нашей памяти созвучно-конфронтативный симбиоз амбивалентно-сосуществующих компонентов. Объединенные и аккомодированные составляющие

приобретают новое бытие – результат интегративных процессов в рамках его троичности: исконная предгротескная бытийность, новоприобретенная бытийность, вследствие гротескной интеракции с остальными элементами, сублимативная и трансцендентная сверхбытийность. Этот креативный обмен якобы несовместимыми сущностями, с прагматической точки зрения, как будто парадоксальный и абсурдный, генерирует постоянную взаимную символизацию и метафоризацию элементов – игровое, для целей ментально-эстетического творчества – одушевление (десубстантивирование) одних и обездушение (субстантивирование) других. Это «ритуальное умерщвление» в утилитарном плане трансцендирует предметы как равноценные и равновеликие в Космическом порядке. Их новая функциональность в гротескной панораме как будто преобразует гротеск в неосемантому², устремленную к восстановлению универсального баланса посредством интеллектуально-эстетического и экспрессивного синтеза.

Гротескная перестановка предметов в пространстве в результате космических императивов, пронзивших сознание рассказчика, выражается в

сроднении разнородных, но равноценных и взаимно замещающих друг друга бытийностей. Достигнутая совершенная оркестровка элементов представляет собой минимакет и аналог Вселенной. Совершенство поддерживается визуально посредством крестообразной формы – линейной синтаксической секвенции и вертикальной парадигмальной колонны, внушающей идею о бессмертии. Так деиерархизирование вещей с помощью гротеска приобретает обессмерчивающую функцию: *Wróbel powieszony, patyk wiszący, kot uduszony-powieszony, Ludwik powieszony. Jak składnie! Jaka konsekwencja! Trup idiotyczny stawał się trupem logicznym...* (К: 139) (*Повисший воробей, висящая палка, кошка задушено-повисшая, Людвиг повисший. Как симметрично! Как систематично! Идиотичный труп становился логическим трупом...*³)

Wróbel (Воробей)

Patyk (Палка)

Kot (Кошка)

Ludwig. (Людвиг).

A teraz trzeba powiesić Lenę. (А сейчас должна повиснуть Лена.)

Usta Leny (Пом Лены.)

Usta Katasi. (Пом Камашу.)

(Usta księdza i Jadeczki, wymiotu-

1 Относительно остальных двух субкатегорий комической триады (иронии и пародии) посмотри наши статьи: Категории комического в перспективе иронии в когнитивно-прагматическом аспекте (Хамзе: 2012), Irony in its pragmatic aspect (Хамзе: 2013 а), Коммуникативные основания иронии (Хамзе: 2013 б), Коммуникативные преимущества иронии (Хамзе: 2013 в), Когнитивно-прагматический спектр пародии (Хамзе: 2013 г).

2 Новая переосмысленная семантическая структура, которая является моделью для подобных образований.

3 Здесь и далее перевод мой – Д. Х.

jęce). (Пот священника и Ядечки, которых рвет).

Usta Ludwika (Пот Лудвига)

A teraz trzeba powiesić Lenę. (А сейчас должна повиснуть Лена) (К: 143, перев. мой – Д. Х).

1.1. Деиерархизирование и уравнивание гротескных компонентов – следствие вечной «нарицательности» всего одушевленного и неодушевленного. Иерархизм в восприятии и концептуализации гротеска на самом деле деиерархизирует позиции вещей. В рецептивном плане очерчивается триступенная, темпорально маркированная структура гротеска: удивление (первая фаза) – страх (вторая фаза) – смех (третья фаза). От вдохновляющей коэзистенции смеха и ужаса веет демонизмом, а он придает специфический колорит смеху, делая его чувственным, конвульсивным. Конкретным вербальным проявлением гротеска являются оксюморон и черный юмор. Причудливые сочетания растительных, животных и человеческих элементов создают ту призрачность, которая находится на грани вдохновляющего «сумасшествия». Напряжение сгущается и увеличивается, но возрастающая угроза рассеивается прямо перед эксплозией путем эстетического воссоздания атавистических страхов, которое вполне достаточно чтобы потушить их. Напряжение разряжается в смехе. Так психологический императив трансформируется в подобие карнавала, отражающий удачную попытку преодолеть ограничения нашей собственной ментальности и наших познавательных возможностей. Секрет успеха в поединке с Формальной⁴ гегемонией – Смех, самый чувствительный барометр коммуникативной удачи, взрывающий любые Формы, как старые, отмирающие, так и новые, возвещенные. Смех, венчающий развязку романа *Транс-Атлантик*, играет кардинальную роль в гротескной панораме. Он одновременно спасение от нависшей смертельной опасности, судья и стимул для Новоформы, прославляю-

щий радостную витальность, которая предшествует любой Форме и позволяет страсти к жизни восторжествовать, независимо от превратностей, катастроф и Формальной тирании. Таким образом отпадают коммуникативные помехи, а межличностное объединение в коллектив, как императив общения, путем игрового трансцендирования, преодолевает свою собственную Сверх-Форму и преображает человеческое в надчеловеческое, чтобы позволить человеку прикоснуться к метафизическому. Смех приходит, чтобы разрешить ожидаемое столкновение с фатальным исходом: *Ale co to? Co to? O, chyba Zbawienie! O, co to, jak to, co to? Ach, chyba Zbawienie! A bo, gdy tak z Bachem swoim leci, nadlatuje, aż wszyscy Zamarli, on śmiechem wybuchła. I zamiast żeby Ojca swego Bachem Bachnąć, on buch w śmiech i śmiechem Buchnąwszy, przez Ojca skoka daje i tak, uskoczywszy, śmiechem Bucha, Bucha! Śmiech tedy, Śmiech! [...] Buch śmiechem Buchają, Wybuchają, w ramiona się biorą Zataczają, to cienko, to grubo razem się Miotają i już jeden drugiego, jeden z drugim ale Buch buch oj Ryczą, Ryczą, aż chyba Buchają. I dopióż od Śmiechu, Śmiechem buch, Śmiechem buch, buch Buchają!... (ТА, 119–120) (Да что же происходит? Что ж?! О, господи, наверное, Спасение! Да так, как со своим Бухом мчался, налетал, так что все Застывали оторопевшие, он разражается смехом... И вместо того чтобы Отца своего своим Бухом Бухнуть, он в смехе Бух Бухает и Бухая в смехе, пропускает он Отца своего и, прыгая, опять смехом разражается, Бухает! Смех, значит, Смех! [...] Бух в смехе Бухают, смехом Разражаются, схватывают друг друга в объятия, Покачиваются, то нежно, то грубо Швыряют, то один другого, то один с другим, но Бух бух как Ревут, Ревут, аж Взрываются. Да уж от смеха, сквозь Смех взрываются, от Смеха, бух, бух, Набухают!...)*

Из трех субкатегорий комического (иронии, пародии, гротеска) гротеск обладает наиболее ярко выраженной

гибридной структурой. Его гетерогенная природа столь осязаема, что эстетика непрерывно расширяют ее охват, умножая его созидательные составляющие. Говорят о парадоксальном параллелизме несовместимых элементов, порождающих особый симбиоз зловещих угроз и шуточно-идиллических заигрываний; эксцентрической фантазии и терапевтического смеха. Полный кошмаров сон или сон наяву несут свой комический потенциал, который освобождается ретроспективно как припоминание. Это роднит гротеск с иронией, при которой смех тоже результативен, *ex post*. В своей студии *О понятии гротеска* Лех Сокул выделяет два характерных для гротеска процесса: синтез гетерогенных форм и дезинтеграцию естественных физических целостей (Сокул: 1971). Сосуществование всевозможных разнородных элементов, выстраивающих один контрафактический мир, доказывает его право на существование наряду с тривиальным практическим миром, пронизанным иронией познания о мнимой пригодности бытия. Сюрреалистические видения представляют собой внушительную долю в гротескной образности. Оцепенев от восторга и ужаса, мы созерцаем причудливые, чудотворные коллажи из кусочков реальности, которые, нагроможденные в одном месте, скандализуют рутинно-рациональный опыт, взрывают инертное, закостенелое от прагматизма сознание. Коллизивные, «ощетинившиеся» симбиозы генерируют сверхреальности. Шокирующая эклектика взаимно отталкивающихся, но интимно близких предметов уникальной стоимости в замке аргентинского аристократа Гонзало из ТА, выдает эвристичную идею их мецената – ставя их в условия близкого сожительства, «обручая» их, Гонзало их Обес-Формляет, обесценивает, выравнивает путем вторично приобретенной бесстоимости. Деструктивный фактор в гротескной картине может быть персонифицирован – Гонзало разрушает свои собственные материальные

⁴ Ввиду ключевой роли философско-эстетического понятия Форма у В. Гомбровича, как и других представляющих ее или опонирующих ей понятий, будем писать их с прописной буквы по примеру писателя. По мнению польского автора, форма – это невидимая человеческая тюрьма, которая унифицирует индивидов, вталкивая их в колею конвенций, стандартов и канонов; которая убивает в зародыше индивидуальность. Единственной возможностью противодействия и относительного избавления от Формальной диктатуры становится искусство и эстетика комического. Они тоже, разумеется, Форма, однако не обезличивающая, а вдохновляющая, динамическая, непрерывно меняющаяся и креативная.

ценности, чтобы доказать их взаимную «нетерпимость» с точки зрения их формальной «идентичности». Их ко-деградирование освобождает их от диктатуры Формы и как будто отсылает в другое измерение, где они были бы по-настоящему совместимы (ко-валентны): *A jedno obok drugiego natłoczone, napchane, że nie daj Boże, że już głowa boli: bo to Amorek obok Maszkary, a tu na fotelu Madonna, tam na pasie Waza i jedno pod stołem, drugie za Wazonem, tam znowuż Kolumna nie wiedzieć skąd i po co, a obok Tarcza, albo i Półmisek. Wrzelako, widząc Tycjanów, Rafaelów, Murillów malowidła, a też i inne arcydzieła nadzwyczajne sztuki, z poszanowaniem to wszystko oglądaliśmy, i ja powiadam: – Skarby to są, skarby! – A skarby – powiada – i właśnie dlatego ja, kosztem nie oszczędzając, wszystko zakupiłem i tu do kupy zgromadziłem, żeby mi trochę Potaniały. Owóż te arcydzieła, Malowidła, Posągi, razem tu zamknięte, jedno drugim taniejąc od nadmiaru swego, tak już tanimi się stały, że ja ten Wazon rozbić mogę (i Wazon Perski, astrachański, majolikowy, seldynowy, ażurowy nogą z podstawki zepchnął, że się ów Wazon na tysiąc kawałków rozprysnął) (ТА, 82) (А там друг с другом рядом, нароможденные, напханые, упаси Господь, аж голова разболеться может: потому что Ангелочек рядом с Сатаной, а там, в кресле Мадонна, там же у двери Ваза для фруктов, один под столом, другой за Вазой, там вдруг Колонна, бог весть откуда и зачем, а около нее Щит, или же Тарелочка. Так или иначе при виде Тициановых, Рафаэлевых, Мурильовых картин, да и других же ошеломляющих шедевров искусства, с уважением мы все это рассматривали, и я тогда начинаю говорить: – Сокровища все это, сокровища! – Сокровища, да - отвечает он, – и поэтому же, не экономя богатство, я все это скупил и гнездышко это свил, чтоб хоть чуточку они у меня Подешевели. И так вопросные Шедевры, Картины, Статуи, скопленные и закрытые здесь вместе, друг друга обесценивают, обесценивают из-за своего излишес-*

тва, и столь грошовыми стали, что эту Ваза я разбить могу (и вот он Ваза персидскую, астраханскую, майоликовую, зеленоватую, ажурную, ногой сбил с подставки и Ваза разбилась вдребезги).

1.2. Прагматическая специфика гротеска

Гротеск, как наиболее рельефно выраженный метазнак, с пластической, сильно концентрированной «визуальной» образностью (это напрямую сближает его с изящными искусствами), в высшей степени (по сравнению с другими двумя комемами – иронией и пародией) перлокутивен. Его иллюкутивная стратегия синтетично сводится к *провокативу*⁵ или *эвокативу*, предопределяющему экспрессивно-эстетический ансамбль разнообразных (в том числе вербальных как эквивалентов психических состояний) реакций адресата. Он включает: смех, плач, удивление, восхищение, чувствительные вибрации, интеллектуальный подъем, готовность к принятию иллюкутивного импульса, чувство виновности и неполноценности, самокритику, а также уверенность, способствующую креативному потенциалу. В гротеске ассертивная модальность переплетается с оптаивной, эмоциональной и экспрессивно-эстетической, которая здесь доминирует.

У гротеска (являющегося макродейктемой⁶ *par excellence*) в силу акцента на формальную (или формально-образную) сторону у нас возникает иллюзорное ощущение, что два плана – содержания и выражения – накладываются друг на друга. Гротеск излучает сигнал о дистанции относительно референциального знака и, соответственно, о гротескном восприятии. В отличие от иронии, в которой план выражения противоположен плану содержания, в гротеске наложение друг на друга двух планов вызывает эмоционально-эстетическую абсорбцию и соучастие адресата в гротескной «постановке». Адресат, сопричастный к проблематике и переживший эстетическое перевоплощение, «сходит со сцены» и уже подго-

товлен с дистанции концептуализировать гротескное изображение, наравне с его продуктором.

Таким образом, роль адресата раздваивается: он выступает одновременно как сопереживатель и соавтор. Конечно, это предполагает с его стороны известную базовую эрудицию, неконвенциональное мышление, раскрепощенный дух и артистизм. В этом смысле дистанция между продуктором и адресатом сводится к минимуму. Адресат скорее творческий соучастник, чем объект атаки. Экпликацию рефлексива «думаю» (*ты не хороший*) в глубинном плане категории следовало бы понимать не как моральную критику, а как критику стандартного, канонического мышления, которое недостаточно развито, чтобы принять вызов.

Имплицатурную схему гротеска можно представить следующим образом:

Х рисует гротескный образ У
говорю: Ты какой-то странный.

думаю: Может, ты и не хороший, но я тебе показываю, что можешь быть хорошим и нетипичным, исключительным.

хочу: чтоб ты понял и почувствовал, что ты – хороший.

Чтобы проиллюстрировать движение локутивных векторов между коммуникантами и указать, как они корреспондируют друг с другом, мы попробуем представить перлокутивные соответствия иллюкутивных посланий. *Афирмативу:* «говорю, что ты какой-то странный» в рецептивном плане соответствует *неожиданность, удивление, созерцание (конTEMPLATив); рефлексиву* «думаю, что ты, может, и не хороший, но...», которому сопутствуют демонстратив, деонтив, эвокатив, приглашение (инвитаив) к сотрудничеству, в рецептивном плане соответствует *страх*, но и *вдохновение (инспиратив), готовность (алакритив); оптаиву* «хочу, чтоб ты понял и почувствовал, что ты хороший, и чтоб ты посмеялся для своего успокоения, удовлетворения и обнадешенности», в рецептивном плане

5 Большая часть использованных здесь терминов взята из терминологического аппарата, представленного в монографии Ст. Димитровой Лингвистическая прагматика. Некоторые термины введены нами в качестве попытки дополнения этого аппарата.

6 Дейктическая категория, представляющая собой наглядное «ансамблевое сочетание» конкретностей как результат множества дейктических операций

соответствует *смех*, сопряженный с эстетическим наслаждением (*де-лектив, адмиратив*) и вдохновением (*инспиратив*) для сотворчества. При гротеске выделяется экспрессивно-эстетическая реакция адресата. Вот и расширенная импликатура гротеска:

Х творит гротеск

говорю: Посмотри на вещи как на естественно близкие друг к другу

думаю: Конвенционально они не естественно близки друг к другу, но в сущности они близки друг к другу, потому что это их естественное состояние, отражающее завуалированную конвенцией истину.

хочу: чтоб ты чувствовал страх и смех,

чтоб ты чувствовал что-то плохое и что-то хорошее,

чтоб ты понял, что латентно я показываю что-то плохое, которое я устраняю чудодейственным способом, посредством волшебства синкретичных симбиозов,

чтоб ты почувствовал что-то хорошее.

1.3. Сюрреализм и гротеск

Сюрреалистическая образность сильно напоминает гротескную, но вместе с тем наблюдаются и различия – преимущественно в творческом процессе зарождения и конструирования изображения, а также в интенции продуктора. Сюрреалистическое изображение представляет собой автоматическую запись авантюры подсознания, вольных ассоциаций, сновидений, галлюцинаций, мистических видений, и мера его ценности – это иррациональная свобода, даже произвольность, а, следовательно, и степень шока, который она в состоянии вызвать у адресата. Гротескное изображение – плод конкретного замысла; оно сознательно, целенаправленно сконструировано и отправлено адресату с идеей вызвать его экстатичную интеллектуальную и эмоциональную реакцию. Рецептор гротеска шокирован необычайными сочетаниями, но это его состояние лишь одна из степеней в градуированном восприятии изображения, сублимирующем в призыве к «соучастию».

Сюрреалистический метод определяется как спонтанный метод иррационального познания, основанный на критической интерпретации

феномена бреда. Сюрреалистическое изображение является композицией причудливых «коллажей» из разнородных кусочков реальности, которые, совмещенные, генерируют шокирующую сверхреальность. Следовательно, сюрреализм и гротеск в большой степени пересекаются, главная разница между ними состоит в интенциональной стратегии, которая лежит в основе гротеска, в ее критически-коррективной (по отношению к формальному стандарту мышления) и совершенствующей функции. Интеграционно-сближающая (аппроксимативная) функция гротеска, которая соединяет полюса, обретает плотность в одной из разновидностей гротеска у В. Гомбровича, а именно в симметричном гротеске, выраженном посредством гротескного параллелизма. Неопределенный сброд животных, экстравагантные гибриды («домашние любимцы» Гонзало), которые ходят вдоль и поперек по палатам своего хозяина, – его зооморфная копия: *A w tej samej chwili pies duży, legawy przyszedł się łasić; i jak baran czarny; ale nie baran to był, bo jak kot duży z pazurami; tyle tylko że z koźlim ogonem i zamiast miauczeń jak koza beczał (TA, 88) (И как раз в это мгновение большой пёс, охотничий, подошел ласкаться; и как баран был черный; да это был не баран, поскольку величиной был с кошку – с когтями; только с хвостом козы и вместо того чтобы мяукать, как коза временами блеет).*

Уподобляюще-симпатическая функция гротеска, представляющая собой потенциальную возможность сенсационных метаморфоз (выраженную скрытым сравнением в виде метафоры), ощутима даже в рамках зловещего образа, представленного в следующем отрывке: – *Ady my nie ludzie, ady my psy, psy jesteśmy! Hau! Hau! – Nagle dziecko przy piersi – szcęknięło, chłopka zaś, rozejrzawszy się, że nas jest tylko dwóch, zawarczała i ugryzła mnie w brzuch. Wyrwałem babie brzuch z zębów! Ale już z opłotków wynurzała się cała wieś szcękając i warcząc (F, 215). (Д. Х.: Черт поберу, не люди мы, черт поберу, собаки мы, собаку! Аууу! Аууу! – вдруг грудной ребенок у материнской груди пролаял, крестьянка же, оглядываясь по сторонам, увидела,*

что нас только двое, залаяла и укусила меня в живот. Вырвал я живот из ее хищнических зубов! Да отовсюду навалом пошла на нас целая деревня, рыча и с грозным лаем).

1.4. Гротеск и абсурд

Отрицание представления об абсурдности с помощью гротеска повышает градус коммуникации. Гротескные конструкции превращают абсурд в естественное сожительство равноценных элементов универсальной сочетаемости. Подсознательно то, что мы обозначаем как абсурдное, вообще нам не чуждо и сопутствует нам неуклонно. Частое употребление выражений типа: «Да это же абсурд!» доказывают нашу психическую адаптацию к вещам, которые мы якобы категорически отвергаем, но в сущности реально не исключаем вероятность в другой момент принять их, возможность, чтобы наше несогласие переросло в согласие и даже в одобрение. Демонстративное отвержение может быть и игровым отрицанием (табуированием) как проявление заклинательной силы слова, с целью избежать возможного неуспеха. Лишенная измерений вечности жизнь – это абсурд. Абсурдна идея о смерти как об окончательном конце. Таинственность – имманентная черта абсурда, а посредством него – и гротеска: подсказывает нам двойное толкование и держит нас в поле долгого сомнения: не осмеивается ли что-то ввиду того, что является отклонением от нормы или же утверждается, потому что оказывается естественным, т.е. критикуется ментальный рефлекс воспринимать его как абнормальное; картинно иронизируется инерция и «форменная одежда» мысли. Симфонизм антиномий в рамках гротеска, их внутренняя симбиотичность, иллюстрирует бессмертие идей и идеи, что все возможно, в том числе и наше собственное бессмертие...

Гротеск толкает нас посмотреть на абсурд по-иному, чтобы понять, что смысл и абсурд не исключают друг друга, а дополняют и обогащают друг друга. Абсурд обладает как бы двойным дном – на поверхности вызывает шок, а в глубине генерирует логику и основательность. Посредством него гротеск производит новый смысл,

функционирует как неосемантема. Мышление древнего человека тоже гротескно маркировано – оно устроено так, чтобы воспринимать и сочетать на первый взгляд несовместимые вещи. Несмотря на то, что все «абсурдные» божественные истории непостижимы для когнитивных возможностей человека, он принимает их как что-то естественное и неизбежное, как естественна и собственная его беспомощность перед сверхъестественным. Естественна сама диспропорция между слабым человеческим существом и всесильным божеством. Смерть тоже гротескогенна – пугает и вместе с тем возбуждает, приводит в отчаяние и вдохновляет. Патриотичная мотивация девиантного «одарения» мучениями попадает в метафорично-метонимичную гротескную орбиту «Кавалеров Шпоры» ТА. Это сообщество для самоистязания и взаимного причинения боли с целью взаимного сочувствия и демонстрирования самого высшего патриотизма по отношению к тонущей в крови дальней Родине, как модели настоящего воевания, как будто подавляет внутренние конфликты между «почетными» членами (новопосвященными) Ордена мучеников (соотечественников): [...] *a wtenczas mnie Ostrogę Pyckal w tydkę wrzcił, ażem z Bólu strasznego, okropnego mało nie omdlał [...]* – *Nie ruszaj, nie ruszaj, boli!... a on za całą odpowiedź Wrzasnął, Ryknął jak Szalony, jak Obląkaniec jaki, Potępieniec, i nogą swoją gwałtownie pokręcił. Od czego Ból Bolesny, że mnie świeczki w oczach i zemdlałem.* (ТА, 98–99) [...] *и как только Пицкал Шпору забил мне в икру, да так, что от Боли страшной и свирепой я чуть было не лишился чувств [...]* – *Не трогай, не трогай, ой, больно!.. а он в ответ Кричит, Ревет как Безумец, сущий Сумасшедший, и ногу свою внезапно поворачивает. Последовала Боль Боленосная, зарябило у меня в глазах, и я упал в обморок*). Гротескогенная тавтология «Боль Боленосная» выражает не абсурдность обрисованной ситуации, а скорее абсурдность патриотического мышления о том, что самонавязанная мартирология приве-

дет к спасению и «канонизированию» ее героев.

1.5. Негация занимает достойное место в семантической структуре гротеска, как и в структуре других двух комем, но у нее особая функция. Из-за вышеупомянутого полусовпадения между планом выражения и планом содержания контраст между экспликацией и пресуппозицией стирается. Живописная картинность, словесная визуализация фантазийной образности отрицает отрицание чего бы то ни было и дает наглядную перспективу совершенствования, показывает путь развития и истины. В измерении, где все возможно, нет несовместимых и невозможных вещей. Примарная концептуализация негативных значений («Ты **не есть** что-то знакомое, рутинное, популярное и постоянно обсуждаемое») пространственно связана с понятием ВНЕ (исключение), т. е. гротеск вовлекает в иной мир, чуждый эмпирике, практическому опыту. Негация в гротескной зоне означает негацию «рудиментарных» стереотипов на всех уровнях: ментальном, когнитивном, коммуникативном, психо-эмоциональном, поведенческом и эстетическом, и проявляется в следующих направлениях: 1. негация канонической, измененной и обесмысленной условностями псевдокоммуникации во имя полноценной коммуникативности; атака проводится посредством мощных функторов: дейктики⁷, гипокористики, метафорики, компаративности; 2. негация Формы посредством Контраформы; 3. негация представления об абсурде; 4. негация уже упомянутой иерархичности сущностей и их локализаций в пространстве посредством градации в восприятии адресата; 5. негация (нейтрализация) цивилизационных поражений посредством ревитализирования архетипа, сопутствующего негацией штампа и застоя. В. Гомбрович атакует их преимущественно неологизмами (оказионализмами) и оксюморонами, а также посредством обновляющего эффекта повторения во всех его разновидностях: аналогии, тавтологии, параллелизме. Часто

встречаются и вариативно-рефренные негативно-гротескные фразы. Даже самое замечательное открытие причинило би свою собственную деструкцию, если его оторвать от его единства с противоположным полюсом духовно-эстетической амплитуды, если не будет насыщено автоиронией: *Więc tyż postanowienie twoje pochwalam albo nie pochwalam [...]* (ТА, 13) *(Так что твое решение я приветствую или не приветствую [...])*. В «нынешний» век (имеется ввиду современность В. Гомбровича) думать – это сумасшествие: собственные мысли опасны и нездоровы, потому что недооценивают неприкосновенные императивы «Великого Дела». Повторная негация представляет собой своеобразную артистическую компрессию, эссенциальную гротескную аббревиатуру (и гротескный пуант) девальвации мышления и условности истины в меркантильно устроенном мире: *Nie jestem ja na tyle szalonym, żebym w Dzisiejszych czasach co mniemał albo i nie mniemał* (ТА, 14) *(Я не до того свихнулся, чтобы в Век нынешний думать или же не думать)*.

1.6. Оксюморон как гротескная аббревиатура

Оксюморон можно рассматривать как микромодель гротескной образности. Атрибутивный характер остро поляризованных компонентов словесной оппозиции «примиряет» их и увлекает в плодотворный симбиоз. Он подсказывает взаимную (реципрочную) гравитацию якобы несовместимых предметов, свойств и явлений. Их абсурдность в рационально-утилитарном плане – это естественность по логике трансценденции и метафизики в космической перспективе. Творчество В. Гомбровича, вопреки привидному вращению корнями в грубую до натурализма реальность, гротескно доминирующее благодаря оксюморону, как опорной конструкции гротеска, совершает трансцендентальный метаморфоз. Два уже упомянутых симптоматических процесса, которые порождают гротескность: синтез гетерогенных форм и дезинтеграция естественных физических

7 Дейктическая стратегия проявляется в глубинном плане высказывания в качестве пресуппозиции: „Посмотри на изображение, которое я тебе предлагаю, и прими его как вызов мышления и твоей эмоциональной (и эстетической) чувствительности, а также в поверхностном плане – посредством прямых дейктических маркеров.

целых, сильно напоминают оксюморонез. Сожительство всевозможных разнородных элементов, строящих один контрафактический мир, доказывает его право на существование рядом с тривиальным миром, пронизанным иронией познания о мнимой пригодности бытия. Гротеск в высшей степени эстетический и именно его эстетическое «облечение» освобождает нас от стресса и расширяет наши познавательные горизонты. Оксюморон, как его конструктивная матрица, максимально способствует этому. Чистая негация как антитеза функционирует как развернутый синтаксический оксюморон, утверждающий естественную логику амбивалентного сосуществования одного и того же объекта. Сплочающая (Когезионная) функция языка доказывает эту логику. *Nie, nie był to wróbel, ale przez to samo, że nie był wróblem, był jednak nie-wróblem, był cokolwiek wróblem...* (K, 86) (*Это был не воробей, но как раз потому, что был не воробей, был не-воробей, т.е. так или иначе, был воробей...*). Видимая бессмыслица, усиленная негацией, скрывает «подпочвенную» логику Космического императива: «Посмотри на отношения между вещами по-иному, осознай их «другую правильность» и неизбежность»: *Tamto było już nieaktualne; ale było aktualne, jako nieaktualne* (K, 84) (*То было уже неактуально; но в сущности было актуальным в качестве неактуального*); *patrzcie z jaką uwagą oddają się nieuwadze* (K, 133) (*посмотрите, с каким вниманием отдаюся я невниманию*). Внушительно также число эротических оксюморонезов: *zimno-lubieżne dążenie do Katusi; brudna czystość; ciepło-chłodna ręka; bezwstydną wstyd; miód miłosny, a wstrętawy* (K, 14, 18, 38, 120) (*холодно-сладострастное стремление к Каташе; грязная чистота; горяче-холодная рука; бесстыжий стыд; мед любовный, да гадкий*). С помощью оксюморонных фраз В. Гомбрович дает великолепное представление о вселенском круговороте, как о чередовании статики и динамики, хаоса и порядка, смерти и жизни, истины и неистины: *bezruch wrzechruchu, Ruch ogromny nieruchomy, To była prawda i kłamstwo jednocześnie* (K, 66) (*неподвижность*

всдвижения, огромное неподвижное Движение, Это было истиной и обманом одновременно).

Оказывается, что гротеск, как парадоксальными ни казались и он сам, и утверждения о нем, является не абстракцией, а скорее адаптацией к вызовам бытия, а оксюморонный симбиоз в его архитектонике является одним из наиболее естественных, балансированных состояний Космоса.

В качестве обобщения наших рассуждений о гротеске можно сделать следующие выводы:

1. В отличие от пародии и иронии, гротеск вытесняет критику на второй план. Она вытеснена эстетической и трансцендентной функциями категории (превращающими утилитарное в метафизическое), которые поддерживают саму возможность критики «формального мышления». Таким образом гротеск обеспечивает бытие иронии и пародии, напоминая о существовании особого категориального круговорота, комической цикличности, в которой каждая из комедий поддерживает существование остальных. Гротеск играет роль лакмуса в процессе установления истины.

2. По сравнению с остальными двумя категориями комического, гротеск в высшей степени чувствителен и соматичен. Он ставит акцент на чувствах и ощущениях, а также стимулирует творческие задатки адресата (сама картинность послыла является мощным адресативом). Отправляя адресату призыв развернуть свой творческий потенциал, продукт включает его непосредственно в гротескный семиозис;

3. Гротеск преодолевает непостижимость мира при помощи артистической игры. Благодаря ей он становится «постижимым», а абсурд оказывается возможным и даже естественным состоянием бытийности;

4. Посредством гротеска раскрывается истина о том, что наши когнитивные возможности слишком ограничены, чтобы уловить и встретить адекватно космические императивы, но мы расширяем их даже одним осознанием этого факта. Участие в гротескной «авантюре» неизменно обогащает наш когнитивный потенциал;

5. Гротеск способствует кристал-

лизации и выяснению смысла понятий, затуманенного рутинной и инерцией мышления;

6. Стереоскопическая конфигурация гротеска дает адресату свободу толковать его многоаспектно и многосторонне, участвовать в его сотворении;

7. Гротеск есть негация невозможного и Смерти, понимаемой как конец. Он символизирует вечную молодость, обнаруживая свою ревитализирующую функцию;

8. Для гротеска характерна разделенная субъективность. Продуктор доверяет адресату и как бы поднимает его до своего уровня. Элитарный и эгалитарный принципы переплетаются – элитарный выбирает духовно возвышенного и готового принять вызов адресата; эгалитарный показывает, что он не единственный избранный и что любая утонченная и духовно богатая личность может быть на его месте. Одолевая эгоцентризм, гротеск по своей сути является иронией избрания, аристократической неприступности и неприкосновенности;

9. Гротеск есть призыв к адресату к выстраиванию успешной коммуникации по модели симбиотических связей между разноликими гротескными компонентами. Оксюморон – показательный пример внутренней коммуникативной гармонии, по модели которой мы должны строить наши коммуникативные отношения. Они могут быть объединяющими и плодотворными, несмотря на противоречия во мнениях и взглядах. Гротеск порождает подлинный и полноценный диалог, возможный только на трансцендентальном уровне после включения адресата в гротескную панораму;

10. В гротеске представлена ситуация постоянного выбора, в которой периметр сравнения неограничен. Он иллюстрирует те структуры мозга, которые участвуют наиболее активно в переработке информации: интуицию, воображение, эмоции и культурные наслоения;

11. На глубинном уровне гротеск выступает как речевой компендиум, обладающий особой локутивной насыщенностью. В нем интегрируются: аффирматив, гипотетический декларатив, волевый и деонтив, кон-

клузив, имагинатив, инвентив, эвокатив, аккламатив, адмиратив, креатив;

12. Гротеск делает язык более творческим и инспиративным, выделяя ряд его функций: креативную, прогностическую, универсально-консолидирующую, эмоционально-экспрессивную, эстетическую, демиургично-эвристическую, эволютивную, спасительную (салютативную), трансцендирующую. Успешное взаимодействие элементов в гротескной зоне намечает перспективу совершенствования и прогресса, подчеркивая коррективную функции языка.

References:

1. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; сокр. F.
 2. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986; сокр. TA.
 3. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. *Kosmos*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000; сокр. K.

4. Димитрова 2009: Димитрова, С. *Лингвистична прагматика*. София: Велес, 1999.

5. Сокул 1971: Sokół, L., *O pojęciu groteski (I)*. // *Przegląd Humanistyczny*, nr. 2, 1971, 71–98.

6. Хамзе 2012: Хамзе, Д. Категория иронии на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен аспект // *Съпоставително езиковедно знание* кн. 3. София: 2012, 39–52.

7. Хамзе 2013 а: Hamze, D. *Irony in its pragmatic aspect*. // *Forms of social communication in the dynamics of human society development. Materials digest of the XXXVII International Research and Practice Conference and the Championship in philological, historical and sociological sciences*. (London, December 05 – December 10, 2012), London: Published by IASHE, 2013, 82–84.

8. Хамзе 2013 б: Хамзе, Д. *Коммуникативные основания иронии*. // *Forms of social communication in the dynamics of human society development. Materials digest of the XXXVII International Research and Practice*

Conference and the Championship in philological, historical and sociological sciences. (London, December 05 – December 10, 2012), London: Published by IASHE, 2013, 90–94.

9. Хамзе 2013 в: Хамзе, Д. *Коммуникативные преимущества иронии*. // *Forms of social communication in the dynamics of human society development. Materials digest of the XXXVII International Research and Practice Conference and the Championship in philological, historical and sociological sciences*. (London, December 05 – December 10, 2012), London: Published by IASHE, 2013, 96–100.

10. Хамзе 2013 г: Хамзе, Д. *Когнитивно-прагматический спектр пародии*. // *In the beginning there was the word: history and actual problems of philology and linguistics. Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences*. (London, March 28 – April 02, 2013), London: Published by IASHE, 2013, 68–73.

**WORLD RESEARCH
ANALYTICS FEDERATION**

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

ASPECTS OF CASE (ON THE MATERIAL OF POLISH LANGUAGE)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University "Paisii Hilendarski",
Bulgaria

The author of article does the attempt of spatial reallocation of the existing conceptual and architectonic paradigm (in Polish), proceeding from perceptual and convergent inter-case (in the sense of traditional case subcategories) «gravitation». Therefore the taxonomical dominant, consolidating case values, subordinated to it in a varying degree, is made out. In this process the tendency to redistribution of the values, belonging to the same traditional case subcategory, in the direction to other spatial and case dominant, is quite logically planned.

Keywords: case, paradigm, space, semantics, value, cognitive, taxonomy, reallocation, conceptualisation, classification.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

АСПЕКТЫ ПАДЕЖНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского,
Болгария

Автор статьи делает попытку пространственного перераспределения существующей концептуально-архитектонической парадигмы (в польском языке), исходя из перцептивно-конвергентной межпадежной (в смысле традиционных падежных субкатегорий) «гравитации», в результате чего оформляется таксономическая доминанта, консолидирующая подчиненные ей в той или иной степени падежные стоимости. В этом процессе вполне логично намечается и тенденция к перераспределению стоимостей, принадлежащих одной и той же традиционной падежной субкатегории, по направлению к другой пространственно-падежной доминанте.

Ключевые слова: падеж, парадигма, пространство, семантика, стоимость, когнитивный, таксономия, перераспределение, концептуализация, классификация

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Категория падежа давно привлекает внимание широкого круга ученых: лингвистов, исследующих грамматику и семантику, логиков, теоретиков перевода, философов и психологов. Этой теме посвящена богатая научная литература и все же остается немало вопросов и широкое поле для анализа, поисков идей, новых теоретических предложений и исследовательских перспектив. Наша скромная амбиция – бросить свет на некоторые недооцененные семантические аспекты категории падежа, которые позволили бы нам выдвинуть предложение в связи с перераспределением и реиерархизацией семантических ролей на основе пространственной доминанты; выявить таксономический (пространственный) инвариант падежности, а также прототипы отдельных субкатегорий. Объем статьи заставляет нас ограничиться рассмотрением категории с идейно-теоретической точки зрения, используя в качестве доказательственного материала примеры из польского языка. Подобное сравнительное или контрастивное монографическое исследование славянских и неславянских языков, без сомнения, оказалось бы исключительно плодотворным.

1.0. Трудности, которые встают перед специалистами, занятыми изучением категории падежа, связаны прежде всего с ее гетерогенным характером – внутренняя разнородность значений в рамках отдельной падежной субкатегории и одновременно с этим ее инту-

итивно улавливаемая когерентность и обособленность на фоне остальных субкатегорий. Грамматисты нередко довольствуются только предложением списков, иллюстрирующих отдельные падежные употребления, не обращая достаточно внимания на их генеалогию и мотивацию. Практически никто не занимается прогнозом и очерчиванием будущих тенденций в развитии падежности. Типические семантические ярлыки обычно произвольны и не дают ясной картины ни внутренней консолидации значений, ни падежной структуры в целом.

1. 1. Одной из невральгических точек в дискуссиях, связанных с категорией падежа, является вопрос о *достаточном основании для идентификации и квалификации падежности*. Согласно мнению некоторых исследователей, таким является только флективная форма слов, а согласно другим, к ней следует добавить и предлоги. По мнению одних, падежность – категория универсальная, которая выражает разными способами (в том числе и аналитическим) семантико-синтаксические отношения во всех языках, а по мнению других, она является привилегией только так называемых синтетических (флективных) языков. В своем пространном исследовании Попытка теории падежей” Здислав Кемпф приводит перечень тех эпохальных (по его собственным словам) концепций, которые отличаются особой углубленностью и способствуют становлению стройной

теории падежей (Кемпф 1978: 5). Среди них:

1/ вклад Бернарди (Bernhardi), который в 1805 г. выдвигает „сенсационное” утверждение, что предлоги исполняют ту же функцию, что и падежные окончания (Бернарди 1805). Простой (на первый взгляд) тезис Бернарди, что роль падежных функторов играют не только окончания, но и предлоги, оказывается весьма плодотворной. Он заметил, что предлоги выражают падежные отношения (стоимости) намного точнее окончаний, которых в нашем языковом ареале значительно меньше по числу. В славянских языках, например, падежей, которые выражаются окончаниями, только 6, если сопоставить падежный статут Звательного падежа (Wołacz), а предлогов около 20.

2/ вклад Адольфа Норийна (Norieen), который ввел понятия *морфологической падеж* (для флективных языков), называемый им *casus* и *семантический падеж* – *status*, который выражается другими языковыми средствами, отличающимися от окончаний. На основе шведского языка Норийн извлекает огромное множество предложных падежей (статусов) – около 74 (не учитывая темпоральные отношения, чья структура тоже по своему характеру пространственна). По мнению шведского лингвиста, не все из них являются языковыми конструктами. Они представляют собой скорее всего логические образования, у которых

нет своих языковых индексов (Норрийн 1903). Отдельным status-ом Норрийн рассматривает так называемый *partitivus* (падеж, означающий часть, отделенную от целого, напр. *en gren av trädets* (швед.) ‘gałąż dzewa’ (‘ветка дерева’), и т. наз. *separativus* когда часть уже полностью отделена от целого: *huden av kreaturet* (швед.) ‘skóra zwierzęcia’ (‘шкура животного’) (примеры приводятся по Кемпфу 1978: 12);

3/ вклад Л. Ельмслева, который переносит исследования с ограниченной территории, „культивированной” индоевропейским (сопоставительным) языкознанием, на почву самых разнообразных мировых языковых систем, например, полифлексивных кавказских языков. Датский структуралист ввел в свою теорию падежа понятие *измерения* (dimensions), что исключительно важно для пространственной таксономичности (которую мы попытаемся защитить) анализируемой семантической категории.

Очевидно пространственная соотнесенность в падежных связях берет перевес и как будто вбирает в себя маргинальные семантические дифференциации. Межпадежная интерференция, гибкость и субститутивность делает рельефной условность, относительность и зыбкость падежной идентичности и дистрибуции, так же как и необходимость в перераспределении существующей падежной конфигурации.

4/ вклад В. Гумбольдта, который ввел в теорию падежей понятие *порядок слов* и обособил четыре типа языков: флексивные, агглютинативные, позиционные и инкорпоративные. Порядок слов имеет свое место в языках последнего типа. Самое большое число языков, в которых падежи выражаются окончаниями или служебными словами, меньше таких с позиционными падежами (китайско-тибетские языки), а наиболее скромно представлены те языки, в которых *контекст* – основной фактор для падежной классификации (язык мальгаши, частично китайский, японский и некоторые специфические, изолированные индоевропейские формы) (по Кемпфу 1978: 6).

1. 2. Деление падежей на *локальные* (пространственные) и *логические* (называемые некоторыми учеными *грамматические*), не ведет к прояснению

картины, несмотря на возникновение в относительно новые времена двух самостоятельных школ – *локалистов* и *антилокалистов*. Падежи, выражаемые предлогами типа ‘na’, ‘nad’, ‘pod’, ‘przed’, ‘za’, ‘w’ (‘на’, ‘над’, ‘под’, ‘перед’, ‘за’, ‘в’), квалифицируются как пространственные, а те, которые выражают очень близкие отношения между двумя предметами А и В (как *dopełniacz, biernik, celownik* и *narzędnik*) (Родительный, Винительный, Дательный и Творительный) определяются как логические. Это означает, что логическая связь между предметами при определенных падежах лишена идеи пространственности и экспонирует какие-то чистые, в известной степени искусственные отношения. Неестественная оппозиция безосновательно противопоставляет падежи вышеуказанных двух типов, у которых на самом деле есть общая семантическая платформа, а именно пространственность. Варьирование дистанции между предметами как главный фактор, генерирующий падеж, не отменяет, а подтверждает их конвергентность посредством пространственного ориентира, который для падежей оказывается единственным связующим макросемантическим звеном.

Многочисленные синкретизмы (кстати, не существует лексемы с разными формами во всех падежных позициях), почти абсолютные для польских лексем *pani, gospođyni* (‘госпожа’, ‘домохозяйка’) и абсолютные для слов латинского или другого иноязычного происхождения *muzeum, zoo, kilo* (музей, зоопарк, килограмм (кило)) свидетельствуют о тенденции к ограничению преимущественно флексивного падежного маркера и установлению аналитической предложно-флексивной или только предложной модели, которая четко демонстрирует пространственную мотивацию и, соответственно, архитектуру падежных отношений.

Логическую концепцию можно оспаривать по двум причинам: 1. сама логика не лишена семантики, а является ее прямым воплощением и результатом; 2. антиномический замысел, т.е. идея противопоставления двух концепций по пространственному критерию неубедительна, так как близкие отно-

шения между двумя предметами, выраженные вышеуказанными падежами не опровергают, а подтверждают значимость пространственного фактора у обоих падежных типов. Все падежи сколь пространственны, столь и логичны; 3. логическая концепция (синоним грамматической) формализует (делает механической) падежную основательность, пренебрегая ролью семантики в падежном генезисе, и в то же время игнорирует факт, что каждая морфема наделена своей семантической мотивацией. Сторонники этой концепции довольствуются перечислением отдельных падежных употреблений и весьма произвольным приклеиванием семантических ярлыков, которые приводят единственно к замешательству, вместо того чтобы представить охватывающую картину внутренней когезии падежной структуры в целом. Они не объясняют почему часто одна и та же семантическая функция может выполняться двумя или тремя субкатегориями падежной системы (напр. *Mianownik, Biernik, Celownik*) (Именительный, Винительный, Дательный). Представители другой ориентации занимаются поиском *семантического инварианта* – значения, общего для всех употреблений. Поиски распределяются в двух направлениях: 1. система семантических показателей, предложенная Р. Якобсоном (Якобсон 1936); 2. разные варианты локалистической теории. 3. Кемпф – типичный представитель второго направления. Семантический инвариант является решительно более надежной исследовательской стратегией, но его нужно доработать и уточнить, с тем чтобы он не остался слишком абстрактным и негодным служить средством дескриптивного анализа. Кроме того, такое слишком абстрактное описание не может учесть внутреннюю дифференциацию в рамках отдельной субкатегории.

Переломным моментом в исследованиях категории падежа стала теория „глубокого падежа”, предложенная в конце шестидесятых годов американским ученым Чарльзом Филлмором (Филлмор 1977). Его постулат об организации языковых структур посредством определенного набора *семантических ролей* становится основой когнитивистской теории. Нововведенная и

многообещающая категория, однако, несмотря на свою методологическую убедительность, практически оказывается не особенно употребимой: одному „глубокому падежу” можно приписать несколько „поверхностных” и наоборот, одна и та же „поверхностная” форма часто находит несколько „глубоких” соответствий.

Самым эффективным, по нашему мнению, был бы когнитивный подход с его основными представителями: пространственными параметрами и метафорой. Американский лингвист (когнитивист) Рональд Лангакер предлагает сетевую модель (Лангакер 1987), которая, безусловно, оказалась бы полезной при исследовании категории казуальности (от casus – падеж). Когнитивная грамматика имеет дело не с застывшими единицами и категориями, а с отношениями, которые постоянно генерируют мобильность и динамику. Именно это делает ее особенно подходящей для конструирования новой падежной модели, основанной на интер- и интраказуальной „диалогичности” падежей.

Причинность, как семантическая репрезентема, также имеет пространственные измерения – в прошлом причинные отношения выражались или формальным N (Тв.) или падежами для отдаления от чего-либо ablativus, elativus. Нередко причина ассоциируется с орудием действия, и это понятно, поскольку концептуализатор делает попытку придать конкретные материальные измерения неуловимому в непознаваемом и угрожающем ему мире. Нож, топор, молот или перо являются пространственными аппроксимативами, намечающими спасительную иллюзию стабильности и владения ситуацией: *zginęli są mieczem* (погибли от меча) (пример по Кемпфу 1973: 8). Доказательством пространственной конкретизации причинности как философской (онтологической) категории могут служить многочисленные примеры в русском языке, иллюстри-

рующие позицию *za* предметом (причиной): *смотреть из-за дерева / из-за дождя я опоздал* (пример по Кемпфу 1973: 9). „Терпящий на себя” может быть и в позиции *przed* предметом, как это видно в германских языках, в старопольском и латинском. В каждом из них конструкция возникала спонтанно, без возможности для взаимного влияния: *‘Ich stehe vor der Tür’* (нем.) ‘стою перед дверью’ / *vor Hunger sterben* ‘умереть с голода’ (дословно ‘перед голодом’, *‘vor Furcht zittern* ‘дрожать от страха’ (пример по Кемпфу 1973: 9). Подобным был и старопольский синтаксис, ярче всего проявившийся в XVI в., когда он начал постепенно изменяться, пока не принял свой современный вид: *„drżę przed strachem, przed zimą”* (‘od zimna’) (дрожать от страха, от холода – букв. перед страхом, холодом).

Темпоральные отношения во всех языках тоже выражаются пространственно, конечно, с основанием. Мы не будем обстоятельно останавливаться на темпоральной падежности, так как ее изучение было бы монографическим по объему. Рефлекс каждого человека к сегментированию времени превращает его в единую меру жизни и действий индивида, который „соразмеряет” как свое актуальное существование, так и свое бессмертие в виде серий терминальных (по аналогии с крайним, переходным земным – биологическим – существованием) отрезков. Теория А. Эйнштейна связывает пространство и время в один континуум и таким образом фиксирует продукт языкового мышления в разные эпохи и разные точки мира. Вот как локалистическая теория набирает скорость и берет перевес перед логистической. Примеры как *‘w roku’, ‘we dnie’, ‘w domu’* (‘в году’, ‘на дне’, ‘в доме’) представляют *inessiv* (падеж, связанный с внутренностью чего-либо), так как *‘od roku’* (‘с года’) *ablativus* – падеж с функцией удаления, как и в примере *‘od/z domu’* (‘от дома’).

Аксиологический профиль падеж-

ности (*appretiativ*) тоже характеризуется пространственным происхождением – оценочные параметры являются метафорами пространственных: *Znalazł się za wszystkimi w klasie z fizyki* (пример по Калишу 1998: 194) (‘По физике он был среди отстающих в классе’ – букв. ‘за всеми’), *Ukorzył się przed dziesięcioma milionami, Wahał się przed podjęciem decyzji, Przed miłością przedkładał wolność, Nie mógł obronić się przed miłością, przed nudą, zmęczeniem, pokusą, pragnieniem* (Покорился перед десятью миллионами, Колебался перед принятием решения, Любви (букв. перед любовью) предпочитал свободу, Не мог предостеречься от любви, скуки, искушения, желания – букв. **перед...**), как и беспредложные синтагмы: *ulec pokusie, pożądanu* (примеры по Калишу 1998: 194–195, заметки авторские Д. Х.) (‘предаться искушению, желанию’).

Аблативно-алативные реципрокные фразы с традиционным возвратным *C¹* всегда оценочны в силу своего субъективно-экспрессивного характера. Коннотации фамильярности и близости, выражаемые подлежащим, очерчивают аксиологический профиль фразы: *Niech sobie tańczą; niech sobie klną.* (‘Пусть себе танцуют’; ‘пусть себе ругают’). Оценочными являются и многие глаголы, которые традиционно управляют разными падежами: *unikąć, wyprzeć się, wyrzucić się, nienawidzić kogo, czego* (D) (‘избегать кого-либо, чего-либо, отречься, отказываться от кого-то, чего-то, ненавидеть кого, что’ (рос. Вин.)) (Под.), *złorzeczyć, zazdrościć,...* (C) (‘злословить, завидеть кому’) (Дат.), *zachwycać się, delektować się,...* (N) (‘восхищаться, наслаждаться кем, чем’) (Тв.), *podziwiać, cenić, szanować, czcić,...* (B) (‘восхищаться (быть очарованным кем, чем (рос. Тв.)), ценить, уважать, почитать кого’) (Вин.)

В свете новых рассуждений над категорией падежа как преимущественно пространственная величина, мы могли бы дефинировать ее как семантико-

1 В целях экономии будем использовать соответствующие инициалы польских падежей: M, D, C, N, B, Ms, W (Им., Род., Дат., Тв., Вин., Пр., Зв.).

2 Это наше терминологическое предложение для прототипной и кооперирующей макрокатегории, которая „оглавляет” и управляет рядом субординированных категорий (семантических аппроксимативов).

3 Мы предлагаем этот термин, созданный по модели используемого З. Кемпфом терминологического аппарата, полностью основанного на латинской падежной терминологии, отражающей *de facto* пространственные отношения. Именно в силу этого он является особенно подходящим для когнитивистики, у которой еще нет выработанного, уточненного и утвержденного терминологического инструментария.

грамматическую категорию, выражающую отношения между предметами в пространстве посредством прямых физических или метафорических взаимосвязей, с помощью нескольких видов лингвистических средств: 1. флективных окончаний (или подобных постпозиционных элементов в агглютинативных языках) (морфологические средства); 2. служебных слов (предлогов, послелогов, даже союзов) (синтаксические средства); 3. лексических средств (в некоторых дальневосточных языках – японский, китайский) 4. порядка слов (позиционные средства) – в кавказских языках. С когнитивной точки зрения падеж – „бессмертное” языковое явление, и оно не перестанет существовать даже после исчезновения всех флективных окончаний. Если их становится меньше, то нарастает доля предлогов или вспомогательных слов, которые умножают свои функции.

2.0. Попытка пространственной интерпретации в защиту таксономического характера падежности.

Наши наблюдения показывают, что падежная парадигма в славянских языках (в частности, в польском языке) может быть консолидирована на основе одного универсального принципа, представленного *пространственной макросемантемой*². Всю совокупность отношений между предметами, охваченными соответствующими казуальными субкатегориями (так мы называем утвержденные традиционной грамматикой падежи), можно свести к пространственному прототипу, и она представляет собой множество дериватов. Переносимые падежные употребления – это метафора пространственных корреляций, они в той или иной степени гравитируют вокруг своего пространственного первоисточника.

Указанная выше в нашем изложении необходимость в гипотетическом переструктурировании падежной системы находит свои основания именно в пространственном субстрате. Пространственная макротаксонома, которую мы назовем *полиспектральным спативом*³, раскрывает развернутую парадигму падежных субкатегорий (альтернантов), которые в результате семантической перегруппировки приобретают новую „самоличность”: усиленное взаимодействие тождественных

или сходных функций традиционно разных падежей перенаправляет их на объединение в одну совместную падежную субкатегорию, а специфические и представительные для данного падежа функции (если они в достаточной степени рельефны) остаются его дифференциальным признаком, достаточным как для самоидентификации падежа, так и для более точного его наименования. Вопреки этой на первый взгляд утяжеленной ситуации в результате „перенагружения” парадигмы: множество предлогов, формирующих симптоматику разных падежей, связанных, однако, одинаковыми или сходными функциями, попадет или в одну пространственную категорию, или в разные, но близкие „подведенные под общий пространственный знаменатель” субкатегории – это является надежным способом объяснения казуальной мотивации. Вопросы типа, почему и предлог *do*, и предлог *na* обозначают движение, но употребляются с разным падежом (*Dopełniacz*; *Biernik*) (Род., Вин.), просто исчезнут. Предложная омонимия также нашла бы удовлетворительное объяснение.

2.1. В основе путаницы лежат неудачные названия падежей.

– Название падежа во многих случаях не указывает на семантическую доминанту (квалификанту), а выводит на передний план несущественную или общую с другими падежами характеристику, что приводит к контаминации, к внутренней „деидентификации” и к дублированию функций, которые являются частью семантико-синтаксического реестра разных, согласно классической версии, падежей.

– Весьма часто название падежа является результатом смешения разных, хотя и сходных, критериев – семантических, синтаксических и прагматических: *mianownik* – ‘называющий имя’ (семантико-прагматический критерий), *dopełniacz* – ‘дополняющий’ (синтаксический критерий), *celownik* – ‘цель’ (семантико-прагматический критерий), *biernik* – ‘пассив’ (семантико-синтаксический критерий), *narzędnik* – ‘средство для работы’ (семантический критерий), *miejscownik* – ‘место’ (семантический критерий), *wołacz* – ‘призыв, обращение’ (синтаксико-прагматический критерий).

3.0. Пространственно-семантическая классификация падежей

Пространственно-семантическую субкатегорию как родовое понятие мы принимаем в качестве ведущей. Обычным шрифтом оформлены ее подкатегории как видовые понятия, а непосредственно после примеров, иллюстрирующих перераспределение, указывается в скобках вторично-комплементарный семантический признак (если такой есть), а также традиционный падежный маркер.

В качестве пространственной макросемантемы как глобальной единицы мы принимаем актив в его роли координатора падежных связей в предложении – он их детерминирует и распределяет. Близкое соседство латинских терминов как наиболее адекватных для предложенного когнитивного ракурса исследования, с традиционными польскими названиями падежей, продиктовано соображениями облегчения идентификации семантических ролей, распознаваемых при помощи знакомых названий падежей. Идея в том, что довольно большая часть популярных падежных употреблений можно объединить на основании общей функции (независимо от разных способов выражения) в одной категории высшего порядка (ведущей), отражающей (имплицитующей) эту общность. Главный актант в предложении не всегда ясен (эксплицитован), но это не отменяет его доминантностью, в семантическом отношении, позиции:

актив – функция главного актанта в предложении

człowiek zawsze narzeka (М) (человек всегда жалуется) (Им.).

on jest jego ojcem (формальный N) (он его отец) (пол. Тв.)

on jako nauczyciel pracuje w szkole podstawowej (+ эссив) (М) (он работает в начальной школе **учителем**) (пол. Им.).

on pracuje nauczycielem (стпол.) (+ эссив) (N) (он работает в начальной школе **учителем**) (Тв.) (без компаративного функтора).

pachnie sianem; trzęsie mną (эргативный N) (пахнет сеном; меня лихорадит) (пол. Тв.)

krwą mu nabiegły żrenice (эргативно-деятельный N) (его зрачки наполнились кровью – букв. кровь исполнила его зрачки) (Тв.)

*dolega mi żołądek; spalo mu się do-
brze* (эргативный C) (у меня болит желу-
док – понимать как: „я испытываю боль
в желудке”; ему спалось хорошо (букв.
приблиз.: „ему было хорошо после здо-
рового сна” (‘он чувствует себя хорошо
после здорового сна’) (эргативный Дат.))

boli mnie (эргативный B) (мне бо-
льно – понимать как: „я испытываю
боль”) (пол. Вин.)

*dużo wody zalalo wieś; brakuje mąki;
trupów tu jak maku* (эргативный D)
(много воды залило деревню; не хвата-
ет муки; трупов здесь видимо-невиди-
мо) (Род.)

эссив – функция идентичности

na imię ma Jan (B) (его зовут Ян –
букв. он несет имя Ян) (Вин.)

аллатив – функция приближения к
десигнату

jadę do miasta (D); *idę do szkoły* (D);
droga wiodła ku wiosce (C) (еду в город
(пол. Род.); иду в школу (пол. Род.); до-
рога вела к деревушке (Дат.))

*idę na akademię, pocztę, uniwersytet,
dworzec, lotnisko* (B) (иду в академию,
на почту, **в** университет, **на** вокзал, **в**
аэропорт (Вин.))

otał się o popularność (B) (прикос-
нулся к популярности) (пол. Вин.)

*naraża się na niebezpieczeństwo, na
przykrość* (B) (подвергается опасности,
неприятности) (пол. Вин.)

cieszę się na jego przyjście (B) (+ экс-
прессив) (радуясь его приходу – букв.
’на его приход’) (пол. Вин.)

wierzę w sprawiedliwość (B); *mam za-
ufanie do przyjaciela* (D); *ufam rodzicom*

(C); *ulec pokusie, pożądanu* (C) – (+
апериатив – оценка) (верю в спра-
ведливость (Вин.); я доверяю своему
другу (пол. Род.); я доверяю родителям
(Дат.); поддаюсь искушению, желанию
(Дат.)).

консекутив – конфигурация алла-
тивна по своей сути, но здесь и объект
передвигается:

iść po śladach (Ms); *dżuma za nimi w
ślad biegła* (N) (идти по следам (Пр.);
чума их преследовала – букв. ‘чума
бегала вслед за ними’ (Тв.))

tęsknie po tobie (Ms) (+ экспрес-
сив) (скучаю по тебе – букв. ‘за тобой’
(Пр.)).

wymawiam słowa za nauczycielką
(N); *maluję pod Wrubla* (B) (+ имитатив)
(выговариваю слова вслед за учитель-
ницей (Тв.); пишу под Врубеля – букв.
‘под Врубеля, как будто влез в его
кожу’ (Вин.)).

*postąpił według, wedle, podług prze-
pisów; wzoru* (D) (поступил согласно
предписаниям, образцу (пол. Род.) (+
имитатив (подражание), репетитив
(повторение), респектив – соответствен-
ность)

ze względu na zdrowie przestał palić
(B) (+ результатив) (**ввиду** состояния
здоровья он бросил курить – понимать
как: ‘**относясь** с вниманием **к** своему
здоровью...’ (пол. Вин.))

финалис (цель), дестинатив (пред-
назначение)

dążyć do celu (D) (стремиться к
цели (пол. Род.))

szczotka do włosów; pasta do zębów
(D) (+ предназначение) (щетка для во-
лос, паста для зубов (зубная) (Род.))

dalem to dla brata (D); *to dla zabawy*
(D) (я дал это для твоего брата; это для
забавы (Род.))

idę po chleb; dzwonię po lekarza (B)
(иду за хлебом; звоню за врачом (пол.
Вин.))

*starać się, dbać, troszczyć się, upomi-
nać się, sprzeczać się, bać się o coś* (B)
(стараться, заботиться, быть внимате-
льным, настаивать, ссориться, бояться
о чем-нибудь (пол. Вин.))

umrzeć, walczyć za ojczyznę (B)
(умереть, бороться за родину (Вин.))

martwić się, trapić się, trwożyć się o
(B) (+ эмотив, экспрессив) (беспокои-
ться, убиваться, тревожиться о (Вин.))

opiekować się kim (N) (+ гумани-
татив – эмпатия, забота о ком-нибудь)
(заботиться, проявлять заботу о (пол.
Тв.)).

*material na ubranie, udala się do
Kościoła na modlitwę, biorę to na pa-
miątkę* (B) (ткань на платье, она пошла
в церковь на молитву, я беру это на па-
мять (Вин.))

na dobre i na złe czasy, na zdrowie
(B) (+ апериатив) (**на** добрые и плохие
времена (**на** белые и черные дни); **на**
здоровье (Вин.)).

dalem, przekazałem, doręczyłem,

*wręczyłem, powierzyłem to bratu, nauczy-
cielowi* (C) (+ датив) (я дал, предал, пре-
доставил, вручил, поверил это своему
брату, учителю (кому) (Дат.))

poświęcam to rodzicom (C) (+ хо-
норификатив, эстиматив – проявление
уважения, почтения к кому-нибудь) (я
посвятил это своим родителям (Дат.))

pomnik ku czci bohaterów (C) (памя-
тник в честь героям (пол. Дат.)).

каузалис⁴ (причинность)

cieszę się temu (C) (я рад тому (Дат.))
*umrzeć na gruźlicę, na jego rozkaz,
na czyjąś prośbę* (B) (умереть от тубер-
кулеза, по его приказу, по просьбе кого-
нибудь (пол. Вин.)).

*opowiadać, mówić, pisać, dyskusjo-
wać, informować, myśleć o czymś* (Ms)
(+ вербальный аппроксиматив – отно-
шение приближения к чему-нибудь с
помощью языка, слова) (рассказыва-
ть, говорить, писать, дискутировать,
информировать, думать о чем-нибудь
(Пр.))

opowiedział mi o swoich kłopotach
(Ms) (информатив, конфессив – испове-
дальность) (он рассказал мне о своих
хлопотах (Пр.)).

lekarstwo na ból głowy, grype, kaszel
(B), *lekarstwo przeciw bólowi, stresowi,
grypie* (C) (+ контрарность – атаку-
ющая аппроксимация) (лекарство от
головной боли, гриппа, кашля, стресса
(пол. Вин., Дат.)).

темпоральные отношения

na miesiąc, na dwa lata (B) (+ кван-
титатив – количество времени) (**на** ме-
сяц, **на** два года (уехал) (Вин.))

wyjadę za rok, za miesiąc (B) (+ про-
спектив – фиксирован также интервал
приближения к объекту) (я уеду **через**
год, **через** месяц (Вин.)).

аблатив – движение изнутри нару-
жу, отдаление, отталкивание от объекта
*wracam ze szkoły, z biblioteki, zjechał
z drogi* (D) (возвращаюсь из школы, из
библиотеки, сошел с дороги (Род.)).

cieszę się z prezentu, ze spotkania (D)
(+ экспрессив – позитивная дистанция:
уносить с собой приятное ощущение,
хорошую память, „удаляться” удовлет-
воренно) (радуясь подарку, встрече
(остаюсь с хорошими впечатлениями
от ...)) (пол. Род.)).

4 В силу некоторых различий в метафорической концептуализации пространственных отношений в субкатегориях каузалис, финалис, дестинатив, компаратив, квантификатив и квалификатив, каждая из них, взятая в отдельности, относится более чем к одной родовой падежной структуре.

przebywał z dala od domu, odbył od brzegu; oszedł od okna; stronił od ludzi (D) (пребывал далеко от дома, оттолкнулся от берега; отошел от окна; сторонился людей (Род.)).

proszki od bólu głowy, okulary od słońca, płaszcz od deszczu (D) (конфронтатив – снятие боли, избегание солнца, дождя – ассоциируется с отдалением от причины неудобства, неприятного ощущения) (порошки от головной боли, очки от солнца, плащ от дождя (Род.)).

specjalista od spraw morskich (D) (+ аппрециатив; после решения проблем отдалается от них) (специалист по морским делам (пол. Род.)).

nawymyślać od łobuzów, darmozjadów, próżniaków (D) (+ аппрециатив; руганью засвидетельствовать желание отдалиться (дистанцироваться) от того, кто является причиной ругани) (грубо ругаться, называя кого-либо хулиганом, дармоедом, бездельником (пол. Род.)).

narzeka na niewygody (B) (вербальная дистанция) (жалуется на невзгоды (Вин.)).

ukrywa się przed nim; wstydzi się przed ludźmi (N) (укрывается от него; стыдится перед людьми (Тв.)).

wskutek (na skutek) przemarznięcia ciężko zachorował (D) (+ резултатив) (в результате простуды заболел тяжело (Род.)).

szastać, szafować pieniędzmi (N); *trwonić pieniądze, zdrowie, siłę, czas* (B) (+ дисперсив – отношения, связанные с рассыпанием, с хаотическим и бесполезным движением в пространстве; дивергентные процессы) (сорить, сеять деньгами (Тв.); тратить деньги, здоровье, силы, время (Вин.)).

каузалис

umrzeć od (z) głodu; drżeć ze (od) strachu (D) (умереть с голоду; дрожать от страха (Род.))

twarz rozpalona od gorączki; głowa boli od hałasu (D) (лицо пылающее от горячки; голова болит от шума) (Род.)

uciekać od wroga (D) (убегать от врага) (Род.)

темпоральные отношения

od tego momentu, od wczoraj, od zimy, od tygodnia, od miesiąca, od godziny (D)

za młodu (D) (с того момента, со вчерашнего дня, от зимы, от недели, от месяца, от часа, смолоду) (Род.)

аблатив-аллатив

od słowa do słowa, od stóp do głowy, od początku do końca (D) (от слова к слову; с ног до головы; с начала и до конца) (Род.)

темпоральные отношения

od czasu do czasu, od wtorku do soboty, od maja do września (D) (время от времени; от вторника до субботы, от мая до сентября) (Род.)

комплетив – дополняющее, комплементарное отношение

oprócz niego byli tam i inni; w pokoju oprócz mebli pełno było walizek (D) (кроме него там были и иные; в комнате кроме мебели было полно чемоданов) (Род.)

prócz tego pokoju był jeszcze jeden mniejszy (D) (кроме этой комнаты была еще комната поменьше) (Род.)

элатив – движение изнутри объёма

ptak wymknął się z potrzasku (D) (птица выбралась из ловушки) (Род.)

каузалис

zamordował ją z zazdrości (D) (убил ее из ревности) (Род.)

генитив

córka pisarza, syn dziennikarki (D) (дочь писателя; сын журналиста) (Род.)

провенциал (происхождение)

pochodzi z książęcego rodu (D) (происходит из княжеского рода) (Род.)

rzeźba w marmurze (Ms) (скульптура из мрамора, букв. в мраморе (вышла из мрамора) (пол. Пр.))

budować w kamieniu (Ms) (строить из камня, букв. в камне) (пол. Пр.)

pieniądze w złocie (Ms) (деньги золотом (деньги из золота, букв. в золоте) (пол. Пр.))

результатив

lekarstwo w proszku, w płynie (Ms) (лекарство в виде порошка, букв. превращенное в порошок, жидкое лекарство (превращенное в жидкость) (пол. Пр.))

посессив

samochód ojca, uroda dziewczyny (D) (машина отца; красота девушки) (Род.)

nie mam czasu, nie mam pieniędzy, długopisu; nie posiadam auta (D) (+ негатив) (у меня нет времени; нет денег, ручки; нет машины) (Род.)

дестинатив (предназначение)

dziurka od klucza (D) (замочная скважина, букв. дырка для ключа) (Род.)

партитив

dach gmachu, nóżka lalki (D); *drzwi od szafy* (D) (+ атрибутив) (крыша здания; ножка куклы; дверца шкафа) (Род.)

pięć ołówków, dużo pracy, trochę mąki, butelka wina (D) (+ квантификатив) (пять карандашей, много работы, немного муки, бутылка вина) (Род.)

mężczyzna orlego nosa (D), *o orlim nosie* (Ms), *z orlim nosem* (N) (+ квалификатив) (мужчина с орлиным носом (пол. Род.), (пол. Пр.), (Тв.))

антелатив – движение перед объектом

samochód zjechał przed dom (машина заехала перед дом) (Вин.)

wyżalił się przed matką (N), *mamie* (C) (+ аппрециатив) (пожаловался перед мамой (Тв.), маме (Дат.))

wahał się przed podjęciem decyzji; przed miłość przedkładał wolność; nie mógł obronić się przed miłością, nudą, zmęczeniem, pokusą, pragnieniem; ukorzył się przed dziesięcioma milionami (N) (+ аппрециатив) (букв. колебался перед принятием решения (перед тем как принять); любви предпочитал свободу, букв. перед любовью; не мог предохраниться от (букв. перед) любви, скуки, усталости, искушения; смирился перед десятью миллионами (пол. Тв.))

zdożył pierwszą nagrodę przed czołowymi zawodnikami (N) (+ аппрециатив) (выиграл первый приз и вышел перед ведущими состязателями) (Тв.)

каузалис

trząść się przed zimą (N) (трястись от холода, букв. перед холодом) (пол. Тв.)

uciekać przed wrogiem, drżeć przed strachem (N) (убегать от врага, букв. перед врагом, дрожать от страха, букв. перед страхом) (пол. Тв.)

антеессив – фронтальное местоположение перед объектом

stanął przed drzwiami; przed domem był skwer; przede mną stał tłum ludzi (N) (стал перед дверью; перед домом был сквер; передо мной стояла толпа людей) (Тв.)

темпоральные отношения

wstaje przed świtem; zażywa lekarstwo przed obiadem; bierze pensję przed pierwszym; przed rokiem podjął nową pracę (N) (встает перед рассветом; принимает лекарство перед обедом; получает пенсию перед первым числом; год

назад поступил на новую работу, букв. **перед** годом) (Тв.)

илатив – движение, направленность вовнутрь объекта

kamień spadł w wodę (В) (камень упал **в** воду) (Вин.)

wpadł w dobry humor; zapadł w sen (В) (пришел в хорошее настроение, букв. ‘впал в хорошее настроение’; впал в сон) (Вин.)

włączył się w odbudowę kraju (В) (включился **в** восстановление страны) (Вин.)

inwestował w budowę domu (В) (инвестировал **в** строительство дома) (Вин.)

wpędził go w rozpacz (В) (+ аппрециатив) (бросил его **в** отчаяние) (Вин.)

połamać coś w kawalki; dom rozpadł się w gruzy (В) (+ резултатив) (поломать что-либо на куски, в куски; дом рухнул **в** руины) (Вин.)

śmiały się w głos; puścili się w cwał; ułożył kwiaty w bukiet; szmer przeszedł w hałas; zamieniła się, przemieniła się, pszekształciła się, przeistoczyła się, wcieliła się, przeobraziła się w żabę; miasto zamieniło się w ruinę; podejrzenie zamieniło się w pewność (В) (+ трансформатив – пространственные отношения перехода из одного состояния в другое) (смеялись в голос; пустились **в** галоп; собрал цветы **в** букет; шорох перешел **в** гул; превратилась **в** лягушку; город превратился в руины; подозрение превратилось в убеждение) (Вин.)

podobny kubek w kubek do ojca (В) (+ компаратив) (они с отцом похожи друг на друга как две капли воды, капля в каплю, букв. ‘кубок в кубок воды’) (Вин.)

chodził za kimś krok w krok (В) (+ имитатив, итератив – подражание, повторение) (ходил за кем-либо шаг в шаг, вплотную за ним) (Вин.)

dał to w dowód pamięci (В) (+ финалис) (дал это **в** доказательство, что помнит) (Вин.)

zjedli obiad w pięcioro (В) (+ квантификатив) (обедали впятером букв. ‘**в** группе из пяти человек’) (пол. Вин.)

темпоральные отношения

dzień w dzień, w dzień, w niedzielę, w południe, w noc, w niepogodę (В) (изо дня в день, ежедневно, букв. ‘день в день’; днем, букв. **в** день; **в** воскресенье, **в** полдень; ночью, букв. ‘**в** ночь’; **в** непогоду’) (пол. Вин.)

zrozumieli w lot (В) (+ модалис – способ) (поняли его с полуслова, букв. ‘**в** полете’) (пол. Вин.)

инессив – местонахождение внутри объекта

mieszka w stolicy; został w mieszkaniu; siedzi w fotelu; mleko w szklance (Ms) (проживает **в** столице; остался дома, букв. ‘**в** доме’; сидит **в** кресле; молоко **в** стакане) (Пр.)

ma to w wyobraźni; zachował ją w pamięci; dziewczyna w rumieńcach; był w głębokiej rozpacz (Ms) (держит это в воображении; сохранил ее в памяти; был в глубоком отчаянии) (Пр.)

plawić się w szczęściu, rozkoszy; kochać się w kim (Ms) (растаять от счастья, букв. ‘**в**’; от удовольствия; влюбиться в кого-либо) (Пр.)

był w złym humorze; bredził w gorączce; wyrwał w miłości (Ms) (был **в** плохом настроении; бредил в горячке; был упорным в любви) (Пр.)

apteczka wyposażona w podstawowe leki (В) (аптечка, снабженная основными лекарствами, букв. ‘**в**’) (пол. Вин.)

otrzymał to w darze, w posagu (Ms) (+ трансформатив) (получил это **в** подарок, **в** приданое) (пол. Пр.)

serce przepelnione goryczą (N) (+ резултатив) (сердце, исполненное горечи, букв. ‘горечь находится в сердце’) (пол. Тв.)

powieść w dwóch tomach (Ms) (+ квантификатив) (роман в двух томах) (Пр.)

suknia w białym kolorze (Ms) (платье белого цвета, букв. ‘**в**’) (пол. Пр.); *material w kratkę, w kwiatki* (В) (ткань **в** клетку, **в** цветочки) (Вин.)

przyszł w poszukiwaniu jedzenia (Ms) (пришел **в** поисках еды (Пр.) (+ финалис)

каузалис

rzucili się na nich w przystępie szalu (Ms) (набросились на них **в** приступе безумия) (Пр.)

człowiek dobrego serca, wielkiej mądrości (D) (+ квалификатив) (человек с добрым сердцем, (подразумевать ‘доброта находится **в** его сердце’); человек большого ума (подразумевать ‘ум находится **в** его голове’)) (пол. Род.)

темпоральные отношения

w roku 2013, w lutym, w czasie urlopu, w dniu ślubu, w ostatniej chwili, w młodości (Ms) (**в** 2013 году, **в** феврале, **во** время отпуска, **в** день свадьбы, **в**

последний момент, **в** молодости) (пол. Пр.)

сублатив движение под объектом (верхнеприблизительный падеж)

iść pod prąd; wpaść pod samochód; schronić się pod drzewo (В) (идти против течения, букв. ‘**под**’; попасть под машину; укрыться под деревом) (пол. Вин.)

oddać projekt pod dyskusję; pod głosowanie; wziąć coś pod rozwagę (В) (+ аппрециатив) (подвергнуть проект дискуссии, букв. ‘**под**’; голосованию, букв. ‘**под**’; взять во внимание, букв. ‘**под**’) (пол. Вин.)

tańczył pod melodię walca; dobrała torebkę pod kolor sukienki (В) (+ имитатив, репетитив, респектив) (танцевал **под** мелодию вальса; подобрала сумку **под** цвет платья) (Вин.)

каузалис

dzwi ustąpiły pod naciskiem ręki; aresztowano go pod zarzutem kradzieży; uginał się pod ciężarem; dalać pod wpływem chwili (N) (дверь отступила **под** нажатием руки; арестовали его по обвинению в краже, букв. ‘**под** обвинением’; изгибался **под** тяжестью; действовал **под** влиянием момента) (Тв.)

субессив – местоположение под объектом

leżeć pod koldrą; nosił pod marynarką ciepły sweter; pod książką znalazłem zeszyt (N) (лежать **под** стеганым одеялом; носил **под** пиджаком теплый свитер; **под** книгой я нашел тетрадь) (Тв.)

pod pregiertem, pod naciskiem, pod okupacją, pod jarzmem, pod kierunkiem, pod dowództwem, pod kontrolą, pod znakiem słońca, pod szczęśliwą gwiazdą (N) (кто-то был публично обвинен (‘к позорному столбу’, букв. ‘**под**’), **под** давлением, **под** оккупацией, **под** руководством, **под** контролем, **под** знаком солнца, **под** счастливой звездой) (Тв.)

być pod wrażeniem, urokiem; być pod kreską to źle (N) (+ аппрециатив) (быть **под** впечатлением, очарованием; плохо быть **под** чертой) (Тв.)

постлатив – движение за объектом (ретрогрессивная связь)

wyszedł za bramę; wywędrował za morze, wyrzucił za drzwi; słońce zaszło za las (В) (вышел **за** ворота; уехал **за** море; выбросил **за** дверь; солнце зашло **за** лес) (Вин.)

opowiadać się za tezą (N) (+ персуазив – убеждение) (высказался в пользу

тезиса, букв. ‘стал (в смысле – охранял) за тезис’) (пол. Тв.)

каузалис

cierpieć za winy, za grzechy (В) (страдать за ошибки, за грехи, подразумевать ‘я стою за ними, а они на переднем плане, доминируют и причиняют мне страдание’) (Вин.)

постессив – местоположение за объектом

za oknem padał deszcz; stanął za drzewem; człowiek za burtą; dziecko schowało się za matką (N) (за окном шел дождь, подразумевать ‘статично – как монотонно повторяющееся действие в смысле округленного, вторично ‘имобилизованного’ пространства’; стоял за деревом; человек за бортом; ребенок скрылся за матерью) (Тв.)

каузалис

za twoim rozkazem, za jego początkiem (N) (по твоему приказу, букв. ‘за’; в начале, букв. ‘за его началом (датирует что-то, причиной чего есть начало) (Тв.)

темпоральные отношения

tydzień temu (В) (неделю тому назад) (Вин.)

интерлатив – движение между объектами

pójść między ludzi (В) (пойти среди людей) (Вин.)

włożyć zakładki między kartki książki (В) (вложить закладки между страницами книги) (пол. Вин.)

weszli między rozbawiony tłum (В) (присоединились к веселой толпе, букв. ‘вошли среди веселых людей’) (пол. Вин.)

obracał się wśród ludzi (В) (двигался среди людей) (Вин.)

podzielili majątek między synów; lek rozprowadzono między szpitale (В) (+ дистрибутив) (поделили имущество между сыновьями; лекарство было распределено между больницами) (пол. Вин.)

kolor między żółtym a brązem (N) (+ вариатив) (цвет между желтым и коричневым) (Тв.)

компаратив (сравнение между объектами)

dziecko wyższe od rodziców (D) (ребенок выше родителей, букв. ‘от родителей’ (сравнивается с ними)) (Род.); *ojciec jest wyższy niż syn* (M) (отец выше, чем сын, букв. ‘от сына’) (Им.)

woli kawę od herbaty (D) (предпо-

читает кофе чаю) (пол. Род.); *woli sok niż alkohol* (M) (любит сок более чем алкоголь) (Им.)

jest zimniejszy nad głazy (В) (он холоднее, чем камень) (пол. Вин.)

jest to najpiękniejszy zamek między zabytkami (N), *wśród zabytków* (D) (это самый красивый замок среди достопримечательностей) (пол. Тв.), (Род.)

cenił miłość ponad wszystko (В) (+ аппрециатив) (он ценил любовь выше всего) (пол. Вин.)

интерессив – местоположение между объектами

stół stał między oknem a szafą; między niebem a ziemią (N) (стол стоял между окном и шкафом; между небом и землей) (Тв.)

dom stał wśród sosen (D) (дом стоял среди сосен) (Род.)

między małżeństwem doszło do sprzeczki (N) (в семье (между партнерами) дошло до ссоры) (Тв.)

темпоральные отношения

między wtorkiem a czwartkiem, między zimą a wiosną (N) (между вторником и четвергом, между зимой и весной) (Тв.)

компаратив

nie miał nic miłego nad muzykę (В) (+ аппрециатив) (нет ничего прекраснее музыки (‘над музыкой’)) (пол. Вин.)

nie miał przyjaciela nad Piotra (В) (+ аппрециатив) (у него не было лучшего друга, чем Петр (‘над Петром’)) (пол. Вин.)

циркулатив – движение вокруг объекта

komentarze kręca się dookoła (około, wokół) wczorajszego zajścia (D) (комментарии вертятся вокруг (около) вчерашнего события) (Род.)

циркумессив – местонахождение в круговом пространстве около объекта

dookoła (około, wokół) zamku były mury obronne; dookoła jeziora rosły lasy (D) (вокруг замка были крепостные стены; вокруг озера росли леса) (Род.)

претеритив – переход мимо чего-нибудь

przejść koło (obok) domu (D) (проходить мимо дома) (Род.)

puścić mimo uszu (D) (пустить мимо ушей) (Род.)

супралатив – движение над объектом (объектами)

burza idzie nad miasto (В) (на город

надвигается буря) (Вин.); *samolot leciał nad miastem; pochylił się nad wodą* (N) (самолет летел над городом; он склонился над водой) (Тв.)

dyskutowali nad projektem; zastanawiał się nad wszystkim (N) (букв. дискутировали над проектом; задумывался обо (‘над’) всем) (пол. Тв.)

kocham go nad życie (В) (+ аппрециатив) (я люблю его больше (‘над’) жизни) (пол. Вин.)

praca nad siłą, ponad miarę (В) (+ аппрециатив, + квантификатив) (работа выше сил) (пол. Вин.)

panować nad ludem (N) (+ доминанлис) (властвовать над (‘управлять’) народом) (Тв.)

frunąć ponad chmury, ponad skały (В) (полететь выше облаков, выше скал) (пол. Вин.)

wybił się ponad przeciętność (В) (+ квалитатив) (выбился над посредственностью) (Вин.)

rzządzić, władać, dowodzić, kierować, administrować, zawiadywać, zawałdnąć kim (N) (+ доминанлис – отношение управления, владения, превосходства) (управлять, владеть, командовать, руководить, администрировать, заведовать, завладеть (кем-либо, чем-либо)) (Тв.)

темпоральные отношения

spędził na wsi ponad miesiąc, ponad rok (В) (+ квантификатив) (провел в деревне больше (‘выше’) месяца, года) (пол. Вин.)

суперессив – местонахождение над объектом

lampa wisi nad stołem (N) (лампа висит над столом) (Тв.)

mądry ponad wiek (В) (+ констатив, аппрециатив) (умнее своего возраста, букв. ‘выше своих лет’) (пол. Вин.)

ponad wszelką wątpliwość (В) (+ персуазив – убеждение) (вне всякого сомнения, букв. ‘над’) (пол. Вин.)

człowiek wysokiego wzrostu (D) (+ квалитатив, компаратив) (человек высокого роста, подразумевать ‘выше остальных людей среднего роста, возвышается над ними’) (Род.)

адессив – местоположение непосредственно вблизи объекта

stoi przy oknie; siedzi przy biurku; przy domu był ogródek (Ms) (стоит у/близ окна (пол. Пр.); сидит за письменным столом, букв. ‘при’; рядом с домом был скверик) (пол. Пр.)

kwitnę przy tobie; marnuję się przy tobie (Ms) (+ аппрециатив) (расцветают **рядом** с тобой; увядают **рядом** с тобой) (пол. Пр.)

siedzi obok żony; położył łyżkę obok talerza; lampa stała obok fotela (D) (сидит **возле** жены; положил ложку **возле** тарелки (Род.); лампа стояла **рядом** с креслом (пол. Род.))

koło domu rosła brzoza; siadł koło mnie (D) (**возле** дома росла береза (Род.); сядь **рядом** со мной (пол. Род.))

mieszkał nad rzeką; osiedle nad jeziorem (N) (он жил **над** рекой; район **над** озером (поблизости)) (Тв.)

bitwa pod Warszawą (N) (битва **под** Варшавой) (Тв.)

apтека pod łabędziem; kawiarnia pod baranami (N) (+ атрибутив) (аптека „У лебедя”; кафе „У баранов”, подразумевать: аптека, кафе связаны с ассоциацией, происшествием, воспоминанием, являющимися частью (‘принадлежностью’) ментальной парадигмы владельца или автора их наименования) (пол. Тв.)

wpuszczano do środka za okazaniem legitymacji (N) (+ кондиционал – условие) (впускали внутрь только после предъявления легитимации, подразумевать: ‘легитимация должна быть в прямой близости со своим обладателем и с тем, кто ее проверяет’) (пол. Тв.)

темпоральные отношения

koło południa (D) (**около** полдня) (Род.); *nad ranem* (N) (под утро, букв. ‘над утро’) (пол. Тв.); *pod wieczór; pod czterdziestkę* (B) (**под** вечер; ему **под** сорок) (Вин.); *z godzinę* (B) (**с** час) (Вин.) (+ аппроксиматив)

квантификатив

zjechało koło stu gości; miała koło trzydziestki; studnia miała koło dwudziestu metrów (D) (+ аппроксиматив) (приехало **около** сотни гостей; ему было **около** тридцати; колодец был глубиной **около** двадцати метров) (Род.)

mam z kilo masła; z godzinę czasu (B) (+ аппроксиматив) (у меня **около** килограмма масла; **около** часа (свободного времени)) (пол. Вин.)

социатив – отношение сопутствования

schab z salatką; człowiek z autem (N) (отбивная котлета **с** салатом; человек **с** машиной) (Тв.)

za pomocą narzędzi można wszystko zrobić (N) (**с помощью** необходимых инструментов можно сделать все) (Тв.)

patrzyli z zachwytem na piękną dziewczynę (N) (+ модалис – начин) (смотрели **с** восхищением на красивую девушку) (Тв.)

kapelusz z piórkiem, bluzka z wstążką, sukenka z koronkami; panienska z kolczykami (N) (+ атрибутив) (шляпа **с** пером, блузка **с** бантом, платье **с** кружевами, девушка **с** сережками) (Тв.)

chłopiec imieniem Janek (= ‘z imieniem’) (N) (+ атрибутив) (парень по имени (букв. **с** именем) Янек) (пол. Тв.)

uczony światowej sławy (D) (+ атрибутив, квалификатив) (ученый мировой величины) (Род.)

bogaty w pomysły (B) (богат идей, букв. ‘**в** идеях’) (пол. Вин.)

dzięki pomocy syna (C) (+ медиатив – посредничество) (**благодаря** помощи (с помощью) сына) (Дат.)

dzięki dobrej opiece szybko wyzdrowiał (C) (+ резултатив) (благодаря хорошим заботам он быстро выздоровел) (Дат.)

chelić się swymi dziećmi, zdolnościami, bogactwem (N) (+ экспрессив, + аппрециатив) (хвастать детьми, способностями, богатством) (Тв.)

комитатив – отношение сопутствования (лица)

ojciec z matką; Kasia z rodziną (N) (отец **с** мамой; Каша **с** семьей) (Тв.)

инструментал

kosi sierpem; pisze piórem (N) (косит серпом; пишет ручкой) (Тв.); *uzbrojony w miecz* (B) (вооруженный мечом, букв. ‘**в** меч’) (пол. Вин.)

zrobił to przez syna (B) (+ медиатив – посредничество) (сделал **через** (при посредничестве) сын) (Вин.)

ciekawscy obstąpili ich kołem (N) (+ модалис, образ действия) (любопытная толпа окружила их, букв. ‘собрались кругом **около** них’) (пол. Тв.)

po polsku, po francusku, po węgiersku (C) (+ модалис, образ действия) (говорит по-польски, по-французски, по-венгерски, подразумеваем: ‘средствами соответствующего языка, использует его **средством** общения) (пол. Дат.)

каузалис

zginęli są mieczem; są drżeli bo jaźnią (стпол.) (N) (погибли от меча/

убили их мечом, подразумеваем: ‘с помощью меча как средства убийства’; дрожали от страха) (пол. Тв.)

cieszy się życiem, ładną pogodą (N) (+ экспрессив) (радуюсь жизни, хорошей погоде, подразумеваем: ‘**сопутствуя мне**, жизнь и хорошая погода **причина** для моей радости’) (пол. Тв.)

oszczędnością i pracą ludzie się bogacą (N) (экономность и труд делают людей богатыми, подразумеваем: ‘**сопутствуя** жизни человека, они становятся **причиной** его обогащения’) (пол. Тв.)

абесив – нехватка данного предмета в виде евентуального дополнения к объекту (функция эта противоположна отношению социатив – атрибутив)

człowiek bez głowy; bez serca; las bez grzybów; suknia bez rękawów (D) (человек **без** головы, **без** сердца; лес **без** грибов; платье **без** рукавов) (Род.)

суперфициалис – местонахождение на самом объекте

na głowie miała берет; dom stoi na pagórku; gość siedzi na tapczanie; fotel na kółkach; ciasto na drożdżach (Ms) (на голове у нее был берет; дом стоит **на** холме; гость сидит **на** диване; кресло **на** колесиках, тесто **на** дрожжах) (Пр.)

gra na gitarze, na skrzypcach, na fortepianie (Ms) (игра **на** гитаре, **на** скрипке, **на** рояле (движение здесь воспринимается как статичное и концентрированное **на** ограниченной поверхности для музицирования) (Пр.)

śnieg leżał miejscami (N) (+ дистрибутив) (местами еще лежал снег) (Тв.)

polega na jego obietnicy (Ms) (полагается **на** его обещания, букв. ‘опирается на них, „ступает” **по** ним’) (пол. Пр.)

пролатив – движение по поверхности объекта

biegać po lesie (Ms) (бежит **по** лесу) (пол. Пр.); *biegnie ulicą* (N) (бежит **по** улице) (пол. Тв.)

трансгрессив – движение, проникание через объект

pocisk przeszedł przez ścianę; szedł przez most, przez plac; przechodził przez błoto; przelazł przez płot; mówił przez sen; droga przez mękę (B) (снаряд прошел **через** стену; он шел **через** мост, **через** площадь; шел вперед **через** болото; перелезал **через** забор; говорил во сне, букв. ‘**через** сон’; мучительный путь, букв. ‘**через** муки’) (Вин.)

темпоральные отношения
nie przychodzili do niej przez miesiąc; mówiła o tym przez cały dzień; pamiętała o nim przez kilka lat (В) (не приходил к ней **в течение** месяца, букв. ‘**во время** месяца’, говорил об этом **весь** день; помнил его несколько лет) (Вин.)

w ciągu miesiąca; na wojnie (Ms) (на **протяжении** месяца; на войне, подразумеваем: ‘во время войны’) (Пр.)

репаратив – действие, которое совершается на протяжении какой-то линии, но делится на отдельные этапы (фазисно-распределительная функция).

skakać po kamkach; chodzić po lokalach; bić po twarzy; mieć plamy po ciele; ma pieniądze po ludziach (= *porozpożyczał im*) (Ms) (прыгаю **по** камушкам; хожу **по** заведениям; бью **по** лицу; у меня пятна **по** телу; много людей мне должны, букв. ‘у меня деньги **по** людям’) (пол. Пр.)

темпоральные отношения
raz na rok odwiedza rodziców (В) (раз **в** году посещает родителей, подразумеваем: ‘каждый год, но только раз’) (пол. Вин.); *nocami nie śpi, tylko czyta; to trwa miesiącami; czasami bywa w górach* (N) (ночами не спит, только читает, подразумеваем: ‘**каждую** ночь не спит’; это длится месяцами (Тв.), иногда хожу в горы, подразумеваем: ‘**периодически**’) (пол. Тв.)

Предложенная классификация не претендует на полноту и всеохватность. Ее предстоит дополнять и уточнять. Здесь мы попытались лишь предложить идеи и задать направление дальнейшим исследованиям.

На основе сказанного можно сделать следующие обобщения:

1. Многочисленные случаи синкретизма парадигм, пропозициональная омонимия, функциональный синкретизм (семантическое сходство) разных предлогов (представляющих с точки зрения традиционной грамматики разные падежи), а также тенденция к ограничению флективности в пользу предложных синтаксических конструкций дают нам основание объявить пространственность семантическим прототипом (инвариантом) категории падежа, для которой предпочитаем название статус. Простран-

ственные параметры являются ее репрезентом. Ее пространственные методы включают метафору, метонию и аналогю.

2. Пространственная управляющая семантика – центр оси, вокруг которой консолидируются падежные употребления (субкатегории). Она убедительно мотивирует спорное на первый взгляд родство между падежами, а также между значениями одного падежа.

3. Необходимость в падежной редистрибуции очевидна. На первый взгляд может показаться, что перегруппировка – это лишнее дело, но схема доказывает обратное. Пространственно-семантические векторы в таких случаях, как *lekarstwo, zapominać*, позволяют, с одной стороны, увидеть общее, а с другой – ярко очертить разницу в семантических нюансах.

4. Возврат к латинским названиям в новой классификации не представляет собой анахронизм или проявление консервативности, а попытку семантического уточнения падежных функций. Классические термины очень удобны для выявления специфики этих функций.

5. Трудности изучения падежей вытекают из смешения семантических и морфологических критериев их классификации (и категоризации). При этом превосходство морфологических критериев очевидно, что ведет к полной путанице. Фразы с одинаковыми семантическими функциями попадают в разные падежи и, наоборот, фразы с разными семантическими функциями оказываются в рамках одного и того же падежа.

6. Предлог и падежное окончание находятся в комплементарных отношениях. Предлог не означает отсутствие падежа, а падежное окончание не означает отсутствие предлога. Разница только в акцентах.

7. Статус падежности нужно переосмыслить. Ее следует рассматривать не как флективную, а как классификационную (конститутивную, семантико-синтаксическую, когнитивную) категорию. Это имеет первостепенное значение для семантико-синтаксических связей в предложении, чья диффузность и аморфность не свидетельствуют о хаосе и затмении картины, а скорее о стирании искусственно про-

водимых границ и об естественной динамике языковых процессов.

8. Падежная интерференция не приводит к обезличению (деидентификации) падежа, а к более четкому выявлению его специфики, уникальности.

9. Проанализированный материал из польского языка дает нам все основания считать, что арматура пространственной схемы может оказаться падежной универсалией.

10. Категория падежа должна быть объектом и приоритетом прежде всего когнитивной лингвистики. Когнитивный подход к падежности является консенсусным (неантагонистическим), так как он отражает естественное состояние психолингвистического строения личности.

References:

1. Бернарди 1805: Bernhardt, A. F. *Anfangsgrunde der Sprachwissenschaft*, Berlin, 1805.
2. Ельмслев 1935, 1937: Hjelmslev, L. *La catégorie des cas*. Aarhus: Acta Jutlandica, 1935, t. I–VII, 1; 1937, t. II–IX, 2.
3. Калиш 1998: Kalisz, R., W. Kubiński. *Przyimki, przypadki, domeny*. // *Językoznawstwo kognitywne. Wybór tekstów*. Kubiński, W., R. Kalisz, E. Modzejewska (red.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, 189–199.
4. Кемпф 1978: Kempf, Z. *Próba teorii przypadku cz. I*. Opole: Polskie Towarzystwo Naukowe, 1978.
5. Кемпф 2007: Kempf, Z. *Próba teorii przypadku cz. II*. Opole: WUO, 2007.
6. Лангакер 1987: Langacker, R. *Fondation of cognitive grammar. I Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1987.
7. Норийн 1903–1925: Noreen, A. *Vårt språk*. t. I–VII, Lund, 1903–1925.
8. Филлмор 1977: Fillmore, Ch. *The Case for Case Reopened*. [W:] P. Cok, J. Sadock (red.) *Syntax and Semantics*. Tom 8. *Grammatical Relations*. New York: Academic Press, 1977, 59–81.
9. Якобсон 1936: Jakobson, R. *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der Russischen Kasus*. Reprinted in *Selected Writing II*. (1971) The Hague: Mouton.

UDC 82.09:821.161.1

УДК 82.09:821.161.1

TO THE PROBLEM OF CLASSIFICATION
OF SPATIAL IMAGES AND MODELS IN
FICTIONI. Pykhtina, Candidate of Education, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

Main approaches to the typology of spatial images and models in the literary criticism are considered. Classification of through spatial images – the archetypal, national and individual, – constructed taking into account the semantic transformations, observed in the course of literary development, is offered.

Keywords: art space, spatial images, spatial models, classification

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Художественное пространство, в отличие от физического, – это не протяженность вообще, а некая данная человеку целостность: то, что можно увидеть вокруг или вообразить. Являясь неотъемлемым компонентом литературного произведения, пространство представлено в нем в конкретных (город, дом, сад) или абстрактных, но всегда имеющих под собой чувственную основу, художественных образах (космос, хаос, пустота), особенности представления которых во многом зависят от идейно-эстетических задач писателя. Принимая это во внимание, исследователи для удобства анализа классифицируют пространственные образы и модели по тем или иным признакам и параметрам.

В основу первой классификации пространственно-временных моделей, разработанной еще в 30-е годы XX века М. Бахтиным, был положен жанровый признак. Отметив, что «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, с. 235], ученый описал наиболее крупные типологически устойчивые пространственно-временные модели, характеризующие жанр романа на ранних этапах его развития: хронотоп греческого романа (авантюрный, авантюрно-бытовой, биографический и автобиографический), хронотоп рыцарского романа, раблезианский и идиллический хронотопы, а также выделил ряд сквозных хронотопических образов, обладающих «высокой степенью эмоционально-ценностной интенсивности» [там же]: хронотопы встречи, дороги, замка, салона-гостиной, провинциального городка; по-

граничные хронотопы порога, лестницы, коридора и др., являющиеся главными местами действия в разных типах романа.

Труд М. Бахтина стал базовым для многочисленных исследований художественного хронотопа в произведениях различных родов и жанров. Однако только в последнее время появились работы систематизирующего характера, в которых предлагаются новые критерии для построения классификаций родо- и жанрообразующих пространственно-временных моделей. Так, Н. Шутая разработала типологию художественного времени и пространства в русском романе XVIII – XIX вв. [10], Е. Завьялова – в целом ряде канонических и неканонических лирических жанров [2], Е. Ковтун выявила общие закономерности создания вымышленных моделей реальности в фантастических романах, волшебной сказке, утопии, притче и мифе [3].

Другой, не менее распространенный в современном литературоведении подход к типологизации художественного пространства – структурно-семиотический – представлен в работах Ю. Лотмана [4], В. Топорова [7], В. Савельевой [6], Е. Фарина [8] и др. Эти ученые, принципиально рассматривая пространство отдельно от времени, выделяют и характеризуют основные его виды по следующим критериям: по наличию/отсутствию границы – художественное пространство замкнутое (ограниченное) и разомкнутое (безграничное); по ценностному признаку и значению – однородное (все описанные в про-

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ И
МОДЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕПыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

Рассматриваются основные подходы к типологии пространственных образов и моделей в литературоведении. Предлагается классификация сквозных пространственных образов – архетипических, национальных и индивидуальных, – построенная с учетом смысловых трансформаций, наблюдаемых в процессе литературного развития.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные образы, пространственные модели, классификация.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

изведении пространства имеют одинаковый ценностный статус) и неоднородное (разное значение и степень ценности представленного пространства); по наличию/отсутствию вычленимых предметов или свойств – заполненное и пустое, сконденсированное и разреженное; в семиотическом смысле – организованное (находящиеся в данном пространстве отдельные его участки, объекты или свойства, состояния, пропорции и т. п. упорядочены) и неорганизованное (наблюдается отсутствие упорядоченности); по наличию/отсутствию бинарных параметров (верх/низ, близь/даль, север/юг, центр/периферия, передняя сторона/задняя сторона, лицевая сторона/изнанка и т.п.) – конфликтное и неконфликтное, нравственное и безнравственное, ценностное и антиценностное, устойчивое и неустойчивое, статуарное и динамическое, интимное и публичное, эгоистическое и общественное и т. п.; по отношению к действительности – реальное (например, географическое или историческое пространство в тексте создает иллюзию достоверности) и фиктивное (онейрические пространства – сновидения, мечтания, миражи, галлюцинации; картины, вызванные воображением или особым состоянием героя, утомленностью, дремотностью, расстройством и т.п.).

Безусловно, и этот подход к изучению художественного пространства весьма продуктивен: он позволяет выявить наиболее общие принципы организации художественного мира того или иного автора, определить моделирующее значение репрезента-

тивных пространственных образов в структуре художественного целого.

В то же время не менее важным, на наш взгляд, является системное описание семантических разновидностей пространства по содержатель-но-функциональному критерию.

Поскольку в российском литературоведении пока нет единой типологии пространственных образов, учитывающей не только жанровый признак и параметры пространства, но и важнейшие закономерности эволюции пространственной образности в художественной литературе, а также смысловые трансформации константных пространственных моделей, наблюдаемые в процессе литературного развития, мы предприняли попытку классифицировать устойчиво повторяющиеся, **сквозные пространственные образы**.

Определяющими признаками, лежащими в основе нашей классификации, являются следующие характеристики пространственных образов: их универсальность; повторяемость в ряде литературных произведений; вариативность при сохранении базового значения. С точки зрения смысловой обобщенности, сквозные пространственные образы мы разделили на три группы: 1) общечеловеческие пространственные образы – **архетипические**, 2) повторяющиеся внутри национальной литературы – **национальные пространственные образы**, 3) повторяющиеся и варьирующиеся в творчестве отдельного писателя – **индивидуальные пространственные образы**.

Известно, что архетипические пространственные образы имеют тенденцию выступать парами, в виде бинарных оппозиций. Мы заметили, что ключевая антиномическая пара космос/хаос является основанием для других пространственных оппозиций, например, таких как: дом/лес (безопасное пространство/ опасное пространство), дом/дорога, (закрытое пространство/открытое пространство), дом/антидом (свое пространство/чужое пространство) и др. Архетипическим значением наделяется и образ границы – пространственного рубежа, разделяющего свой и чужой миры.

Анализ образа дома в русской литературе в диахроническом аспекте позволил нам прийти к следующим выводам: 1) В русской классической литературе образ дома имеет набор традиционных характеристик – это замкнутое, отгороженное от внешнего мира «свое» пространство, символизирующее покой, безопасность, уют, благополучие и согласие в семье, достаток и т. п. Внутренний безопасный дом может быть противопоставлен только внешнему опасному пространству, например, мифологическому лесу, как повести Н. Гоголя «Старосветские помещики», в которой оценочный компонент архетипического образа остается пока универсальным и стабильным. 2) Уже на рубеже XIX-XX веков наблюдаются значительные изменения архетипического значения образа дома, включающегося в новые оппозиции: дом/антидом, дом/дорога, дом/бездомье. Дом как физическое бытовое пространство, микрокосм, становится временной категорией: он безвозвратно теряет прежнюю гармонию, разрушается. Так, в лирике Серебряного века сквозным становится образ потерянного дома, кроме того, у большинства авторов этого периода наблюдается перемещение ценностного акцента от дома материального к дому духовному («Душу свою я сделала своим домом...» – М.Цветаева). 3) Наиболее остро непреодолимая тоска по утраченному дому выразилась в малой прозе М. Булгакова. Настойчиво повторяющиеся в его рассказах мотивы холода, тесноты, темноты, шума, незащищенности личного приватного пространства превращают дом в антидом, наиболее распространенным вариантом которого является коммунальная квартира. Имея все внешние признаки ложного дома, коммунальная квартира характеризуется еще и разрушением гармонии человеческих взаимоотношений. В произведениях Булгакова актуализируется и мотив бездомья, который, с одной стороны, связан с потерей дома и его поиском, а с другой стороны, – с отсутствием дома как такового. 4) Наблюдаемые нами изменения, произошедшие в смысловом поле «дом» в русской литературе на протяжении

ста лет позволяют говорить о существенной трансформации архетипического значения образа.

Сквозными в русской литературе являются также образы деревни, провинциального города, пейзажные и региональные образы, – все они отражают специфику национальной ментальности. Русские писатели-классики оказались весьма дальновидными в описании русского характера, пронизательно почувствовав связь «пейзажа русской души» с «пейзажем русской земли». Сопоставление образа деревни в повестях «Утро помещика» Л. Толстого, «Мужики» А. Чехова и «Деревня» И. Бунина показало безусловное сходство авторских трактовок, отражающих тот тип национальной модели мира, который органично присущ русскому менталитету и проявляет себя в пространственных характеристиках. В ходе анализа этих произведений, мы отметили такие пространственно обусловленные национальные черты характера, как «искание абсолютно добра», связь русского человека с родовым гнездом, цельность натуры, смирение, неумение организовать свое личное пространство и личную жизнь и др.

В целом ряде произведений – в «Соборянах» Н. Лескова, «Пашинцева» А. Плещеева, «Уральских очерках» М. Михайлова, «Губернских очерках» М. Салтыкова-Щедрина, рассказах А. Чехова и др. – мы обнаружили единство взглядов на русскую провинцию. Анализ показал, что провинциальный город осознается русскими писателями двояко: как замкнутое в себе патриархальное пространство, обладающее ценностно-нормативными и сакральными характеристиками, отличающееся гармоничностью, чистотой, искренностью, крепостью родовых отношений, с одной стороны, и как среда рутинная, отсталая, не способная принципиально обновляться – с другой. Выделенные нами внешние (быт) и внутренние (жители) особенности провинциального города характеризуют его не только как пространственно-географический, но и как ментальный локус.

В русской литературе немало

сквозных пейзажных образов, имеющих специфически национальную окраску, например, зимний снежный пейзаж, по нашим наблюдениям, является в произведениях русских писателей не только декоративной деталью, создающей определенное настроение, но и символом России, родного дома («Идут белые снега, / как во все времена, / как при Пушкине, Стеньке / и как после меня, // Идут снега большие, / аж до боли светлы, / и мои, и чужие / заметая следы. // Быть бессмертным не в силе, / но надежда моя: / если будет Россия, / значит, буду и я» – Е. Евтушенко), а пейзаж степной олицетворяет, с одной стороны, свободолюбие русского человека, удаль, бесшабашный размах и широту его души, а с другой, передает всепоглощающую и неутолимую его тоску, рожденную бесконечным величием степных просторов («Азиатская ересь в славянской крови / и тоска по просторам бескрайним, / это тот вечный зов, / что сильнее любви, / та тревога, что мучает втайне» – В. Трефилов).

Архетипические и национальные пространственные образы, имеющие определенный набор стабильных характеристик и устойчиво повторяющиеся в русской литературе, нередко значительно трансформируются в индивидуальном художественном мире того или иного автора. Мы наметили два пути в исследовании индивидуальных пространственных образов: 1) анализ традиционных образов, имеющих в художественном мире конкретного автора индивидуальное решение и нюансировку (модификации архетипических или национальных пространственных образов в субъективном сознании писателей); 2) анализ пространства человеческого «Я» – индивидуального внутреннего мира личности как особого пространства, имеющего собственную структуру и моделируемого по тем же законам, по которым создаются другие пространственные образы.

Поскольку второй аспект практически не исследован, мы заострили на нем особое внимание и наблюдали за изменениями в соотношении

внешнего и внутреннего пространства от эпохи романтизма, с которой ученые связывают проявление особенно пристального внимания к внутреннему миру человека, до литературы новейшей.

Поэты-романтики впервые начали изображать внутренний микромир субъекта как некое пространство, созданное по модели макромира. Используя универсальные оппозиции – свое/чужое, внешнее/внутреннее и т.п. – они рисуют субъективное пространство души как типично романтический «бурный» пейзаж. С развитием в литературе психологизма внимание к внутреннему пространству личности значительно увеличилось, что получило выражение в еще большей его «специализации». Например, в «Красном смехе» Л. Андреева художественное пространство, сохраняя представление о своей физической природе, отражает лишь те фрагменты действительности, которые возникают в сознании его героев. Основным элементом в структуре психологического пространства «Красного смеха» является, по нашим наблюдениям, мир чувственных образов: сенсорные (слуховые, зрительные, осязательные) и физиологические ощущения героев: «грохнуло орудие, за ним второе, снова кровавый неразрывный туман заволок измученные мозги». Внешние границы пространства как бы растворяются в пространстве, замкнутом в субъекте: «... этот нелепый и страшный сон. Точно с мозга моего сняли костяную крышку, и, беззащитный, обнаженный, он покорно и жадно впитывает в себя все ужасы этих кровавых и безумных дней».

Исследование пространственной организации произведений новейшей литературы потребовало введение нового термина – пространство-я – для обозначения способов текстовой экспликации отношений «я» с внешним миром (я – творец собственного мира) [5]. Поскольку, как утверждают психологи, «истинной средой обитания личности является не физическая реальность и не социальная среда, а лишь те их фрагменты, которые отра-

жены в сознании человека и на которых основывается его поведение» [9, с. 167], интерес представляют формы репрезентации в художественных текстах пространственных представлений персонажа, способствующих наиболее полному раскрытию его внутреннего мира. Например, в романе Е. Чижовой¹ «Терракотовая старуха» (2011) пространство-я имеет весьма сложную структуру, компонентами которой являются, по нашим наблюдениям: географическое пространство (главная декорация в романе – Петербург, описанный с топографической точностью: «По Дворцовому, мимо Кунсткамеры, вдоль Университетской набережной – мы сворачиваем на Большой проспект»); культурное пространство (мыслится как хранилище памяти и включается в текст романа многочисленными реминисценциями из художественной литературы: «Город пышный, город бедный, вид неволи, стройный вид... Я смотрю, затаив дыхание: высокая колокольня, за ней – Никольский собор...»); бытовое пространство (собственная квартира воспринимается Татьяной, главной героиней романа, как тесная и неудобная, что отражает ее депрессивное мировосприятие); социальное пространство (некогда широкие социальные связи Татьяны сужаются до размеров ее собственного внутреннего мира: «Я ухожу к себе. Ложусь на диван. Утыкаюсь в стену...»); ирреальное пространство (остро переживая свое одиночество, героиня Чижовой силой своего воображения обязательно заполняет пространство-я кем-то или чем-то: разговаривает с собственной тенью, с портретами писателей-классиков, с подругой, с которой давно рассталась, и т.п.). Моделируя в романе пространство-я, Е. Чижова стремится новыми средствами раскрыть внутренний конфликт своей героини, «диалектику ее души».

В данной статье мы лишь наметили новое направление в типологическом исследовании пространственных образов и моделей. На наш взгляд, функционально-семантический подход к классификации

¹ Елена Чижова (р. 1957) – петербургская писательница, лауреат премии «Русский Буккер», автор романов «Крошки Цахес», «Лавра», «Орест и сын», «Время женщин», «Полукровка».

сквозных пространственных образов в русской литературе может плодотворно использоваться для описания динамических трансформаций, происходящих в художественной литературе как исторически развивающейся системе.

References:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С.234-407.

2. Завьялова Е. Е. Соотношение канонического и неканонического в системе лирических жанров 1880-1890-х годов. Дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. – Русская литература. – Астрахань, 2006. – 412 с.

3. Ковтун, Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века. Дис. ... доктора филол. наук: 10.01.05, 10.01.08. – Теория литературы. Текстология. – М., 2000. – 304 с.

4. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн: Александра. 1992.

5. Прокофьева В. Ю. Символизм. Акмеизм. Футуризм. Различные модели поэтического пространства в лексическом представлении. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – 208 с.

6. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. – Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 1996. – 192 с.

7. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура: сб. статей / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

8. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им.А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

9. Шкуратова И. П. Личность и ее жизненное пространство// Психология личности. Учебн. пособие под ред. П. Н. Ермакова и В. А. Лабунской. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 167.

10. Шутая Н. К. Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII - XIX вв. Дис. ... доктора филол. наук: 10.01.08. – Теория литературы. Текстология. – М., 2007. – 468 с.

International Scientific Congress International Scientific Co
Congress International Scientific Congress International Sci
Scientific Congress International Scientific Congress Inte
International Scientific Congress International Scientific Con
Congress International Scientific Congress International Sci
Scientific Congress International Scientific Congress Intern
International Scientific Congress International Scientific Con
Congress International Scientific Congress International Sci
Scientific Congress International Scientific Congress Inter
International Scientific Congress International Scientific Con
Congress International Scientific Congress International Sci
Scientific Congress International Scientific Congress Inter
International Scientific Congress International Scientific Cong
Congress International Scientific Congress International Sci
Scientific Congress International Scientific Congress Inter

**For additional information
please contact us:**
www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

**Multisectoral scientific-analytical forum
for professional
scientists and practitione**

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science

UKRAINIAN ON THE WAY TO GENDER TOLERANCE

L. Shutova, Candidate of Philology, Associate Professor
Luhansk National University named after Taras Shevchenko,
Ukraine

The article is devoted to the problem of the language discrimination of the person on the basis of a gender. Reasons of emergence of language sexism in different countries are considered, the main forms of its manifestation in Ukrainian are analyzed and ways to gender tolerance are defined.

Keywords: gender, language discrimination, sexism, political correctness, gender tolerance.

Conference participant, National championship in scientific analytics,

Вопрос о равноправии полов в его языковой реализации насчитывает уже несколько десятилетий. Он возник в 60-х годах XX века в связи с женским движением на Западе. С тех пор ученые ввели в свой научный оборот слова и словосочетания „сексизм”, „языковое неравенство”, „дискриминация по полу”, „политкорректность”.

Словарь гендерных терминов дает такое определение сексизма: „идеология и практика дискриминации людей по признаку пола” [1]. Исследования связи рода и пола в языке не новы и связаны с именами С. Трёмель-Плётц, Р. Лакофф, Л. Пуш, Н. Янко-Триницкой, М. Кронгауза, А. Шахмайхина, А. Кирилиной, Е. Горошко, С. Тер-Минасовой, З. Темиргазинной [2 – 11] и др. В Украине в этой связи проводили исследования М. Брус, С. Семенюк, А. Нелюба, Д. Мазурик [12 – 15] и др.

Языковой сексизм чаще отражает мужское доминирование в разных областях жизни человека, обусловленное убеждениями, сложившимися в обществе, согласно которым мужчина – это первооснова, а женщина – вторична. Примером может служить наличие, например, в украинском языке слов *брокер, боксер, капитан, ректор* и отсутствие их женских коррелятов. Хотя нужно сказать, что случаи выражения доминирования женщин также есть, например названия в основном женских профессий и рода занятий медсестра, домробітниця и отсутствие соответствующих названий мужчин.

Сегодня мы имеем множество свидетельств тому, что женщины и мужчины по-разному представлены в системе многих языков. Дискриминация по полу

может быть выражена в системе национального языка и в индивидуальных речевых практиках. Влияние на языковые и речевые различия в речи мужчин и женщин могут оказывать общественные процессы, как, например, в японском языке. Свидетельством этого является факт, что в раннем средневековье статус японской женщины был выше и соответственно различий в речи было меньше. По данным массовых обследований, максимальные различия между тем, как говорят мужчины и женщины, приходится на возрастную группу от 50 до 60 лет, т. е. на период, когда мужчины в Японии обычно выше всего поднимаются по социальной лестнице. Когда же они перестают работать и уходят на заслуженный отдых, речевые различия несколько сглаживаются [16].

Разговор японца с японкой строится как общение высшего с низшим. Показательным в этом плане является употребление женщинами форм вежливости в разговоре с мужчинами, хотя последние в речи это не используют. Таким образом ограниченность женских функций в обществе приводит к ограниченности их речевого поведения. Официальные нормы регламентируют в обучающей функции использовать именно мужской вариант языка [16]. Таким образом, чем ближе друг к другу социальные статусы женщины и мужчины, тем понятнее им их язык. По свидетельству И. Латышева, „японская пресса избегает, как правило, называть замужних женщин по фамилии и имени и упоминает о них лишь как о „супругах” тех или иных лиц” [17].

Истории известны случаи, когда женщины по собственной воле „стано-

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Шутова Л.И., канд. филол. наук, доцент
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко,
Украина

Статья посвящена проблеме языковой дискриминации человека по гендерному признаку. Рассматриваются причины возникновения языкового сексизма в разных странах, анализируются основные формы его проявления в украинском языке и определяются пути к гендерной толерантности.

Ключевые слова: гендер, языковая дискриминация, сексизм, политкорректность, гендерная толерантность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

*Принимай судьбу отрадно, не ищи других причин:
Разделились беспощадно мы на женщин и мужчин
А. Дольский („От прощанья до прощанья”)*

вились” мужчинами, то есть отказывались от „женских” ролей в обществе (в частности в Албании), когда вследствие кровной мести, распространенной в этой стране, мужская часть семьи гибла, и одна из незамужних женщин рода (ее называли бурнеша или виргинеша), дав клятву целомудрия, становилась главой семьи, выполняя обязанности мужчин. Это не только запрет на рождение ребенка, обеспечение безопасности семьи, сохранение капитала. Вместе с этим женщина получала права мужчин. Могла свободно выбирать профессию, посещать злчные места, курить, выпивать, сквернословить, владеть оружием. Считалось, что 60 лет назад женщине легче было стать виргинешей, чем оставаться женщиной, поскольку в то время женщины и животные приравнивались друг к другу. Этот „переход” отражался на внешности (мужская одежда, короткая стрижка и т.д.), а также на тембре голоса (он становился ниже). Но такие практики, скорее, исключение, чем правило.

Многие примеры языкового сексизма исходят из стереотипности мышления. Некоторые из них настолько укоренились, что сегодня нелепыми кажутся попытки их проверить или опровергнуть. Так, в России, в г. Белогорске, решили развеять стереотип об уровне интеллекта блондинок путем опроса сотрудницами муниципального автономного учреждения «Социально-культурное объединение „Союз”» (в образе гламурных белокурых дам) женщин с разным цветом волос на разные темы, в том числе и в области знаний правил дорожного движения. Думается, что это никак не уменьшит

количество анекдотов про блондинок – уж слишком живучи они в народе.

Еще один термин, который в последнее время часто используют в контексте гендерных отношений, – политкорректность (Political correctness, или PC). Это явление, по словам С. Тер-Минасовой, „выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.” [10, с. 216]. Разделяя мысль автора о не совсем удачном названии этого явления (имея ввиду компонент *политическая* как намек на идеологическую составляющую семантики термина), отметим, что интерес к нему в последние годы заметно увеличился. „Тяжелое заболевание Запада”, „одно из самых ужасных изобретений XX века”, „новый эзопов язык”, „гидра по имени политкорректность”, „влиятельное социальное, культурное и лингвистическое движение в современном мире” – каким разным видится это явление в современном социуме! Согласимся с Д. Герасименко, что правильнее будет говорить об аспектах политкорректности как о дискурсивных стратегиях вежливости [18].

На сегодня изменилось отношение к женщине, к ее номинации как представительнице определенного пола. В немецком языке, например, обращением к незамужней женщине было слово *das Fräulein*, что сегодня используют только представительницы и представители старшего поколения, которые не могут отказаться от ранее распространенных форм. Но поскольку современное общество не хочет, чтобы женщин делили на замужних и незамужних, видя в этом проявления сексизма, то это слово отошло на периферию и сегодня заменено на *das Mädchen* – девочка, девушка (образовано от *Maedel* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*).

Под влиянием феминистского движения правительство Франции приняло постановление о выведении из официального французского языка слова *mademoiselle*, а также словосочетания

nom de jeune fille „девичья фамилия” с целью заменить на *nom de famille* (семейная фамилия), *nom dans le mariage* „фамилия в браке” – на *nom d'usage* (употребляемая фамилия).

Наиболее современной формой обращения к женщине в англоязычных странах является *mis* с добавлением имени (фамилии), чтобы устранить неравенство с формой обращения к мужчинам *Mr* независимо от семейного положения.

Украинский язык в этом плане отличается от других. В нем женщин называют без указания на статус замужняя/незамужняя. Наименования женщин больше ориентированы на возраст: *дівчинка, дівчина, жінка, баба*. Да и название человека вообще и мужчины в частности отличаются (*людина – чоловік*), в отличие от других языков, где оба понятия обозначены одним словом (например, во французском, английском, немецком, японском, шведском и др. языках).

Но есть общие и специфические для конкретного языка проблемы. Итак, формы проявления сексизма в украинском языке:

1. Обозначения лиц женского пола в названии профессий, званий, должностей:

а) может отсутствовать по двум причинам: 1) стереотипность взглядов в обществе и условное разделение профессий, рода занятий на женские и мужские: например, наименования *борець, авіаконструктор, автоінспектор, агломератник, жорновик, аграрник, жокей, космонавт* ассоциируются с мужскими ролями в обществе; 2) установившиеся правила кодификации в словарях названий людей по социальному положению, профессии, что соответствует нормам научного и официально-делового стилей: *біолог, економіст, фізик, директор, красзнавець, аналітик*;

б) производно от наименования мужчин: *абітурієнт – абітурієнтка, авантюрист – авантюристка, автоматник – автоматниця, автомобіліст – автомобілістка, автор – авторка*. Причем первый вариант используется для наименования лиц обоего пола, а второй – только для женского;

в) производно от наименования мужчин, но часто имеет другое значение: *акушер* („врач – специалист по

акушерству”) – *акушерка* („женщина со средним медицинским образованием, которая имеет право самостоятельно оказывать медицинскую помощь при родах”); *годувальник* („тот, кто содержит кого-нибудь; тот, кто кормит и ухаживает за кем-либо или готовит еду”) – *годувальниця* („женщина, которая кормит грудью; жен. к годувальник); *гусятник* („пастух гусей”) – *гусятниця* („женщина, которая разводит и ухаживает за гусями”); *майстер* („специалист высокого класса”) – *майстриня* („женщина, которая занимается народным ремеслом”); *домогосподар* („домовладелец”); *домогосподарка* („женщина, которая ведет домашнее хозяйство и не работает на каком-либо предприятии или в каком-либо учреждении; домашняя хозяйка”).

Некоторые слова со временем подверглись семантическим изменениям. Так, в 11-томном „Словнику української мови” (1970-1980) слова *аліментник і аліментниця* имели разные значения: *аліментник* „тот, кто платит алименты”; *аліментниця* „женщина, которая получает алименты”. „Великий тлумачний словник сучасної української мови” под. ред. В. Бусела (2005) подает лексему *аліментниця* с одним значением „жін. до аліментник”; г) не имеет варианта мужского рода, но таких слов значительно меньше, чем наименований мужчин без женских коррелятов: *амазонка* (1. „женщина-воительница”; 2. „женщина-всадник”), *ворожка* (1. „женщина, которая ворожит”; 2. „знахарка”), *босоніжка* („девушка, женщина, которая ходит босая”), *вакханка* („1. жрица бога Вакха, участница вакханалий; 2. перен. женщина, несдержанная в проявлениях своей страсти”), *пістунка* („нянька”).

Особенность украинских феминативов в том, что некоторые из них, образуясь от номинаций мужчин по их социальному положению, профессии и т. д., не составляют коррелятивную пару, поскольку могут обозначать (кроме случаев, о которых говорилось выше) жен, дочерей: *бондар* – „мастер, ремесленник, который производит бочки, деревянные ведра и т.д.”; *бондариха* – разг. „жена бондаря”. По такому же принципу образованы лексемы *генеральша, губернаторша, майорша* и др.

2. По сравнению с другими языками,

где наблюдается наличие значительного количества негативных наименований сексуально распущенных женщин в словарях и единичные лексемы для обозначения неразборчивых в половых связях мужчин, украинский язык располагает широким материалом для наименования и тех, и других. Итак, мужчина: *бабич, бабій, баболуб, волоцюга, дівчачур, дівчур, залицальник, зальотник, ловелас, моргул, селадон, стідничник, ухажер; жєницина: блудниця, гєтера, гонця, гукля, лоретка, мандрьоха, моргуха, пєлюга, перєлюбниця, повійниця, повя, подала, фрейдя, шльєндра, шмондя*. Но все же женские наименования, как видим, в отличие от мужских, имеют более негативную коннотацию.

3. В украинском языке, как и в некоторых других, для называния точно неопределенного лица употребляют модель: неопределенное местоимение + глагол в прошедшем времени мужского рода: *хтось прийшов, хтось подзвонив, тебе хтось запитує*.

4. Тексты законов Украины не равноценно отображают представителей обоих полов. Согласно Семейного кодекса Украины ребенок (любого пола) может быть только усыновлен. Слово *усиновлення* не имеет варианта *удочєріння*, хотя в языке есть нейтральный термин *адоптація* для обозначения этого процесса („адоптація – усиновлення”) [19, с. 13]. Современный толковый словарь украинского языка содержит лексему *удочєріння*, но она не находит своего применения в научном и официально-деловом стилях.

Украинский язык имеет собственный запас лексических и грамматических ресурсов для преодоления языкового неравенства.

В Украине в 2010 году были опубликованы „Практические аспекты внедрения принципа равных прав и возможностей женщин и мужчин в деятельности Верховного Совета Украины”, содержащие рекомендации по устранению языкового гендерного неравенства.

На сегодня активно проводятся исследования в этой области. Материал, собранный ученым А. Нелюбой, показал, что в период с 2004 по 2010 год в украинском языке система лексических номинаций пополнилась на 160 единиц названий женщин. Автор утверждает, что „по сравнению с дру-

гими отраслями или тематическими системами, дериваты женского словообразования характеризуются большим количеством и особенностями: можно утверждать, что это одна из наиболее подвижных и наиболее изменчивых тематических групп инновационного словообразования” [14, с. 135].

Не так давно в текстах законов Украины содержалось словосочетание *одинокa мати* и отсутствовало *одинокий батько*. Сегодня читаем: „Право на помощь на детей одиноким матерям (отцам) имеет мать (отец) детей в случае смерти одного из родителей” (Часть вторая статьи 18-1 в редакции Законов № 2505-IV от 25.03.2005, № 3526-VI от 16.06.2011). Но необходимо отметить, что это, скорее, спорадическое явление, чем установившаяся традиция.

Средства массовой информации, а также словари лексических инноваций [20] предлагают значительное количество слов-феминативов, которыми раньше не располагала лексическая система языка. В отношении женских номинаций нужно признать, что они построены по установившимся продуктивным и непродуктивным языковым моделям: *борчиня, биєлогиня, реперша, вєждиха, агентєса, критикєса, метрєса, чємпієнеса*. Но насколько они укоренятся в языке, покажет время. А пока ученый мир наблюдает и анализирует принципы и способы укоренения (или отторжения) новых слов в языке.

Перспективы исследования в этой области достаточно широки. Наука не стоит на месте, и сегодня ведутся работы по составлению нового толкового словаря в 20-ти томах. Как сказал классик украинской литературы, Максим Рильский, „нове життя нового прагне слова”. Будем надеяться, что хорошего.

References:

1. Денисова А. А. Сексизм [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/237.htm>.
2. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte. – 1978. – S. 49 – 68.
3. Lakoff R. Language and women's Place // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 45 – 79.
4. Pusch L. Das Deutsche als Männer-sprache // Linguistische Berichte. – 1981. – S. 59 – 74.

5. Янко-Триницкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Янко-Триницкая Н. А. Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 153 – 167.

6. Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. – С. 510 – 525.

7. Шахмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. – М.: МГУ, 1996. – С. 226 – 273.

8. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

9. Горошко Е. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999.

10. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности „Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – М.: Слово, 2000. – С. 216.

11. Темиргазина З. К. Гендерная асимметрия в номинации лиц по профессии // Гендерная лингвистика: Коллективная монография. – Павлодар, 2013. – 584 с.

12. Брус М. П. Загальні жіночі особові номінації в українській мові XVI-XVII століть: словотвір і семантика: дис. ... канд. філол. наук. – Івано-Франківськ, 2001.

13. Семенюк С. П. Формування словотвірної системи іменників з модифікаційним значенням жіночої статі в новій українській мові: дис. ... канд. філол. наук. – Запоріжжя, 2000. – 273 с.

14. Нєлюба А.М. „Гендерна лінгвістика” і малопродуктивні словотвірні засоби // Лінгвістика. – 2011. – № 1 (22). – С.135–142.

15. Мазурик Д.В. Інноваційні процеси в лєксіці сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ ст.): авторєф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова”. – Львів, 2002. – 21 с.

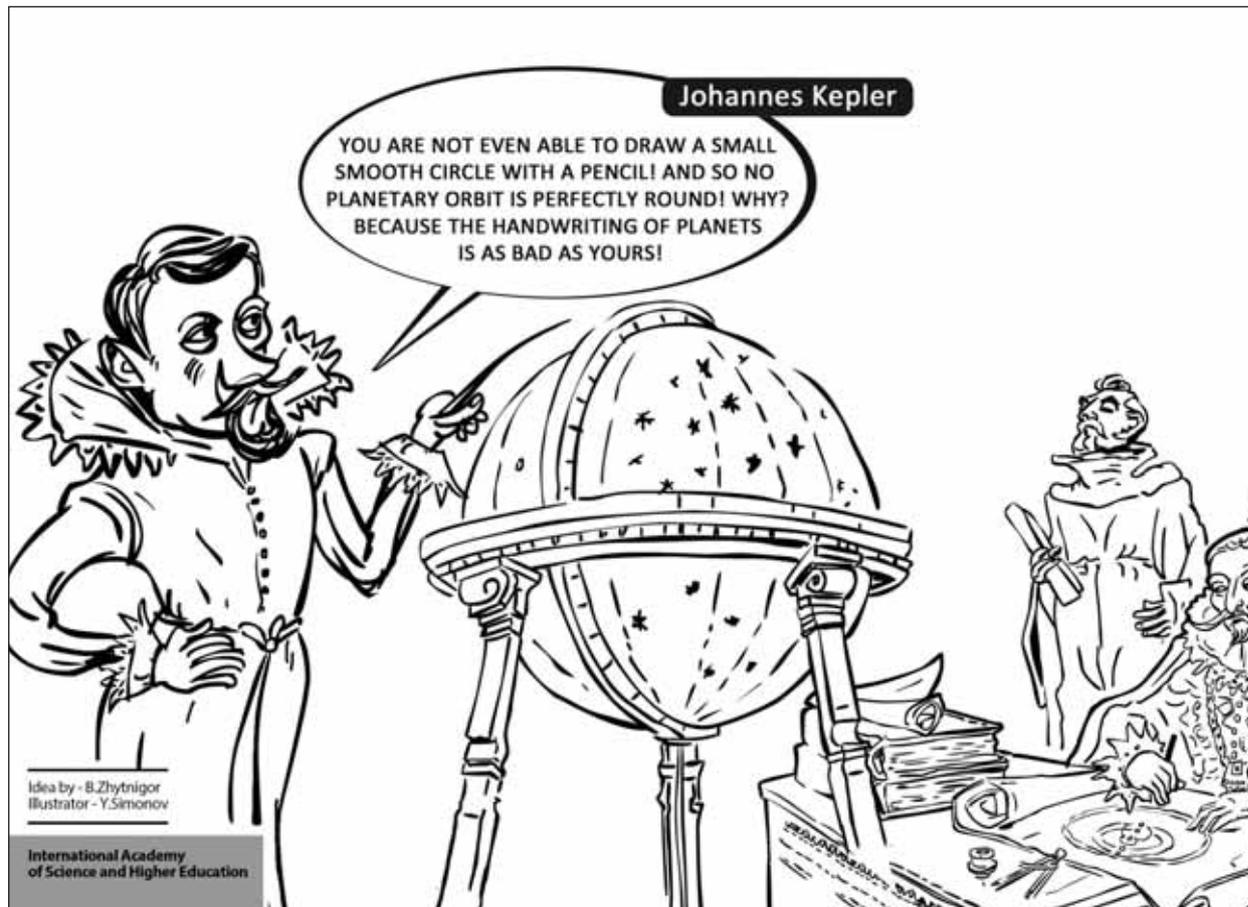
16. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. – М.: Муравей, 2003.

17. Латышев И. А. Семейная жизнь японцев. – М., 1985.

18. Герасименко Д. Политическая корректность как социокультурное явление и её отражение в современном английском языке: авторєф. дис. на соиск. учєн. степ. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 „Германские языки”. – 20 с.

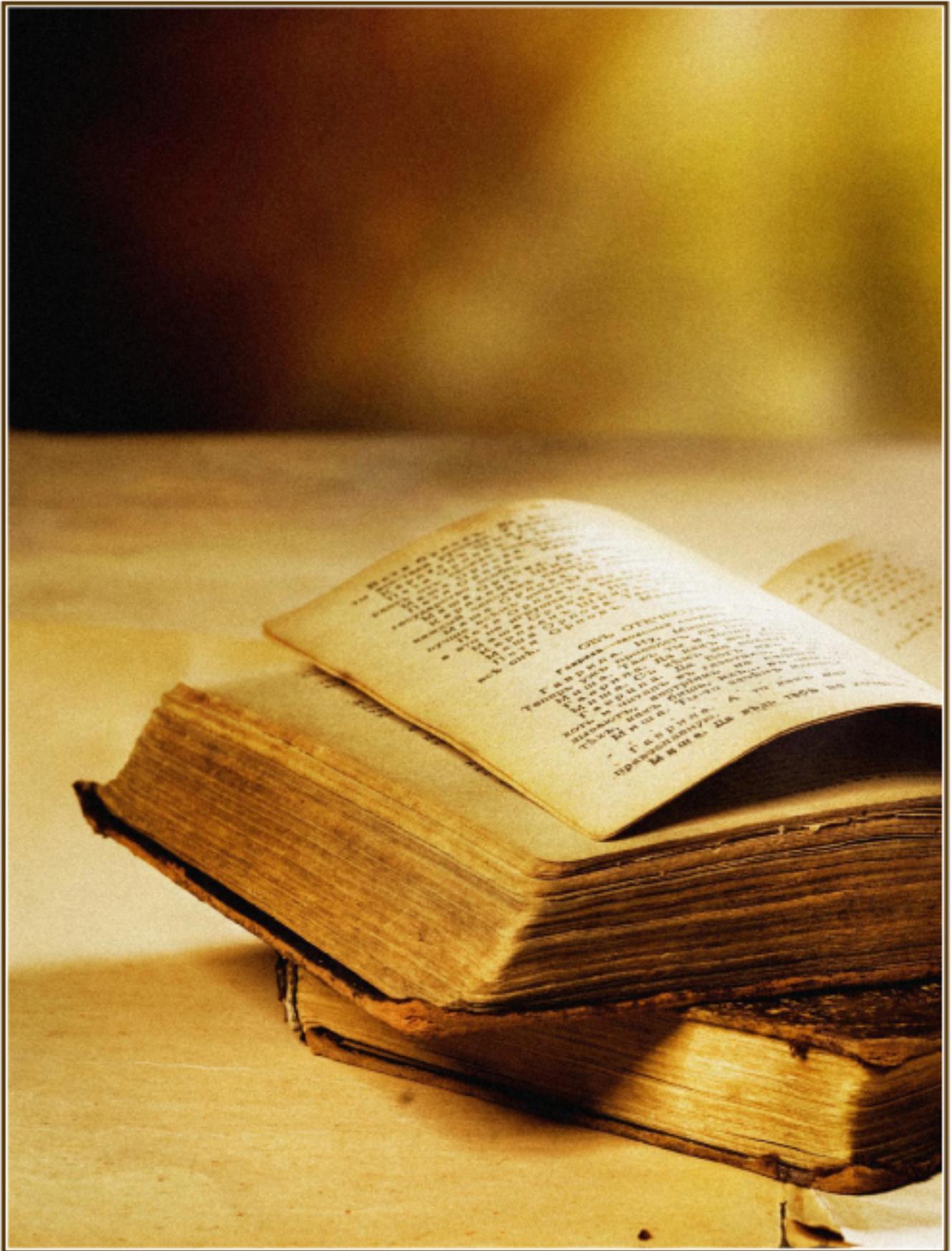
19. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2005. – 1728 с.

20. Нєлюба А., Нєлюба С. Лєксіко-словотвірні інновації (2004-2006): Словник. – Х.: Майдан, 2007. – 144 с.

GISAP Championships and Conferences 2014

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JANUARY			
Psychology and Education	27.01-03.02	I	Problems of correlation of interpersonal interactions and educational technologies in social relations
FEBRUARY			
Philology, linguistics	05.02-10.02	I	Modern linguistic systems as instruments of the reality transformation
Culturology, Art History, Philosophy and History	20.02-25.02	I	Factor of personal harmonious development within the structure of the global society progress
MARCH			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05.03-11.03	I	Development of species and processes of their life support through the prism of natural evolution and expediency
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	21.03-26.03	I	Isolation and unification vectors in the social development coordinate system
APRIL			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	09.04-14.04	I	Space, time, matter: evolutionary harmony or the ordered chaos
Technical sciences, Architecture and Construction	25.04-30.04	I	Man-made world as an instrument of life support and creative self-expression of mankind
MAY			
Psychology and Education	15.05-20.05	II	Subject and object of cognition in a projection of educational techniques and psychological concepts
JUNE			
Philology, linguistics	05.06-10.06	II	Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications
Culturology, Art History, Philosophy and History	19.06-24.06	II	Traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	03.07-08.07	II	Life and social programs of biological organisms' existence quality development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	24.07-29.07	II	The power and freedom in the structure of global trends of development of economical and legal systems and management techniques
AUGUST			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	08.08-13.08	II	Properties of matter in the focus of attention of modern theoretical doctrines
Technical sciences, Architecture and Construction	28.08-02.09	II	Creation as the factor of evolutionary development and the society's aspiration to perfection
SEPTEMBER			
Psychology and Education	17.09-22.09	III	Interpersonal mechanisms of knowledge and experience transfer in the process of public relations development
OCTOBER			
Philology, linguistics	02.10-07.10	III	Problems of combination of individualization and unification in language systems within modern communicative trends
Culturology, Art History, Philosophy and History	16.10-21.10	III	Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05.11-10.11	III	Techniques of ensuring the duration and quality of biological life at the present stage of the humanity development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	20.11-25.11	III	Influence of the social processes globalization factor on the economical and legal development of states and corporations
DECEMBER			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	04.12-09.12	III	Variety of interaction forms of material objects through a prism of the latest analytical concepts
Technical sciences, Architecture and Construction	18.12-23.12	III	Target and procedural aspects of scientific and technical progress at the beginning of the XXI century

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949

E-mail: office@gisap.eu

Web: <http://gisap.eu>